

Григорий Аркатов

ФАНТАСТИКА
БЛЯСТИШ

Григорий Аркатов

Фантастиш блястиш

«Эдитус»

2017

Аркатов Г.

Фантастиш блестяиш / Г. Аркатов — «Эдитус», 2017

ISBN 978-5-00058-535-1

Политический заключенный Геннадий Чайкенфегель выходит на свободу после десяти лет пребывания в тюрьме. Он полон надежд на новую жизнь, на новое будущее, однако вскоре ему предстоит понять, что за прошедшие годы мир кардинально переменялся и что никто не помнит тех жертв, на которые ему пришлось пойти ради спасения этого нового мира...

ISBN 978-5-00058-535-1

© Аркатов Г., 2017

© Эдитус, 2017

Содержание

Предыстория. Ельцин жив!!!	6
День 1. Гастробайтер по требованию	83
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Григорий Аркатов

Фантастиш блястиш

© Издательство «Эдитус»

* * *

Когда во мне просыпается желание о чем-то написать, я живописно представляю себе сюжет будущей книги, однако, когда приступаю к написанию, в моей голове рождается множество левых идей, которые начинают затмевать изначальную идею, так что в итоге получается нечто совсем другое, не то, о чем я намеревался написать.

Не стоит думать, что меня злит подобное положение вещей. Я счастлив, когда удастся написать что-то стоящее, хотя о стоимости судить не мне....

Григорий Аркатов, декабрь 2004 года.

Зачем я пишу эти строки?

Я мог бы назвать Вам миллионы миллиардов причин, но вряд ли хотя бы одна из них была бы хоть чуточку истинной.

Мне просто внезапно захотелось кому-нибудь рассказать об этом безумии, но рядом никого не оказалось.

Алексей Казанский.

Предыстория. Ельцин жив!!!

Странно. Знаете, в мире много странных вещей: странные люди, которые смотрят на тебя искоса, странные поступки, которые нельзя никак объяснить, странные места, где можно ожидать чего угодно, но только не того, что тебе нужно, странные слова, как будто ни о чём...

Что-то я устал распинаться. Может, вы сами перечислите? Хорошо. Договорились.

Я вышел во двор. Темновато. В деревне уже лет семь нет уличного освещения. Возможно, гораздо дольше. Однако со временем привыкаешь. Привыкаешь так, что потом не можешь отвыкнуть.

Бывает, я решаюсь разобраться в своих чувствах к темноте, но все напрасно. Моих мотивов не передать словами. Пожалуй, для меня темнота сродни героину. Да, она способна меня убить, но все равно каждый вечер я иду к ней.

Конец декабря, однако, я вышел на улицу в футболке и в тапочках на босу ногу. Не бойтесь. На улице ноль градусов. Капает с крыш, под ногами слякоть, но это не все... Туман. Все вокруг покрыто туманом. Не густым, не беспросветным, но все же туманом. Такой бывает в августе..., но не в декабре.

Второй раз в жизни вижу такое. Первый был вчера, но вчера было светлее. Странно.

– А-у-ух, А-у-ух!

Мой дом в 300-ах метрах от кладбища. Это оттуда. Одиннадцатый час. Для мертвецов рановато. Скорее всего, зимнее обострение. А может мертвецы перешли на новый график?

По спине пробежала дрожь.

А кто его знает?! Кругом туман и ничего не видно.

– А-у-ух, А-у-ух! – еще раз.

Пойду-ка я домой по добру по здорову...

И все-таки это странно...

* * *

– Алло!

– Да, я слушаю.

– Это я.

– Кто именно?

– Дубровский.

– Что тебе нужно?

– Мне все известно.

* * *

– Так о чем речь? – задал вопрос мой новый знакомый, когда Давид отчалил.

Я чувствовал себя неловко.

Не то чтобы меня что-то сковывало. Просто я впервые увидел этого товарища неполные семь минут назад, а все новое меня всегда смущало. К тому же я не совсем догонял цель сиюминутной встречи...

* * *

Истории могут начинаться по-разному.

Иногда это телефонный звонок или стук в дверь, а в другой раз главный герой выходит на улицу и кого-то сбивает машина.

И в принципе детали не столь важны. Главное с первых слов привлечь читателя, чтобы он уже не смог ни спать, ни пить, ни есть,... чтобы он жил только с единой мыслью о том, что там вам успела наболтать ваша фантазия...

А вот в жизни все иначе. Здесь нет случайных и неожиданных обстоятельств, событий, хитросплетений... Только сухая и черствая правда...

Насколько я помню, то был конец февраля или начало марта.

Со всеми этими глобальными потеплениями бывает трудно разобраться, где зима, а где лето.

Однако это и не столь важно.

Скажу лишь, что снег еще не сошел, но неторопливо уходящая в плюс температура уже начинала устраивать слякоть.

Именно через нее мне и пришлось пробираться, дабы достичь автобусной остановки. Тогда мне не хватало денег на приличную обувь и потому каждый раз после эдакой пробуксовки в талом снеге пальцы ног отчетливо ощущали влажность носков.

И все же это обстоятельство меня не особо расстраивало.

Со временем ко всему привыкаешь. Другое дело – новость, что посетила меня пять минут назад. В тот самый момент я проходил мимо деканата и приметил неброское объявление. Не думаю, что стоит повторять его слово в слово.

Главнее суть. А суть заключалась в том, что по каким-то таинственным и фантастическим причинам отменялась повышенная стипендия для отличников.

«Прекрасно...», – такова была моя реакция.

Оставалось только понять, как прожить месяц без трети бюджета. Для тех, кто не понимает умных слов, или тех, у кого плохо с дробями, скажу просто – мне предстояло жить десять дней в месяц за счет мучительной надежды на благодать свыше.

Все это я рассказал не для того, чтобы кого-то разжалобить или посмеяться над придурками, издающими законы и приказы. Просто хотелось уверить вас, что после такого влажность в ногах выглядит очевидной мелочевкой.

В какой-то момент я достиг толпы страждущих. Их было действительно много и все они подобно мне неистово спешили избавиться от дневных мытарств, погрузившись в горячую ванну с пеной.

Однако большинству из стоявших на остановке предстояло сначала преодолеть километров пять расстояния, а то и больше. И лишь тогда их желания смогли бы сбыться, правда при условии, что сегодня никому не взбредет в очередной раз отключить город от горячей воды.

На лицах без особого труда любой мог узреть усталость.

Они устали, но не столько от тяжелого рабочего дня, сколько от нелепого и утомительного ожидания куда-то запропастившегося автобуса. И где-то местами в мимике лица уже просыпалось раздражение. Но никто и слова не сказал, потому что опыт минувшего говорил о том, что словами делу не помочь. Другие способы не вбегали, не врывались и даже не стучались в их обыденный ум. И потому все по-прежнему молча стояли на остановке и ждали общественный транспорт.

После двадцати минут пребывания в подобной атмосфере, я решил, что с меня хватит. Короткий взмах рукой и передо мной остановилась 52-ая маршрутка.

«Отнюдь», – мелькнуло в извилинах, – «Иногда приходится раскошелиться».

Передав деньги в кассу, я смог выбрать себе одно из свободных мест. Дверь захлопнулась, и маршрутка помчалась дальше.

Меж тем я все больше впадал в депрессивное состояние.

Навязчивые мысли о финансовых трудностях неожиданно стали неким гвоздем, который я сам себе вбивал в череп. Ощущение было ужасным и чтобы хоть как-то сбросить с себя эту пелену негатива, я поднял глаза с пола и оглядел присутствующих.

И тут свершилась божественная благодать, о которой я говорил ранее. С секунду я пытался убедить себя, что мне опять что-то мерещится, но спустя какое-то время все же пришлось смириться с очевидным. Передо мной стоял тот, с кем я так настойчиво искал встречи последние несколько месяцев.

Да, это был доцент Лавринов собственной персоной.

Несомненно, такие сюрпризы ошеломляют, особенно когда ты ни грамма не веришь в небеса вместе с их неожиданно падающей манной.

Когда ослепленность чудом пошла на спад, я смог связать два слова, но не больше.

– Вячеслав Георгиевич...

Для убедительности мне даже вздумалось встать и сделать шаг навстречу.

– Я вас слушаю...

Взгляд Лавринова отражал неписаную истину о том, что он никак не ожидал того, чтобы какой-то незнакомый парень докопается до него в маршрутке. Однако отступать было поздно.

– Я ваш студент, член Совета молодых ученых. Три месяца назад вы одобрили мой научный проект, а потом все заглохло. Я пытался встретиться с вами, но мне все время говорят, что вас нет или вы заняты...

Лавринов внимательно слушал лишь до тех пор, пока причина разговора не стала прозрачной как стекло.

– Все решаемо, – таков был ответ.

Но мне слишком часто приходилось слышать нечто подобное.

– Вы обещаете? – спросил я, впившись взглядом в его глаза.

Доцент посмотрел на меня настолько пристально, что по спине пробежал холодок, облизал иссохшиеся губы и тихо прошептал:

– В моем кабинете завтра в пять.

От его дыхания слабо разило алкоголем и правдивостью. И после маломальских аргументов на душе сразу же полегчало.

– Спасибо, – коротко добавил я и поспешил ретироваться, дабы ненароком не обменять благосклонность верхов на нечто противоположное.

Спустя пару остановок Лавринов вышел, и, провожая его взглядом, я сумел окончательно расслабиться и заняться своими делами. Рука скользнула в карман и извлекла мобильник, а пальцы быстренько набрали нужный номер. После нескольких гудков абонент подал голос.

– Да...

– Толян, это Гена.

– Я сплю...

– Тогда просыпайся поскорее. Я еду к тебе.

За бесплатную минуту мне удалось сообщить приятелю все необходимое. К тому же радовал и тот факт, что на 52-ой маршрутке я мог без лишних пересадок и затрат добраться в Заволжье. По пути водитель согласно старой тверской традиции поинтересовался:

– Кому-нибудь нужно на кладбище?

Никто не ответил.

Еще пятнадцать минут транспортной тряски, и свежий воздух «вагонозавода» стал доступен мне целиком и полностью.

За время моего недолгого путешествия стало смеркаться и чтобы случайно не попасть в поле зрения местных маньяков и гопников, мне пришлось ускорить шаг.

Оставив позади несколько переулков и проулков, я добрался до дома Толика. Домовладельцы в виду ограниченности мировосприятия не смогли придумать цифровой код чем-то отличный от «666» и потому смысл присутствия чугунной двери в подъезде был весьма сомнителен.

Однако я не жил в этом доме, и мне было исключительно плевать на все в нем происходящее. Правда местные жильцы мало чем уступали мне в этом вопросе, что собственно и не мешало нам с приятелем проворачивать свои делишки.

Звонок в дверь не вызвал немедленной реакции, но зная Толика, не стоило ждать чего-то другого. Наоборот, немыслимая скорость могла бы вызвать кучу подозрений о каких-то таинственных подвохах.

С пять минут я слышал возню за дверью, топот ног и дребезжание чего-то. Но, в конце концов, шум и гам прекратился, раздался скрип движения в замке и передо мной предстал Толик. Его взгляд все еще был слегка туманен, а волосы взъерошены и зачесаны набекрень.

– Приветус! – воскликнул он, оскалив белозубую улыбку.

На самом деле большинство из нас не верят ни в богов, ни в богинь. Да и какой идиот поверит, что на какой-то там горе живет куча народу, и все они вершат наши судьбы. Будь они всесильны, давно бы переехали в теплые квартиры. А так мерзнут там и злятся на людей.

Из-за того и бросают в нас молнии.

Не менее уморительна история о некоем «подглядывающем» боге, которому не нравится когда другие пьют и кушают при свете дня. В таком случае лучше уж Зевс.

Он хотя бы не ныкается, да и молнии иногда все же к месту.

Но при всем этом нашем нигилизме мы почему-то неотступно следуем всякого рода приметам, из-за которых мы можем лишиться денег, попасть под кирпич или не дай Бог поспорить с кем-то. А ведь, по сути, эти приметы так же нелепы, как и товарищи с Олимпа. Однако, даже понимая эту вычурную нелепость, мы продолжаем их чтить.

Почему? Возможно потому, что Бог все-таки есть. И просыпаясь по ночам в холодном поту, мы отчаянно возносим к нему наши молитвы. И если в этот момент вас спросят: «Каково его имя?», вы ужаснетесь с еще большей силой, ведь как самый истинный Бог он устрашает даже именем своим. И это не преувеличение, ведь имя этого Бога – «Страх».

Не забывая об очередной примете, я перешагнул порог и только потом совершил рукопожатие с Толиком.

Пока он запирает дверь, я успел скинуть обувь и переодеть носки.

– Так что там случилось? – спросил Толик, когда закончил с дверью.

Не обращая внимания на вопрос, я аккуратно поставил ботинки в угол, а после повел себя как самый наглый гость.

– Может, сначала приготовишь чаю?

Хозяин квартиры мгновенно воспринял намек и двинул на кухню.

А я тем временем зашел в ванную освежиться. На выходе меня уже ждал торжественный прием.

Аромат свежесваренного чая мягко растекался по всей квартире, на кухонном столе в мгновение ока появилась свежая выпечка и различные закуски, из комнаты приглушенно доносилась ненавязчивая музыка...

– Только не говори, что пока я сутками напролет прозябал в лаборатории, к тебе приезжали предки, – поинтересовался я, отыскав приятеля в комнате.

– Вообще-то да, – ответил Толик, решив, что придумывать оправдания и отмазки слишком сложно, – Но ввиду грядущих проблем с твоими финансами...

– То есть ты знал?!..

Вопрос бил не в бровь, а прямо в глаз. Но и тут Толик не стал молить о пощаде.

– В древности казнили гонцов, несущих плохие вести...

– Но мы не в древности...

Толик не хотел и дальше нагнетать ситуацию и потому сказал проще:

– Не парься! Что-нибудь придумаем.

После таких уверений настроение вновь скакнуло вверх.

– Кстати потому я и приехал...

Но Толик уже выпихивал меня из комнаты.

– Пойдем. Ты же сам хотел чаю.

Пришлось согласиться. И надо признать, это стоило того.

Предки Толика были какими-то депутатами в каком-то собрании то ли в Калуге, то ли еще где. Меня это как-то не особо интересовало.

Но они весьма щедро содержали своего сынка. Во всяком случае, его никогда не беспокоила невыплата стипендии.

Другое дело – я.

У обычного парня из какой-то там Бетлицы не было богатеньких родителей, и стипендия была моим единственным средством к существованию.

Но мне еще повезло, что не приходилось жить в общежитии с шизанутыми наркоманами благодаря доставшейся в наследство от бабушки хате, да родственничкам, которые все-таки как ни как, но платили за квартиру.

– Все путем? – периодически спрашивал Толик, когда я отправлял в рот очередной бутерброд.

– Путем, – отвечал я, и мы продолжали пиршество.

После активного насыщения пришло время собраться с мыслями.

– И все-таки жизнь прекрасна, – возвестил хозяин квартиры, – Не хватает только телок и пива.

– Думаю, скоро с этим будет проще.

Толик бросил на меня недоверчивый взгляд.

– Отвечаешь?!

– Отвечаю.

– Тогда выкладывай.... Не томи.

После этих слов мой приятель уселся за столом в мыслительной позе Сократа и сосредоточился на мне.

– Я встретил Лавринова в маршрутке.

Возможно, Толик и готовился к чему-то неординарному, но подобная новость буквально вынесла ему мозг.

– Да ты гонишь...

– А вот и нет.

Приятелю понадобилось время, чтобы пережевать несуразность бытия.

– И что?

– Я встречаюсь с ним завтра в пять.

– Да ну!!!

На последнем слове Толик распрощался с Сократом и торжественно откинулся на спинку стула, словно пытаясь вознести хвалу небесам. Но вместо этого сказал следующее:

– Ты – чудо! Других слов просто нет. Три месяца простоя и обивания порогов, а потом ты просто встречаешь его в маршрутке....

Он был на эмоциях.

И это было простительно.

Скорее всего, веселье продолжалось бы и дальше, если б не раздался звонок в дверь.

Мы переглянулись.

– Ты кого-то ждешь? – спросил я Толика.

Тот отрицательно качнул головой и направился в прихожую. Я же продолжал сидеть на кухне и ждать развязки. Вариантов было много, и все они торчали костью в горле.

После недолгой сумятицы у входной двери, раздался голос:

– Здорово!

И тогда я понял, что случилось худшее. Спустя мгновение под топот огромных ботинок на кухню прошагал здоровый детина двух метров роста. Увидев меня, он сразу же метнул реплику:

– Здорово, Генка! – после чего нырнул рукой за пазуху и, выудив оттуда бутылку водки, с торжественным стуком опустил ее на стол, – Гуляем! – это была завершающая фраза его творческого выступления.

К тому моменту где-то позади новоявленного гостя появился Толик. Гость оглянулся, поймал какую-то мысль, а потом выдал некое «суммари»:

– Повесь-ка мою куртку.

Толик без лишних слов и со смиренным выражением лица бросился выполнять веле-ние, оставив гостя наедине со мной. Давненько небритая рожа скользнула оценивающим взглядом по моей физиономии, а затем плюхнула свой зад на первый попавшийся стул и, развалившись по-свойски, экстатически уставилась в потолок.

Какое-то мгновение и Толик вернулся. Причем как раз для нового задания.

– Да-да, и ботиночки тоже...

На самом деле гость не был гостем, а являл собой полноправного соседа Толика по квартире. Другое дело, что появлялся он на хате только по «божественным» праздникам.

Все остальное время этого весьма странноватого субъекта проходило у всевозможных телок. Как звали его, мне было не досуг, но Толик в разговорах упоминал его просто как «Фролов».

Личной встречей меня удостоили впервые, но мои штаны были лишены счастья, тем более что слава этого персонажа бежала далеко впереди.

– Так чем занимаетесь? – спросил Фролов, когда все собрались за столом.

Нас с Толиком нереально колбасило от одного присутствия непрошеного гостя, а тут еще посыпались вопросы. Мой приятель молчал и искоса поглядывал то на меня, то на Фролова, так что пришлось мне рискнуть здоровьем.

– Учимся.

Ничего умнее мои извилины не производили навскидку. Однако даже этот примитивизм заставил Фролова погрузиться в сонм философских размышлений.

– Учитесь... ученье – свет... и чему же вы учитесь?..

– Наукам.

– Науки это хорошо...

Далее пластинка застопорилась, и, чтобы не томить слушателей, Фролов выдал свежее решение, что возможно смогло бы помочь ему отыскать утерянные, но крайне нужные слова:

– Толик, наливай!

И Толик в очередной раз примерно исполнил директивы. Словно по мановению руки, на столе мигом появились стаканы, а чуть позже в них уже плескалась ядреная жидкость.

– Будем! – сказал Фролов и выпил залпом, потом утер рот рукавом и осенил нас очередной истиной, – Повторим!

Касательно водки Толик не требовал подсказок, и хотя после первой его глазенки уже стали мутнеть, рефлексy работали без единого сбоя. Так что не успел Фролов сказать «по...», как в его руке уже маячил полный стакан.

– Будем! – сказал Фролов, вновь ограничившись творческим минимализмом.

На этот раз, утершись рукавом, он стал копаться в убранстве стола в поисках подходящего закусона. И как итог, Фролов вцепился двумя пальцами в два куска колбасы и, зажав их между зубами, стал смачно пережевывать деликатес, одновременно рассматривая невидимые узоры на потолке.

Когда медитация себя исчерпала, он вновь вернулся к нам, простым смертным.

– Так что за науки?

Мне не хотелось еще больше рисковать здоровьем, вставляя в диалог очередной тупой обрывок фразы, да и алкоголь слегка развязал язык.

– Вообще-то мы будущие врачи.

Фролов изобразил на лице вялую мину изумления, после чего добавил:

– И что из этого?

Когда не знаешь собеседника, можешь случайно попасть впросак, а потом приходится как-то оправдываться.

– Ну, мы изучаем разные науки...

– Зачем?

– ...чтобы лечить и находить лекарства...

– Точно!

Фролов просто воссиял от всей гениальности той мысли, что ненароком его посетила. После этого он ткнул в Толика пальцем и выдал очередной постулат:

– Я тоже нашел лекарство.... Давай!!

В третий раз Толик наполнил стаканы в мгновение ока, а мы осушили их еще быстрее, почти со скоростью света. Когда бутылка была допита, Фролов оглядел скрытый туманом внешний мир и, как бы пугливо спасаясь от его безудержной многоликости, издал новый приказ своему соседу:

– Толюсик, тащи заначку!

Минут десять, не меньше, Толик где-то шарился в поисках истины, после чего он нетвердой походкой прибыл на кухню, держа в каждой руке по бутылке.

– Молоток! – сказал Фролов при виде явившихся святых граалей и по каким-то собственным мотивам взялся разливать сам.

Очередное «Будем!» не было последним, а когда еще две бутылки ушли под стол Фролов продолжил научную дискуссию.

– Ну как?! – обратился он ко мне.

– В смысле?

– Как тебе мое лекарство?

– Ничего.

– Да ты что? – возмутился новоявленный лекарь, недовольно перекосив пьяную рожу, – Не уважаешь?!?

Я был в большем адеквате по сравнению с ним, и потому с трудом понимал эзотерические мысли из космоса, но все же, согласно какому-то внутреннему императиву, старался избегать острых углов.

– Конечно, уважаю.

– Тогда давай обнимемся, братуха!

Вот тут императиву пришлось серьезно поднапрячься, учитывая рассказы Толика о том, как его сосед склонен по пьяни освещать преимущества однополрой любви.

Однако, объятия – это еще не повод...

Оставив меня в покое, Фролов вернулся к своей излюбленной медитации на потолок и так завис достаточно надолго. Толик тем временем уже был в стадии готовности упасть мордой в салат (жаль, что салата не было в наличии), но под порывами последних усилий воли все еще держался. В конце концов, медитация в очередной раз себя исчерпала, и странствующий ковбой вернулся из космоса. И вновь на его пути оказался я.

– А вот ты знаешь, что я лечу?!

С этим ответом у меня совсем не срослось. А все потому, что было непонятно, то ли Фролов куда-то летит, то ли все-таки кого-то лечит.

Пока я раздумывал над лексической многогранностью реплики в слепых потугах уяснить невообразимое, ответ мне выдали авансом.

– Не знаешь...

В словах Фролова чувствовалась горечь. От нее мне даже стало за себя обидно.

«Гена, как ты мог?!»

– Не знаешь..., – повторил Фролов, видимо для убедительности, – А у меня сердце болит..., просто разрывается...

«Ну, поплыли», – решил было я, – «Сейчас начнется про однополую любовь».

Однако Фролов выдал нечто противоположное.

– Знаешь, без нас вы – малолетние бездельники – не смогли бы учить ваши задрюпанные науки.... А мы...

– Вы – это кто? – вставил я резкое словцо, не боясь получить по шее.

Если тебя называют «малолетним бездельником», тут уже не до политкорректности.

– Мы – это ОРДА!.. – воскликнул Фролов и со всей дури хрякнул кулаком по столу, так что Толик мгновенно пришел в себя.

«Неужто Золотая?!» – подумал я.

Меж тем Фролов перешел с лицемерия потолка на лицемерие собственных рук. Он ими и крутил, и вертел, и осматривал их со всех сторон, мысленно пересчитывал пальцы и фаланги. Когда это занятие его утомило, ему удалось сварганить парочку новых реплик:

– Мы строили демократию, и будем строить ее дальше. Жаль только Боря Ельцин покинул нас.... Но он всегда в наших сердцах. Он жил, живет и будет жить!

Где-то в голове постепенно складывалось мнение, что тематика однополый любви не так уж и плоха, а вот политика – это полная «Ж». Впрочем, возможно вся эта байда и разрулилась бы сама собой, да только в разговор неожиданно встрял Толик.

– Да хватит заливать! Ельцин полный лошара.

И это было роковой ошибкой. Я удостоился чести наблюдать, как постепенно багровеет лицо Фролова, и набухают вены на его шее. Еще мгновение он собирался гневом, а потом правая рука каленой клешней метнулась к горлу Толика.

– Так что ты там говорил? – спросил Фролов, дыша перегаром в лицо оппонента.

Толик меж тем начал синеть.

– Молчишь? Был тут такой же, как ты и тоже Толик. У вас, наверное, это семейное. Так он тоже выступал. И довыступался. А с нашим Лавриновым не стоит шутить. Он такие вещи не любит. Вот Толюсик и получил письмецо в конверте. Ты его сейчас тоже получишь.... Нет, ты у меня его сожрешь...

Пока Толик все еще продолжал синеть и пыхтеть, Фролов достал из заднего кармана какой-то помятый конверт и стал настойчиво пихать его в рот несчастного домочадца. Обычно подобные сцены видишь в кино. Но если это и было фильмом, то не мешало бы нажать на «паузу», пока одному из героев не стало совсем плохо.

В таких ситуациях время теряет границы. Но я знал, что здесь и сейчас все зависит только от меня. Я видел безумие, что скопилось в незваном госте и жизнь, утекающую из моего приятеля.

Мгновений думать не было. И на помощь пришло то, что первым попало под руку. Им оказалась чугунная сковорода, что висела на стене.

Когда ты пьян, динамометрия не имеет смысла. Так что ничего удивительного, что я немного не подрабсчитал. Сковорода приземлилась острым краем на голову Фролова, да еще с такой силой, что череп попросту лопнул как корка арбуза, а брызги крови устроили на стенах сюрреалистические пейзажи.

Со зловещим хрипом Фролов закатил глаза, а его скрюченные пальцы оставили в покое горло случайной жертвы. Он несколько раз дернулся в судорогах, а потом рухнул на пол подобно мешку с картошкой.

– Кх-кх...

Кашель посиневшего приятеля утверждал, что с ним все в порядке. А вот с Фроловым дела обстояли весьма печально.

– Что случилось? – слегка отдышавшись, спросил Толик.

– А ты как думаешь?

Вопрос был риторический, но, тем не менее, я получил ответ.

– Кажется, ты его прибил...

– Спасибо за догадку, – ответил я, – Может, лучше скажешь, что теперь делать с этой кучей дерьма?

– Не знаю...

Не густо, особенно учитывая, что я только что спас этому идиоту жизнь. Впрочем, убийство не входило в наши планы.

– Может, милицию...

Результаты нежданно-негаданной развязки все еще вызывали дрожь в коленках, и глупые советы Толика никак не добавляли спокойствия.

– А ты хочешь в тюрьму?

– Нет.

– Тогда нам нужно избавиться от трупа.

Толик задумался, а я тем временем огляделся по сторонам.

Проблемой был не только труп, но и другие весьма неприятные вещи. К оным относились ошметки мозгов, лужа крови и сковорода как орудие преступления.

Все это нужно было как-то уничтожить, стереть с лица земли, похоронить навеки....

– Знаешь, я видел в кино..., – сказал Толик.

Его идеи всегда были несколько экстравагантны, особенно если он перед этим насмотрелся каких-нибудь психоделических историй по ящику.

– ...нужно его расчленил и растворить «Шуманитом»....

– Да ты гений, брат, – ответил я, – Только вот на кой черт нам его пилить, если можно просто сбросить с балкона.

Мое возражение заставило Толика вернуться к измышлениям. Однако я не собирался до утра торчать на его кухне в обнимку с покойником.

– Собирайся и шуруй в магазин. Купи метров десять полиэтилена и мигом обратно.

У него, несомненно, возник встречный вопрос:

– Зачем?

– Я не хочу весь дом перепачкать кровью, а значит стоит сначала завернуть его в пленку, а уж потом тащить к балкону.

– Угу, – сказал Толик и бросился к обувке, но в какой-то момент остановился и, обернувшись в мою сторону, спросил, – А что если кто-нибудь увидит?

Ответ был до смехотворности прост.

– Увидит? Да на прошлый твой день рождения Варцев посреди бела дня устраивал дефекацию с этого же балкона.... Разве кто-то это заметил? А это все-таки пятый этаж. Да всем плевать.

Последовало очередное «угу» и Толик исчез, негромко хлопнув дверью. Так я остался наедине с трупом, но эта привилегия меня отнюдь не прельщала. И тут бессмысленны заявления о том, что кто-то виноват сам. Я прекрасно знал и понимал, что совсем недавно эта туша была живой, дышала, а теперь она стала куском мяса без целей и перспектив. И именно я изменил некую суть существа, шагнул за грань, определил перспективы.

На пике душевных терзаний раздался звонок в дверь.

«А он быстро», – подумал я и бросился на зов.

Наверное, в тот момент мною двигало неистовое желание избавиться от единения с мертвыми и отдаться в руки живых. Однако, распахнув дверь, я обнаружил на пороге вовсе не Толика. На его законном месте стояла незнакомая девчонка, да еще и как-то натянуто улыбалась.

«Черт!», – когда терпишь фиаско, твои мысли немногословны.

– Здравствуйте....

Нет, этот тон нельзя спутать с чем-то другим. Обычно так говорят, если ты случайно проходишь мимо бесплатной раздачи колбасы. Не знаю, кто породил эту манеру, но любой вполне разумный человек за километр почует подвох.

– До свиданья, – обойдясь без приветствий, ответил я и попытался закрыть дверь.

Однако девчонка оказалась не из хрупких, и совершенно не собиралась сдаваться. Ее рука ухватила за дверь и помешала моему спешному маневру.

– Мы предлагаем безопасные биосовместимые и энергосберегающие пылесосы специально для вас. Если вы их не купите, то вы – идиот. Потому что все нормальные люди уже имеют такие....

– Спасибо, но я предпочитаю веник, – такой была моя очередная отмазка.

Одномоментно я попытался все-таки пересилить мадам, но та безбожно упиралась.

– Но вы не видели его в деле. Один такой пылесос заменит тысячу триста восемьдесят четыре веника. А еще мы предлагаем бесплатную апробацию. Прямо здесь и сейчас мы запылесосим все, что вам заблагорассудится.

Предложение было заманчивым, особенно учитывая весь тот бардак, что творился на кухне, только вот дамочка вряд ли рассчитывала на труп. Так что пришлось соврать.

– Да мы просто блесим чистотой.

Девчонка слегка переменялась в лице. Вероятно, возможность халявы должна была покорить мое сердце, а теперь она просто терялась в догадках, как быть дальше. И все же она не была сломлена.

– А ваши родители дома?

О, Боже, как мне хотелось ее убить. Одним трупом больше, одним трупом меньше.... Никакой разницы....

– Нет.

– А когда они будут?

Осознавая, что по определенным обстоятельствам такое вообще вряд ли возможно, я ответил вполне беспринципно:

– Думаю, что нескоро.

– А ваша супруга?

– Я не женат.

И тут ее осенило.

– А хотите, я буду вашей женой?!

Да, такое предлагают нечасто, и все же мне пришлось ответить:

– Нет.

Вот теперь я убил ее наповал. В ее необъятном мозгу никоим образом не могло уместиться понимание такого отказа. В ее глазах неотвратимо читалась бесконечная мысль:

– Ну как же так???

И куда ее застопорило на этом конфузе, я смело вырвал дверь из ее плена и был таков.

Однако даже после такого успеха мне как-то не хотелось возвращаться на кухню и всматриваться в залитый кровью интерьер. Так что я предпочел сидеть под дверью, периодически заглядывая в глазок с надеждой, что парализованная моей неприступностью мадам в скором времени отчалит.

Минут через двадцать наконец-то объявился Толик, и к нашей общей радости дамочка к тому моменту убралась восвояси.

– Тебя только за смертью посылать....

Впрочем, когда я извлек из пакета покупку, претензии умножились:

– А что другого не было?

Толик не понял вопроса и ответил:

– А че?

– Ну, типа обычной пленки не было? Зачем ты купил с зайчиками?

– Да так прикольной.

– А мы детский утренник, по-твоему, готовим?

Спорить можно было до потери пульса, только вот с трупом нужно было что-то решать. Двойными усилиями мы завернули тело в полиэтилен, и, позабыв про всяческий радикулит, напряглись и дотащили до балкона, а уж там, помогая себе пузом и коленями, спихнули его за борт. В темноте не было видно падения. Но мы услышали глухой шлепок, сообщивший, что Фролов нырнул в сугроб. Только вот все еще только начиналось. Мне удалось найти в кухонном шкафу старый мешок из-под картошки. В него мы запихали остатки полиэтилена, сковородку, некоторые другие вещи, заляпанные кровью.

– Теперь возьми тряпку, – сказал я Толику, – и вымой кухню.

На этот раз мой приятель и соучастник не спорил. Сам же я отправился избавляться от мешка, скопившего в себе улики преступления.

К ночи похолодало, но все же погода была хороша. Быстрым шагом я добрался до контейнера и бросил в него мешок. Других дел на мусорной свалке не предполагалось, и я побрел обратно.

По пути мне страстно захотелось посмотреть ввысь, туда, где мирно и непринужденно сверкали звезды. Среди бесчисленного множества я отыскал то, что знал – созвездие Ориона. Негусто, но со вкусом.

А еще мне захотелось, чтобы где-то там кто-то такой же, как я, так же смотрел в небо и думал, что он вовсе и не одинок во Вселенной. Иногда мечтать не вредно.

Нагулявшись вдоволь, я вернулся в квартиру. Толик к тому времени успел устранить следы безобразий и ждал моих указаний.

– Кажись, все.... Я еще раз оглядел квартиру в поисках чего-то неучтенного и позабытого, но таких вещей не оказалось.

– Кажись, все..., – резюмировал я.

В некотором расслабоне мы расселись по креслам перед телевизором и постарались отвлечься. Толик несколько раз пощелкал пультом, пока не остановился на программе местных новостей. Какой-то блондинчик вещал очередные страсти на фоне Екатерининского дворца:

«Сегодня днем было совершено новое вероломное убийство с политической подоплекой. Известный тверской бизнесмен и меценат Анатолий Чурмаков был задушен в подъезде своего дома. Следственные органы связывают это преступление с недавними нелицеприят-

ными заявлениями Чурмакова в адрес руководства «Объединенной Российской Демократической Ассоциации»....

Этого оказалось достаточно, чтобы шестеренки в моей голове завертелись.

– Толян....

Моего приятеля утомила работа по дому, так что он вряд ли уловил только что сказанное по ящику. Пришлось доносить до него самостоятельно.

– Думаю, именно про этого мужика и долдонил Фролов.

Толик посмотрел на меня очередным взглядом непонимания.

– Ты хочешь пришить дело трупу?

– Нет, но он говорил, что этого Чурмакова заказал Лавринов. А не наш ли это Лавринов?

К сожалению, мои слова все еще были недоступны для понимания.

– У нас есть элемент давления.

– Да ну....

Когда до Толика наконец-то дошло, ему, как и мне, стало ясно, что нас наконец-то настиг тот самый вагон с пряниками, который обязательно должен был перевернуться рядом с нашим сельсоветом. На этой торжественной ноте мы отправились спать. Только вот сон не шел ко мне. Проворочавшись всю ночь, я так и не смог преодолеть бессонницу. То ли влиял груз пережитого, то ли тяготила ответственность грядущего – судить сложно. Но когда в шесть утра под окном зазвенел колесами трамвай, я решил, что с меня хватит попыток. Около часа заняли водные процедуры и одевание, после чего мне ничего не оставалось, кроме как спешить на учебу. Стараясь не будить Толика, я вышел из квартиры и вдохнул морозный воздух нового дня.

Минут через пять на остановку прибыл нужный автобус. Это был старый проржавелый транспорт с грязно-желтой окраской и никому не известным названием. Очередной осколок уходящей эпохи, которая неслучайно задержалась в среднерусском захолустье.

Толпа угрюмо-нахальных бабушек рванулась к распахнувшимся дверцам и, пробивая себе дорогу локтями и валенками, ворвалась в салон.

Я не спеша и без лишней суеты вошел в автобус последним и сел на свободное место у окна. Осмотрев скучающим взглядом салон, я к своему удивлению заметил еще с дюжину пустых мест.

«Невольно возникает вопрос, зачем нужно было бежать?»

В ответ слышались аплодисменты дверей, и мы двинулись в путь. Мне хотелось побыстрее уснуть под мелодичные звуки в наушниках, дабы не маяться скукотой путешествия, и тут я увидел его....

Он бежал за автобусом, и что-то кричал, спотыкался, падал, вновь поднимался, вновь бежал и все это время пытался что-то сообщить несущемуся по шоссе автобусу.

– Какой-то псих, – подумал я, – Впрочем, он может быть и опоздавшим пассажиром.

Изрыгая добропорядочные намерения, я поспешил к шоферу, чтобы уговорить его остановиться. Однако место шофера пустовало.

– О, черт..., – прошептал я.

По телу пробежала лихорадочная дрожь, и внезапно из океана сознания всплыл детский стишок про автобус, убежавший от водителя.

Шутливая сказка внезапно обратилась в ужасающую реальность. И что хуже всего, именно я и был водителем этого автобуса. И теперь я лежал в сугробе, истекая кровью. Когда я в очередной раз споткнулся, моя рука налетела, на торчащий из земли лист оточенной стали. Так что теперь из обрубков пальцев хлестала кровь, а рядом, уродливо сокращаясь, ползали фаланги....

– За что только платят дворникам?! Мусор как лежал, так и лежит. Не стыда, не совести....

Открыв глаза, я понял, что все это время спал. Плеер закончил проигрывать диск, так что теперь можно было спокойно наслаждаться незамысловатой проповедью какой-то старушечки, которая считала автобус наилучшим местом для изложения своего мнения. Конечно.

Хотелось сказать, что за такую зарплату можно согласиться только лишь на одно – пять революционные песни по типу «Мы рождены, чтоб сделать сказку былью...» или «И Ленин такой молодой...», но внезапно я подумал о другом:

«Ты, старая карга, орешь на весь автобус, что никто не хочет убирать мусор. Но разве не проще было бы попросту перестать раскидывать мусор на улицах, разве не проще взять все в свои руки?! Или может, ты считаешь, что он упал с неба, которое в очередной раз спутало карты и вместо гуманитарной помощи отправило нам отбросы?»

Хотелось бы выразить это вслух, однако....

Шофер объявил мою остановку:

– Пятый роддом.

Пришлось уйти по-английски. В ответ автобус громко рывкнул мотором и, выпустив превеликий клуб едкого дыма, продолжил свое угрюмое путешествие. А мне предстояло понять, где же находится чертов роддом. Несмотря на то, что цикл занятий по гинекологии стартовал неделю назад, мое знакомство с ним было старательно отложено. И вовсе не потому, что я питал какую-то нелюбовь к этой науке. Просто пришлось потратить отпущенное гинекологии время на прозябание в лаборатории, где спешно тестировался и синтезировался «Здоровин».

Нарезав парочку кругов, я все-таки установил, что роддом спрятался под фасадом некоего «дома матери и ребенка».

Думаю, о подобных конспирациях не слыхивал сам Бонд. Для уточнения пришлось звякнуть кое-кому.

– Алло, Миш?! Ты на месте?

Слегка недовольный голос в трубке ответил:

– Да.

– А куда идти?

– Спускайся в подвал.

Поиски гинекологии все больше напоминали фильмы про шпионов или тайные секты. Четко следуя указаниям, я спустился по лестнице в подвал, где и обнаружил всех остальных членов группы.

– Здорово, Генка, – слышалось со всех сторон.

– Да ты – халявщик, – сказал кто-то.

Однако меня интересовал другой вопрос.

– А почему мы сидим на стульях посреди коридора?

Однорупники переглянулись и очередной кто-то добавил:

– А это хороший вопрос.

Как раз в этот момент сквозь скопление студентов решил протиснуться странноватого вида чувачело в шапке-ушанке и со снегоуборочной лопатой в руках.

– Прелестно, – еле слышно сорвалось с моих губ.

Дальнейшее общение с народом не срослось, так как появился препод и стал колошматить всех подряд своими занудными расспросами.

– А доктор Чайкенфегель появился или как?

Пришлось сознаться.

– Я здесь, – было сказано мной вдовес к поднятой руке.

Хмурая брюнетка лет тридцати, коей сегодня была уготована роль преподавателя, посмотрела на меня исподлобья и постаралась дать оценку моей нагловатой личности.

– И где вы пропадали в течение недели?

Скорее всего, она ожидала отчаянного плача и безудержной мольбы о прощении, но вместо этого ей сунули под нос измятую бумажку. В ней среди прочих слов значилось главное – «разрешено деканом». Безусловно, она выпала в осадок, но это только подогрело интерес к моей персоне.

– Интересно за что вы получили такое снисхождение?

– Секрет фирмы.

– Так уж и секрет?

– Увы.

Что-то отталкивающее было в этой мадам. Это ощущалось в ее жестах, мимике, тембре голоса, каких-то эксклюзивных фразах. Возможно, все это было врожденным, а может, являло собой плоды всех тех невероятных усилий, которые она прилагала многие годы, чтобы потом оказаться посреди подвала в окружении студентов-имбецилов.

Впрочем, разговор был окончен. Конечно, мне еще предстояло в течение трех часов слушать азы гинекологии, однако за спинами других неплохо спалось. После утомительного сидения в подвале пришлось посетить парочку лекций, а далее оставалось только сесть на автобус и приехать в «Центр новых технологий».

Вышеупомянутый центр представлял собой очередную шарашкину контору, которая присосалась к госбюджету. На самом деле в стенах этого заведения и в помине не было никаких технологий. Зато как звучало. И под этой громогласной эгидой творилось черт знает что. В тоже время рядовым ученым-экспериментаторам приходилось ютиться в скромных лачугах и подсобках. Поэтому неудивительно, что я всеми силами пыжился перетянуть одеяло на себя.

И теперь, поднимаясь по ступенькам вверх навстречу огромным буквам неоновой вывески, я был уверен, что дело в шляпе. В холле меня спросили о целях визита.

– К Лавринову. Мне назначено.

Бабушка в очечках выдала мне пропуск и направила через турникет:

– Этаж 7А, офис 715.

С каждым этажом движения лифта мое сердце билось все чаще. В голове мелькали странные позывы остановиться, передумать, убежать.... Эти мысли не отпускали меня, даже когда я постучался в офис 715.

– Войдите! – раздался голос за дверью.

Я сделал шаг вперед, и тогда отступить стало поздно. Оказавшись внутри, я попал под пристальный взгляд Лавринова. Он сидел за столом, заваленным горой всевозможных бумаг, и изо всех сил пытался с ней разобраться.

– Вы что-то хотели?

Доцент, сбитый с панталыку массой навалившихся дел, не был готов к встрече со мной. От этого сердце забилось еще чаще, отдаваясь ударами в висках.

Нет, определенно убить человека было значительно легче. И все же я выдавил ломкую фразу:

– Мы с вами вчера столкнулись в маршрутке.... Вы сказали подъехать сегодня в пять....

Лавринов с секунду порылся в памяти, а потом выдал:

– Припоминаю.

Далее он сунулся в один из ящиков стола, извлек оттуда здоровенную папку и бросил ее на стол к остальной своре макулатуры.

– Присаживайтесь и займемся делом.

Радостно ухватившись за предложение, я занял кресло супротив столоначальника.

– Так чего вы хотите? – спросил Лавринов, перелистывая материалы в папке.

Несомненно, я хотел очень многого, но как вполне благоразумный человек мыслил рационально и понимал, что о некоторых вещах не стоит говорить вслух.

– Мы разработали новый экспериментальный препарат и хотели бы....

– «Здоровин»?

– Да-да....

Лавринов одновременно слушал меня и изучал содержимое папки, а походу еще и выдавал вопросы:

– Это что-то типа....

– ...иммунокорректора...

Услышав нужное, доцент с преумноженным усердием окунулся в бумаги, так что я не совсем понял, стоит ли мне продолжать повествовать о своих желаниях. В конце концов, он отбросил папку и обратился ко мне:

– А причем тут я?

И вот теперь все зависело только от меня.

– Мы хотим получить разрешение на эксперименты на людях, после чего проводить тестирование на базе вашего центра.

Лавринов призадумался и, откинувшись на спинку кресла, стал шлифовать меня пытливым взглядом.

Устав неистово стучать, мое сердце перешло на замирание. Его попросту защемило, и я ждал, что вот-вот человек, сидящий напротив, скажет решающее слово.

– Этот проект подразумевает серьезные финансовые вливания со стороны государства. К тому же тестирование может занять ни один год. Вы понимаете это?

Конечно же, я все прекрасно понимал, ведь вся эта канитель устраивалась не ради торжества науки и уж точно не ради галочки в отчете.

Всех нас интересовали исключительно хрустящие купюры.

– А вы понимаете, что сулит этот проект лично вам?

От неожиданности встречного вопроса Лавринов даже поперхнулся.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего сверхъестественного. В случае успеха нас всех ждет приличная коммерческая выгода.

Лавринова в очередной раз постигли раздумья, однако на этот раз он как-то нервно ерзал в кресле и потирал ладони. Итогом всего этого тандема стала нелепая фраза:

– Не могу ничего обещать. Все решает Ученый Совет.

– Тогда может вам стоит ему помочь?!

От такого словесного выпада доцента не на шутку перекошило.

– В смысле?

И тут я выдал свой главный козырь.

– Я тут вчера общался с вашим знакомым Фроловым по поводу загадочной смерти товарища Чурмакова....

Продолжать не пришлось. Лавринов стал бледен как поганка и трепетно дал задний ход.

– Я все устраю.

Что и требовалось доказать. С более чем довольным видом я покинул кабинет, оставив своему свежее испеченному покровителю дамоклов меч в подарок. Уже за дверью мне захотелось поделиться с другом Толиком приятными новостями. Ехать к нему не было нужды, и потому я просто совершил телефонный звонок.

– Здорово, Толян!

По моему веселью Толик вмиг смекнул, что наши дела пошли в гору.

– То есть мы в деле? – спросил он.

– Еще как!

– Круто.

Закончив словоблудие, я сунул телефон в карман, потом огляделся и полной грудью вдохнул воздух «Центра новых технологий». Это был воздух перемен.

Спустя две недели мне позвонили. В тот момент я как раз пытался найти два соответствия в куче стиранных носков. Дисплей указывал на неизвестный номер.

– Да?!

В ответ кто-то осторожно поинтересовался:

– Это Геннадий?

– Да.

– Вам звонит Вячеслав Георгиевич Лавринов.

– Да....

– Собирайте все, что у вас там есть и мигом в институт. В час состоится Ученый Совет. Постарайтесь быть убедительным и помните, не все по силам даже мне.

На этой творческой ноте мой собеседник повесил трубку.

«Хорошо», – подумал я и взглянул на часы.

Циферблат утверждал время около двенадцати. Пришлось немного ускориться, чтобы поспеть к сроку. Сунув ноутбук в сумку, я одел совершенно новые носки из праздничной заначки, добавил еще несколько элементов одежды и выбежал на улицу.

В подъезде как всегда заседала местная шпанюга. Не обращая на них внимания, я промчался мимо. Полубегом, полувприпрыжку я сумел за пять минут добрался до местной транспортной остановки. К моей радости тут же подъехала маршрутка. Срочное дело требовало срочных затрат, так что я не стал жевать сопли из-за небольшого кутежа.

Хотелось надеяться, что в обед с транспортом проблем меньше. Нет пробок и нет потенциальных пассажиров, с разбегу пытающихся утрамбовать уже существующих. Однако всякого рода пенсионеры способны путешествовать круглосуточно и по всем направлениям и тем самым путать наши иллюзорные планы и потуги.

На следующей остановке маршрутку тормознула одна из таких.

Забравшись внутрь, она презрительно оглядела салон и с гордым видом уселась на одно из свободных сидений. Возможно, такое поведение было бы уместным, если бы дамочка носила норковую шубу и брюлики во всех местах. Но реальность была более приземленной. Платок на голове и серо-буро-малиновая куртка с длинным подолом из серии аля-коммунизм – вот и все обмундирование, что позволяла бабушке ее пенсия. И все же в башке она мнила себя аристократкой.

– А за проезд? – спросил водителя, культурно выждав пять минут.

– Отстань демон! – злобно гаркнула бабуся, – Веди свою дьявольскую колесницу! Сатана! Дьявол! Изыди!!!

При этом она яростно крестилась, фыркала, оглядывалась на других пассажиров. Наверное, в этот момент водителя мысленно пожалел о выбранной профессии. Когда я вышел на «Площади революции» старушка все еще изгоняла дьявола. И я был несказанно рад, что чудом избежал суда инквизиции. Впрочем, через секунду я забыл про безумную пенсионерку и ее демонов. Своих дел хватало. Оказавшись в холле института, я спешно спустился в раздевалку. Скинутая с плеч верхняя одежда была передана гардеробщице, которая взамен дала бирку с номером:

– Пятьсот семнадцать.

– Спасибо, – ответил я автоматом.

Теперь предстояло подняться на третий этаж. В дверях конференц-зала стоял короткостриженный громила в черном костюме и отполированных туфлях. На бейджике лаконично значилось «СЕРГЕЙ».

Завидев меня, этот шкаф напрягся. Скорее всего, причиной тому была недельная щетина, а может я просто не подходил под образ академических сливок, которые частенько собирались в этом зале и брызжили слюной в экстатическом восхвалении самих себя.

– Вы куда?

Именно такая фраза прозвучала в ответ на мою попытку протиснуться мимо этого шкафа.

– Вот, – сказал я и сунул ему под нос пропуск.

При виде одного осанка громилы резко переменилась. Вместо готовности свернуть мне шею откуда не возьмись появилась некая расшаркивающаяся вежливость швейцара.

– Проходите.

Что ж, я зашел. И тут же мне довелось попасть в пленяющий свет софитов. К моменту моего появления вся плеяда была в сборе. Я был королем лаборатории, но совершенно не разбирался в классификации академических вельмож.

Единственным, кого я знал, был Лавринов. На то время он был занят разговором с каким-то усаатым товарищем, но, завидев меня, оставил беседу и направился мне навстречу.

– Давно пора. Вот-вот начнется, – сказал он, опустив приветствие.

– И что мне делать? – спросил я.

Лавринов махнул рукой в сторону чувака с проектором, а позже пояснил:

– Шуруй к нему и реши вопрос с презентацией. Ты читаешь третьим.

– Хорошо, – сказал я и двинулся в указанном направлении.

Однако Лавринов меня остановил, схватив за руку. В блеске его слегка прищуренных глаз ощущалось нечто пугающее.

– И постарайся меня не подставить.

– Хорошо, – мой ответ обошелся без лишней пугливости, и путь был продолжен.

Добравшись до чувака с проектором, я постарался выказать ему каплю этикета.

– Здравствуйте.

Чувак осмотрел меня с головы до ног с лицом человека, которого все достали. Едва заметный нервный тик так и говорил мне:

«Какого лешего ты приперся, идиот проклятый?»

Но вместо этого с губ сорвалось нечто противоположное:

– Я вас слушаю.

Добавив немного обаяния, я продолжил диалог:

– Можно решить вопрос с презентацией? У меня свой ноутбук.

– Конечно. Вы когда выступаете?

– Третьим.

– Все будет готово.

Свершив еще несколько манипуляций и указав оператору точный адрес презентации, я оглядел конференц-зал в поисках свободного места. Таких было немного, и я выбрал самое отдаленное. Не хотелось мозолить своим видом глаза людям, превосходящим по рангу.

Не успел я усесться, как часть освещения потухла, и на трибуну взошел Лавринов.

– Уважаемые коллеги, мы собрались здесь сегодня, дабы выслушать ряд сообщений, касающихся перспективных проектов в области здравоохранения. Нам предстоит решить, какие из них будут похоронены в архиве под километровым слоем пыли, а какие получают новую жизнь за пределами этой аудитории. Первым выступит профессор Петрульдиус с докладом о связи цвета зубов с цветом потолка. Ян Густавич, просим вас на сцену....

В ответ на призыв к трибуне вышел невысокий немного сгорбленный товарищ лет семидесяти. Перемещался он весьма неспешно, в перерывах между шагами давая ценные замечания неопределенным собеседникам.

Когда он все-таки добрался до трибуны и посмотрел на собравшихся слушателей сквозь толстенные очки, аудитория взорвалась аплодисментами. После трех минут рукоплескания профессор дрожащей рукой потребовал прекращения и открыл свой монолог:

– Уважаемые калеки....

Если честно, мне было плевать, что там насочинял последний латышский стрелок. Все мои мысли сводились к многократному прокручиванию в голове своего выступления. Слишком многое ложилось на кон, в том числе и моя жизнь. Это сейчас Лавринову невыгодно послать ко мне убийц, но если корабль станет тонуть, что его остановит?

– Следующим выступит молодой ученый Геннадий Чайкенфегель с докладом «Здоровин» – наша долгожданная панацея.

Вот и дождались. Возможно, ранее критикуя походку Петрульдиуса, я переборщил, так как, оказавшись на его месте, отчетливо чуял дрожь во всем теле.

– Здравствуйте, уважаемые коллеги....

На первых звуках голос тоже дрожал, но скользнуло несколько предложений и я, увлеченный повествованием о своих экспериментах, моментально забыл обо всех насущных дразгах. Слова неукротимым потоком хлестали из моего горла, утверждая, что...

– ... эффективность «Здоровина» подтверждена в экспериментах на крысах, и мы просим разрешения преступить к следующему этапу исследований. Спасибо за внимание.

На последней фразе последовали бурные продолжительные овации. Я был счастлив, и все же это был не конец. Впереди слушателей ожидало еще шестнадцать докладов, и итог был далек от предсказуемости. Несколько часов мне пришлось сидеть и слушать всякую лабуду про черт знает что. Но в конце концов этот подвиг свершился. Лавринов в очередной раз взошел на сцену и сообщил долгожданные вести:

– Мы объявляем перерыв, за время которого коллегиальная комиссия постарается вынести решение.

«Твою мать, очередное ожидание», – мысленно я уже спекся, но упадническое настроение, что нахлынуло на меня титанической волной, было слишком поспешным.

Спустя несколько минут ко мне подошел Лавринов и кротчайшей репликой «Пойдем!» повел за собой. Миновав небольшой коридорчик, мы вошли в нужное помещение. Здесь в атмосфере приглушенного света тихо играла мелодичная музыка. На огромном столе, что занимал центр комнаты, располагались всевозможные яства. Для бедного студента один вид их был чем-то божественным, низвергающим прочь от обыденности. С другой стороны, все это было не в новинку тем, кто сидел тут же, развалившись в огромных креслах, потягивая ром и раскуривая сигары. Но так и должно было быть, ведь в отличие от меня, эти люди вершили судьбы. Так было и сейчас.

Как только за нами захлопнулась дверь, взоры сидящих сосредоточились на мне.

– Выходит, это и есть тот самый вундеркинд.

Это было обращение из ниоткуда в никуда. После недолгой паузы один из сидящих поднялся и неторопливо подошел ко мне.

– Мы много слышали о вас....

Я не знал, что ответить, как не знал, стоит ли вообще открывать рот.

Тяжелый взгляд царапал мне кожу, пытливо впивался в мои зрачки, заставлял моргать, ежиться, прошибаться потом.

– И вот вы перед нами. Так чего вы хотите?

– Шанса.

Ответ родился сам собой и независимо от моей воли обратился в звуки.

– Неплохо, а? – тот, что пытал меня взглядом, обратился к одному из обитателей кресел, – Что думаете, Давыд Борисович?

Этого я знал. Да и как можно было не узнать ректора института. Вопрос заставил его задуматься, метнуть взгляд в туманную даль, пожать плечами и выдать некую несуразную реплику.

– Молод и горяч. Надо бы присмотреть за ним.

«Пытливый взгляд» кивнул головой, словно поймал сакральное откровение, и плюхнулся обратно в кресло.

– Для начала познакомимся. Если вам неизвестно кто я, то рад представиться. Дмитрий Зеленкин, губернатор Тверской области.

«Да ты что!!!» – воскликнул внутренний голос от небывалого восторга, но я сказал скромнее:

– Очень приятно.

– Думаю, вы слышали, что под моим патронажем осуществляется очередной нацпроект «Добрый конец». И мы бы хотели включить в него вас.

Решив, что от меня ждут слов, я сказал:

– Рад стараться.

– И хорошо, – продолжил Зеленин, – Мы информированы о ваших лабораторных успехах, однако нам с вами необходима очередная липовая бумажка, в которой будет написано, что население ближайших селений страдает получить «Здоровин», а главное, что он им действительно необходим.

– И как?.. – озадаченно спросил я.

Но мои реплики были лишь фоном. Все решения были приняты задолго до моего прихода.

– Мы отправляем вас в Вышний Волочек. Будите там проводить осмотры и изучать здоровье детей в школах и детских садах.

– Но....

– Так как вы в этом мало что смыслите, мы отправляем с вами помощника. Позовите, пожалуйста!

Просьба относилась к Лавринову, который все еще стоял под дверью. Не заставляя ждать других, он дернул ручку и позвал:

– Вадик!

Ответом стало появление званого гостя. Мужчина лет сорока пяти с седеющими волосами и утомленным взглядом выглядел весьма контрастно на моем фоне. Однако он был не меньшей пешкой, чем я.

– Знакомьтесь, Вадим Дотц. В этой командировке он ваш куратор.

– И когда нужно ехать? – спросил я.

– Завтра.

Оказавшись за дверью, я получил содержательное указание от Дотца.

– Завтра в пять на платформе.

Когда тебе выпадает единственный шанс в жизни, тебе не до сна.

И если уж ты не последний кретин, то точно не станешь валяться в постели и слащаво позевывать, увещевая самого себя, что до сих пор все еще рано вставать. Другое дело, коль тебе все до фонаря и ты мечтаешь, что гора приползет к Магомету.

Лишь только стрелки часов достигли трех, я подскочил как ошпаренный и, истерически бегая по квартире, стал собираться в путь. Все суетные дела заняли около часа. Довольно быстро, но расслабляться не стоило. В пятый раз проверив запертость замка, я подошел к лифту и нажал кнопку вызова. Громко скрипя и треща, кабина добралась с самого низа на девятый. Двери распахнулись и я зашел. С такими же тревожными звуками, как и ранее, кабинка попятилась вниз, но тут же резко остановилась и суматошно качнулась.

– Здорово!

Какой-то мужик зашел в лифт и почему-то исполнил приветствие. Когда не знаешь чего ждать, благоразумнее не делать выпадов. Вот я и решил этично пробормотать:

– Здравствуйте.

Двери захлопнулись вновь, а вот мужик продолжал вихлять открытой варежкой.

– Как делища? – спросил он.

И мало того, он протянул мне руку. Казалось бы ничего особенного. Зачем париться из-за рукопожатия? Совершенно незачем, если только вам не суют руку непонятного цвета. А потом ты думаешь: «Это она немыта или за многолетнее пребывание в грязи сработала способность к мимикрии?» И все же, как культурный человек, ты не можешь выдать свои опасения, не можешь посметь обидеть человека, сказав ему, что вся его жизнь дерьмо и сам он дерьмо, потому что немыт и грязен. Нет, ты просто пытаешься на секунду сойти за своего.

– Нормально, – ответил я, пожимая руку.

Мужик оскалился в беззубой улыбке.

– А ты ничего, – сказал он, – Никогда тебя раньше не видел.

– Приезжий.

Такая реплика всегда избавляла от лишних дискуссий. А главное – не приходилось быть удрученным из-за никому ненужного разбирательства генеалогии и глупых вопросов типа «А знаешь того?» или «Знаешь этого?». Тем более что все мысли мои на тот момент сводились к тому, чтобы разойтись со случайным встречным как в море корабли.

– А меня здесь все знают..., – неугомонно продолжал мужик.

О, Боже, лифт двигался целую вечность.

– ...С самого строительства здесь живу и всех сторожу, вот меня все и кормят, поют....

А жена нашла молодого, но все путем....Рано или поздно, но мы вышли на улицу. Радовал сам факт, что мне удалось глотнуть свежий воздух, которым я был на время обделен из-за творческих благоволий рабочего класса.

– Тебе куда?

– А вам? – парировал я встречным вопросом.

Мужик махнул в одну из сторон.

– А мне в другую, – сказал я и указал противоположную.

Да, предстояло сделать крюк, но это стоило того.

– Давай на прощание.

Постепенно становился очевиден секрет долгожительства моего нового знакомого. С таким никто не станет лишним раз связываться.

– Удачи, – пожелал я, вторично пожимая ему руку.

– Да-да-да....

Чувствуя, что это может длиться вечно, я поспешил вырваться из плена.

По вине непредвиденных перипетий сложилось небольшое отставание по графику, так что пришлось наверстывать за счет бега. Было бы намного проще, если б в подворотнях было побольше света, а на тропинках поменьше гололеда. Но жизнь не делает уступок.

Да и ладно. Все равно, оказавшись на платформе, я уперся носом в запертые двери. Нет, я не опоздал. Наоборот я прибыл досрочно на пятнадцать минут. Только вот руководство электричек почему-то считало целесообразным держать народ на морозе вплоть до самого момента отправления.

Возможно, в этом и была логика, возможно, был смысл, как например экономия внутреннего тепла, но людям, что переминались с ноги на ногу в тщетных попытках согреться, было совершенно плевать на всякую экономию и тому подобное.

Два чувака стояли рядом. Один из них по виду был совсем убит положением дел. В какой-то момент он обратился к другому с полным апатии монологом:

– Как за...бало меня все это однообразие, предсказуемость... Как же я все-таки люблю сюрпризы! Так и вся жизнь пройдет в однообразии, предсказуемости.

А как было бы, если б каждый миг являлся чем-то особым, непредсказуемым, не входящим в чью-то матричную схему, когда каждая секунда – что-то новое, непознанное, неузнанное, не услышанное, не увиденное, не бывшее нигде и никогда.

Сладкое чувство непредсказуемости. Как я его обожаю.

В чем-то он был прав, но меня волновало другое: «Где Дотц?»

Вот уже и двери распахнулись, и народ неудержимой лавиной ворвался вовнутрь. А вот Дотца не было.

– Осторожно. Двери закрываются.

И тут я увидел, как он заскакивает в последнюю дверь последнего вагона.

«Наконец-то», – подумал я и попытался свершить нечто подобное.

...Хряк-хрямсть...

То ли не хватило скорости, то ли с реакцией была проблема, но внутри вагона оказалась только моя рука. Сам же я продолжал существовать на платформе.

«Сейчас откроет», – предположил я.

Но напрасно, потому что в следующее мгновение электричка двинулась с места, увлекая меня за собой. Будь то пробы в кино, я, несомненно, получил бы главную роль в каком-нибудь крутом вестерне, где плохие парни грабят поезд.

Однако в жизни единственное, что я мог получить так это удар о стальное ограждение, к которому мы на пару с электричкой неуклонно приближались.

Мужики, что раскуривали папиросы под дверью, оказались достаточно сообразительными, чтобы понять в какой замес я встрял.

– Нажимай! – кричали они какому-то пню в кепке и очках, что стоял рядом со стоп-краном.

Но тот не реагировал. Предположительно этот пень и был тем самым режиссером, что неотступно пытался снять мой фантастический боевик. И как истинный киноман, он неистово желал реалистичной смерти в финале.

Все время, что было предо мной – короткие секунды. Я не хотел бежать за электричкой и силился вырваться из плена. Тем временем мужики, ничего не добившись от пня в кепке и очках, своими силами раздвинули двери. Рука оказалась на свободе, но это совсем не означало, что я не собираюсь в Вышний Волочек.

К счастью, мужики прекрасно понимали мои потребности и все еще держали двери. Добавив усилий в ногах, я на ходу запрыгнул в вагон, и тут же позади меня раздался грохот.

Обернувшись, я выдал короткое «спасибо» и двинулся дальше. Мне еще предстояло найти Дотца. Впрочем, с этим проблем не возникло. Куда сложнее было пробираться сквозь переполненные вагоны. Зато получил сеанс бесплатного массажа.

Где-то по пути как назло зазвонил телефон.

– Слушаю.

Но никто не ответил.

«Да и черт», – подумал я, – «Нужно двигаться дальше».

Только вот некто считал иначе. Очередной звонок вывел меня из себя.

– Да.

На этот раз мне ответили. Какая-то дамочка подобно Галкину из «миллионеров» задала мне бесподобный вопрос:

– Джамал! Это ты?

Ну что я мог ответить? Исключительно правду.

– Я точно не Джамал и даже не его родственник.

В трубке возникло кратковременное затишье.

- А где Джамал?
- Одному Богу известно.
- А откуда у тебя эта SIM-ка?

В дальнейшем разговоре терялся смысл, и я просто отключился и продолжил раздвигать туши пассажиров.

- Что-то ты долго, – с недовольной миной отметил Дотц.

Я ничего не ответил, и дальнейший путь был продолжен без слов и реплик. Приблизительно через час в электричке стало посвободней, и мы даже умудрились усесться.

Без лишних напрягов было намного лучше, а тут еще в вагон зарулил инструментальный квартет.

– Уважаемые пассажиры! Всем приятного пути. И мы предлагаем вашему вниманию группу «Медалика» с последним концертом.

Гитарист ударил по струнам, и бродячий цирк устроил стрельбу мимо нот:

Жаль зарплата не пришла, и аванса не заслали.

Что ж обычные дела, нас с тобою...

Под такую вокальную суспензию легко засыпалось, и я воспользовался случаем. Проснулся я только, когда по радио объявили:

- Мы прибываем на конечную станцию «Вышний Волочек».
- Прекрасно, – оценил я сообщение собственным знаком качества.

А вот Дотц, как и прежде, был молчалив. Схватившись за свою спортивную сумку, он двинулся к выходу. И я последовал за ним.

Когда мы оказались за пределами вокзала, пришло время оглядеться по сторонам. Каких-то будоражащих сознание пейзажей нам не удалось приметить.

Вместо этого кругом царили урбанистические мотивы мелких городишек. Эта печать проявлялась во всем: от серости домов и площадей до нацистских лозунгов на стенах.

Все это смотрелось довольно печально. И хотя мартовские блики весны пытались оживить этот мир, их усилия были тщетны. Слишком глубоко здесь засела безнадега.

- И что теперь? – спросил я.

На этот раз Дотц разговорился.

- Нам нужно дойти до гостиницы, заселиться, а потом у нас по плану школа № 6.

Немного, но уже лучше. Было бы совсем хорошо, если бы этот истукан еще делал лицо попроще, однако не стоило требовать от Вселенной всего и сразу.

За время нашего марш-броска по городу мы не увидели ничего нового. Все то же самое бросалось в глаза и дома, в Твери. Здесь были и «Мобильные платежи», и «Минимаркеты», но не было чего-то особенного.

Все выглядело как-то мелко, убого. Возможно, просто не хватало ажиотажа, которым был пропитан воздух губернской столицы, не хватало вековой величественности построек, не хватало зыбучей глади Волги. А может, дело было в черством холоде, некоей вечной мерзлоте, от которой становилось не по себе.

С полчаса неутомимых поисков нам все же удалось обнаружить адрес, указанный в проспекте. Правда нигде не значилась вывеска с тонким намеком на гостиницу. Заголовки предлагали цветы, мягкие игрушки, сотовую связь и шаурму, но только не ночлег.

На свой страх и риск я тормознул прохожего.

- Не подскажите....

- Туда, – скупой ответ дополнил палец, ткнутый в вывеску «Лас-Вегас».

«Отнюдь», – подумал я.

К сожалению, радоваться долгожданной находке нам пришлось недолго – внутри нас ждал пустующий ресепшен.

- Ау!! – подал голос Дотц, но безрезультатно.

Более отъявленные крики могли призвать санитаров и иные бригады, так что мы не стали устраивать шумиху и спокойно присели.

Поверьте, прошел не час и не два.... Да что там говорить.... Успело стемнеть. И лишь тогда на ресепшене появилась какая-то девушка.

– Чего желаете?

Дотц, сознательно созревший расположиться прямо в холле, вмиг очнулся от спячки и подбежал к долгожданному администратору.

– Номер. Мы заказывали.

– Паспорта.

Мой куратор призывающе махнул мне рукой:

– Живее!

Складывалось впечатление, что он, истерзанный ожиданием, панически опасается нереальности происходящего и его мозг в безумном наваждении принимает девушку за мираж, который, прежде чем исчезнуть, должен, во что бы то ни стало, провести заселение.

– Вот, – сказал я, передавая паспорт.

Несколько подписей и несколько купюр сделали свое дело.

– Следуйте за мной.

«Наконец-то», – подумал я, когда девушка повела нас за собой.

Миновав несколько коридоров, переходов и лестничных пролетов, мы подошли к табличке с цифрами «1408».

– Это ваш номер.

Дверь не запиралась, что собственно и отметало потребность в ключе.

– Приятного вечера, – пожелал администратор.

– Спасибо, – ответил я.

– Спасибо, – ответил Дотц, и мы вошли.

Так нас занесло внутрь гостиничного номера. Наличие шпингалета явилось некой приятной неожиданностью, что порадовала наши сердца и позволила отгородиться от посторонних. Другое дело – погода в доме. Даже не снимая одежды, было несложно определить минусовую температуру помещения. Пар нашего дыхания мгновенно леденел и своим видом порождал вполне внятное беспокойство.

– Стало что-то холодать..., – пошутил я.

Дотц согласно традиции не ответил и с вечно мрачной физиономией подошел к батарее. Его ладонь нежно погладила рельефистый чугун и сделала вывод:

– Отопления нет.

«А зачем?!» – подумал я и, недолго думая, заглянул в ванную в надежде найти хоть какой-то источник тепла в этом мире.

На этот раз Всевышний не был суров и брызнул из крана горячей водой.

– Вадим! – позвал я Дотца, который все еще пытался возбудить батарею.

Тотчас в дверях появилась его щетинистая рожа.

– Здесь можно немного согреться, – таким было мое заявление.

– «Здесь» – это где? – спросил Дотц, осматривая скупое убранство ванной комнаты.

Конечно, о фонтанирующей роскоши никто и не мечтал. Однако все-таки хотелось чего-то человеческого. А вместо этого мы получили нечто стремное и убогое. Люк от унитаза прилагался отдельно, ванна была покрыта почти антикварной ржавчиной, а местами эмаль просто осыпалась, дверь, как и вся гостиница, считала уединение чем-то неприличным....

– Ну, здесь хотя бы чисто, – заметил я.

В первую очередь пришлось разобраться с вещами. Рассовав их по кособоким тумбочкам, мы устали на предложенные кровати.

Видимо, администрация посчитала, что мы горим неистовым желанием вспомнить детство. Именно такие скрипучие пружинистые чудища кишмя кишели в пионерском лагере. Даже постельное белье и одеялки были точь-точь такие же. А может все это просто осталось с тех давних времен как некий пережиток прошлых лет, на смену которому никто не пришел.

И где-то в подсознании рисовалась фентезийная картина, что вот-вот раздастся телефонный звонок и нас спросят:

– У вас есть славянский шкаф?

А мы ответим:

– Нет. У нас только никелированная кровать.

Как истинный первопроходец, я первым забурил в ванную. Дотц был не против. К тому же ему очень хотелось оживить свой карманный кипятильник, который в рабочем состоянии смог бы не только смело ударить в нос очумелой холодрыге, но и как-то скрасить поедание самопальных бутербродов.

– Давай, давай! – сказал он и продолжил копаться в механизмах.

Истратив последнюю вежливость, я шагнул в храм горячей воды.

Там я скинул одежду и крутанул вентиля. На ощупь оценив необходимую температуру, я позволил воде наполнять собой ванну, а сам ненадолго присел на толчок, и пока сидел, наблюдал как струится вода.

Такое всегда интересно. Миниатюрный водопад в миниатюрном мире.

Решив свои вопросы с унитазом, я медленно погрузился в горячую воду. И это было блаженством. Постепенно горячая вода притекала к телу, наполняло его теплом, ласкала своими перекатами....

И тут я увидел не меньшие перекаты на полу.

– Твою мать! – ну о чем еще я мог подумать, когда пол в ванной заливало как из нехилого брандспойта.

Мои руки спешно стали заворачивать кран, а уж потом мозг стал оценивать урон. Чего-то непоправимого не случилось. Найденная под раковиной тряпка смогла стабилизировать поток, только вот про дальнейшие водные процедуры можно было смело забыть.

– Что-то ты быстро, – сказал Дотц, увидев меня выходящим из ванной.

– Ну, там возникли некоторые проблемы....

Не совладав с грузом новостей, лицо куратора скукожилось в немыслимые закорючки.

– То есть?

– Высока вероятность наводнения.

– Черт!!! – эта реплика сопровождала удару недоремонтированного кипятильника о стену.

Что ж, и этот аванпост тепла был утерян. Минут пять Дотц сидел недвижимо и силился перебороть кипящие внутренности. Потом слегка успокоившись и осознав свою глупость, он услужливо посмотрел на меня и сказал:

– Прости.

Еще несколько усилий и ему удалось выудить из сумки бутерброды.

– Поешь и ложись спать.

– А ты?

– Не хочется.

На этой лирической ноте Дотц залез одетым под одеяло и, тщательно укутавшись, повернулся к стенке. Так он смог продолжить борьбу с самим собой.

Когда первый кусок исчез в плотке, мыслей в моей голове прибавилось.

– Мы сегодня не попали в школу.

– Все завтра, – не оборачиваясь, ответил Дотц.

Когда в животе перестало быть пусто, я последовал примеру куратора. Однако едва мне удалось хоть чуточку согреться под одеялом, раздался некий шум:

– Тру-уууууууууууууууу....

Казалось, целое стахановское движение орудует по соседству.

«Возможно, это временно», – мечталось мне.

В реальности молотильня не вместились ни в две, ни в три и даже ни в тридцать минут. Естественно, что, в конце концов, у Дотца сдали нервы. Он медленно поднялся с постели и со свирепым видом направился к двери. В гневе ему было не до шпингалета, так что защелка стала невинной жертвой.

– Хрумсь, – и Дотц исчез в темноте дверного проема.

Мне же оставалось с упоением ждать развития событий. Но ни криков, ни гама, ни чего-то еще характерного для дебоша не последовало. Только вот звук отбойников как-то неожиданно стих.

«Слава Богу», – взмолился я.

Но напрасно. Лишь только я вновь укутался, старая песня продолжила свой мотив.

– Тру-уууууууууууууууу....

«Боюсь, что болезнь неизлечима», – такой последовал вывод.

Я был уверен, что Дотц потерпел крах в попытках усмирить шумливых соседей, и ждал, что он вот-вот появится на пороге с белым флагом и капитуляцией в зубах.

Однако его пришествия не случилось. Пришлось списать это на стыдобу или на желание размять кости вечерней гимнастикой.

Впрочем, размышлять о вечном на ночь глядя мне совершенно не хотелось. И потому я поспешил уснуть невзирая на внешние раздражители. Сон был хаотичным и коротким. Проснувшись, я сверился с часами. Они сообщили, что я проспал ровно час.

Сбоку по-прежнему неистово долбили стену. Некоторые вещи никогда не меняются. Кровать Дотца также была пуста. И мне показалось это странным.

«Где его носит?» – вполне уместный вопрос, но, лежа на кровати, я не мог постичь ответ.

Пришлось сунуть ноги в ботинки и отправиться на поиски. В коридоре было темно, но по звуку долбежа я смог влегкую отыскать соседей.

– Тук-тук!

Эффект от таких действий был сомнителен. Я сам с трудом различал производимый звук на фоне остальной шумихи. Чего же я хотел от фанатов отбойников? Не получив ответа, я дернул дверь за ручку и вмиг возблагодарил администрацию за негласные правила.

Впрочем, вся благодарность вмиг улетучилась, как только я сделал шаг вперед.

«Да уж!» – таким было первое впечатление.

Да и что другое думать, когда видишь троих мужиков с отбойниками, которые превратили соседний номер в место боевых действий. Стены, пол и потолок были истерзаны, издроблены и превращены в хлам. Здесь и там валялись куски перегородок, грунтовок и иных ранее целостных архитектурных фрагментов, частицы бетона заполняли и так тусклый свет единственной лампочки, свисавшей с потолка.

А в центре всего этого бедлама неким фениксом царил Дотц, привязанный к стулу и с кляпом во рту.

Увидев меня, он замотал головой и заскакал на стуле. Один из мужиков тоже приметил меня и приказал другим остановиться.

– Еще один, – сказал он, как только орудия разрушения стихли.

Понимая, что в данном случае он имеет в виду мое неожиданное появление, я поспешил спросить:

– Что здесь происходит?

– А это не твоего ума дело, – заявил мужик и надменно фыркнул.

При такой завязке мой ответ затерялся в сумерках вариантов. Тогда следующий вопрос был адресован мне:

– Чего тебе?

– Ну, у вас здесь очень шумно....

– А ты не видишь, что мы работаем?

Как бы иллюстрируя свои доводы, мужик указал руками на окружающие результаты.

– Вижу.

– Тогда че?

Непонятки были очевидны, и я терялся в догадках как их разрешить.

– У вас типа ремонт?

– Нет.

– Тогда....

– Я же сказал, что все это не твоего ума дело....

Видимо, чтобы донести до меня всю серьезность своих убеждений, мужик приблизился ко мне и дыхнул в меня перегаром.

– Что-то еще непонятно?!

– Нет.

– Тогда вали отсюда.

– Хорошо, – ответил я и спешно двинулся на выход.

В этот момент Дотц, позабытый мной из-за накала страстей, вновь оживился и привлек внимание моего оппонента.

– Стоять!

От такого окрика мурашки поползли у меня по спине. Первой мыслью было, что мне хотят отправить посылку тумачов вдогонку. Так что, вновь встретившись лицом к лицу с мужиком, я по-настоящему трепетал.

– Этот хрен с тобой? – спросил он, кивая в сторону Дотца.

– Да, – осторожно выдавил я.

– Тогда забирай это чудо. Только пусть больше не буянит, иначе в следующий раз костей не соберет. Понятно?

– Хорошо, – все так же осторожно произнес я.

Но мужик не собирался так быстро истощать свои уверения и продолжал с еще большим энтузиазмом.

– А то вон вдарил в глаз Вовану. А спрашивается, за что?

Вышеупомянутый Вован смотрел на меня с неподдельной обидой, словно это я его отдубасил.

– И вообще кто вы такие?

– Ну, мы... мы....

Если честно, то я не знал, что и ответить. Не скажешь же, что мы аферисты, посланные украсть бюджетные деньги липовыми осмотрами детей в российской глубинке. Тем более не споешь байку про «Здоровин»....

– Так что?

– Ну, мы врачи....

– Врачи? Что еще за врачи?

Мужик нервно нахмурил брови, но тут в самый критический момент мне в голову пришла гениальная мысль.

– По обмену.

И это сработало. Мужик сразу повеселел, стал почти душкой.

Кроме того, в следующее мгновение он даже протянул мне руку и почему-то стал извиняться.

– Простите, доктор. Мы постараемся потише. Так уж вышло, что у нас тут свои дела. Ищем золото партии....

Пока мужик вымаливал передо мной грехи, двое других освободили Дотца. К счастью, тому хватило ума не ерепениться.

– Простите еще раз, – продолжал повторять мужик.

– Все хорошо, это вы нас извиняйте, – отвечал я, выталкивая Дотца из номера.

Вернувшись к себе, мы обошлись без слов и просто попытались заснуть. В какой-то мере нам это даже удалось.

Но с утра нам вновь пришлось столкнуться с холодной действительностью. Основная проблема состояла в том, что с рассветом стало еще холодней, да так что зубы стучали шустрее барабанов. Их убойный ритм не мог заглушить даже неутомимый шум отбойников за стеной. С горем пополам я добрался до ванной, где под струей горячей воду смогло оттаять лицо и кончики пальцев.

– Уф, – прошептал я, шагая по комнате и пытаюсь успокоить дрожь в теле.

К депрессивным гримасам Дотца я уже стал мал-помалу привыкать. И все же этим утром хотелось чего-то позитивного.

– Было бы неплохо хоть иногда улыбаться? – сказал я с определенной надеждой.

Дотц посмотрел на меня убийственным взглядом человека, у которого украли миллион, почесался и молча пошел в ванную.

«Нет, не блеснул лучик света в темном царстве», – заключил я.

Когда он вернулся, в его мозгах созрел план.

– К черту, – сказал Дотц, – Сегодня же валим отсюда.

Как человек, которому дали определенное задание, я не мог не вставить встречный вопрос:

– А как же наше исследование?

Ответ не пришлось долго ждать, что наводило на мысль о том, что мой куратор по горло сыт местными достопримечательностями и готов на все только бы побыстрее убраться из этого чертова городишки.

– Осмотрим школу и достаточно. А там я цифры сам нарисую.

В принципе мне не было резона сопротивляться. Минут за десять мы покидали вещи в сумки и оделись. Внизу нас не ждал администратор.

– Ее проблемы, – сказал Дотц, не останавливаясь.

Еще немного и мы покинули «Лас Вегас». На улице согласно законам природы было еще холоднее. Основной причиной этой пренеприятности был пронизывающий ветер, что дул прямо в харю. Но делать шаг назад не имело смысла. К тому же в поле зрения оказалось какое-то бистро через дорогу.

– Пойдем, – сказал я куратору.

Как раз зажегся зеленый свет, и мы засеменили по зебре. Колокольчики – излюбленная сигнализация сонливых трактирщиков.

– Рады вас приветствовать в «Сто три поросенка»!

Голос пацана в кепке звучал как зажеванная пленка, что подтверждало мою теорию о его снах под прилавком.

– Салют! – ответил я и плюхнулся на первый попавшийся стул.

Дотц сел рядом, а через минуту к нам подошла девочка лет тринадцати в цветастом фартуке и с блокнотом в руках.

– Что будите заказывать?

Я попытался сообразить, но извилины намертво примерзли к черепной коробке, так что мне пришлось побыть слегка вульгарным.

– А что есть?

Девочка покопалась в блокноте в блокноте и выдала заранее приготовленную фразу:

– У нас полный ассортимент....

– А если по-русски? – спросил я без капли вежливости.

Слишком уж меня достала вся эта местная стужа. Хотелось хоть чуточку тепла, а не лекций по маркетингу.

– Горячий чай, бутерброды....

– И то, и другое, – сказал я и сунул в карманчик фартука столик из своих отпускных.

Дотц, на время поверженный своей неистойвой депрессии, при слове «горячий» мгновенно ожил и тут же поспешил кинуть вслед свой заказ:

– И мне!

Быстро действительно работало по-быстрому. Не успел я оглянуться, как Дотц уже давился колбасой, бессовестно опередив меня.

– Спасибо, – сказал я, когда очередь дошла и до меня, и хлебнул из стакана.

Тепло мгновенно распространилось по пищеводу и ниже. И сразу стало как-то очень хорошо. Это удивительно, но иногда простые вещи становятся чем-то важным.

И все же, как бы ни было хорошо в бистро, нас ожидали важные дела.

– До свиданья, – сказал я на прощанье и, дернув дверь, во второй раз оживил колокольчики.

– Всего доброго! – крикнул нам вслед пацан в кепке.

И вновь в лицо плеснул пронизывающий ветер.

– Куда теперь? – спросил я, поежившись.

Дотц достал из кармана скомканную карту, повертел ее во всех позах, а потом махнул рукой в сторону проулка:

– Кажись, туда....

– Кажись?

Пристальным взглядом я попытался увидеть в его глазах, насколько исповедимы наши пути. Результаты давались неутешительные.

– А что ты от меня хочешь? Я же не местный.

Как и предполагалось, мы долгое время заходили не туда. В конце концов, я остановил какого-то деда с посохом и задал прямой вопрос.

Старик ответил не так прямо, как хотелось бы:

– Туда, потом туда, метр вправо, метр влево....

Но все же лучше, чем Дотц со своей картой. Побродив еще с некоторое время, нам все же удалось найти нужную школу.

– Чего вам? – спросил усатый детина в спецовке прямо с порога.

На этот раз я уступил куратору в праве вести переговоры.

– Нам нужен директор.

– Директор? А на кой черт вам директор?

На лице охранника играла какая-то странная смешливость. Для полноты образа совершенного придурка он сунул себе в рот сигарету и стал гонять ее из угла в угол.

– А???..

– Тебя забыли спросить!

Определенно роль миротворца Дотцу не подошла.

Наоборот, он только раззадорил непомерное эго местного сторожила.

– А ты че крутой?!

Дебаты невольно стремились к мордобою, но тут раздался усмиряющий возглас:

– Пантелеймон!

И миг вся спесь охранника улетучилась, не оставив и следа. Теперь он стоял по стойке смирно и ждал ценных указаний.

Автором таких трансформаций оказалась высокая темноволосая женщина с короткой стрижкой и в очках.

Мысленно изрешетив охранника взглядом, она обратила свой взор на нас. В нем хватало всего, кроме искренности.

– Рады вашему приезду! Я – Валентина Никаноровна, директор школы. А вы?..

– Геннадий Чайкенфегель и Вадим Дотц – члены исследовательской группы.

– Рада знакомству.

Мне протянули руку и, согласившись на жест доброй воли, я столкнулся с очередной ледышкой, которая едва не отморозила мне ладонь.

– Я тоже, – но поспешил прервать контакт.

– Тогда милости просим.

По виду Дотца было отчетливо видно, что его тошнит от подобных телячьих нежностей, так что я был рад, что вовремя перехватил инициативу переговорщика. Нас повели по коридорам, стены которых были разрисованы какими-то зайцами и воздушными шарами. Тут же ютились никому ненужные стенды с планами тематических занятий и правилами этикета. Сплошная белиберда. Единственным, что привлекло мое драгоценное внимание, была репродукция картины Репина «Бурлаки на Волге». И вовсе не из любви к творчеству художника.

Изюминка заключалась в непристойной коррективе от таинственных негодников. Под баржей значилась надпись «школа», а над заглавным бородатым бурлаком – «это наш директор».

– Чего-нибудь желаете, перед тем как...? – спросила директриса, по ходу расписывая, какая же прекрасная школа живет и процветает под ее руководством.

– Горяченького, – попросил я, все еще не оправившись от ее рукопожатия.

Почти тут же мы завернули за угол и уткнулись в дверь с табличкой «учительская». Директриса старательно распахнула дверь и пропустила нас вперед.

– Уважаемые коллеги, это наши гости из Твери!

После такого уведомления не менее двух десятков пар выпученных глаз уставились на наши с Дотцем персоны. Смотрели они так пристально, что даже моему куратору со всей его депрессивностью стало не по себе. А тут еще неуместное затишье.

– Здрасьте, – промямлил он в потугах сбросить с себя тяжесть окружения.

Впрочем, совершенно безрезультатно. Я же не стал раскисать и наглым образом подошел к чайнику и заварил себе кофе.

– А сливки есть? – обратился я к директрисе, надменно подчеркивая, что меня не испугать местной малохохольностью.

Никаноровна, которая в течение нескольких мгновений пыталась ментально воспринять волну народных настроений, тотчас пришла в себя и кротко пролепетала:

– Сейчас будут!

И действительно, не успел я оглянуться, как мне уже протягивали пакет сливок.

– Замечательно!

Смешав кофе с молочным продуктом, я сделал глоток.

– Замечательно! – повторил я, больше для убедительности, чем для констатации своих ощущений. Выпученные глаза все еще безмолвно наблюдали за мной, но уже с опаской.

– Так кто у нас главный по медицинской части?

Мой вопрос должен был дать росток сотрудничеству, но он не вызвал никаких эмоций. Учителя по-прежнему считали меня пришельцем из большого города, который приехал их поиметь.

Конечно, они были правы, но в тоже время я не мог уехать с пустыми руками.

Пришлось действовать наобум.

– Вижу, дела у вас совсем плохи. Раз среди вас нет медицинского работника, будем прямо сейчас проводить всем анальное зондирование для оценки профпригодности. Возможный ущерб покроет ваша страховка....

Мысли о зондировании способны достучаться до кого угодно. Хорошо, что Дотц не подвел и просек мою задумку.

С величественным видом он распахнул сумку и извлек фонендоскоп.

– Кто первый?!

От прежней неприязни не осталось и следа. Вместо нее со всех сторон благовонно веяло страхом.

Да, страх и впрямь всему голова.

– Может не надо? – дрожащим голосом поинтересовалась директриса.

– Надо, Валя, надо! – с садистской жестью произнес я.

И тут один из учителей внезапно подскочил.

– Я!

Мне была как-то неясна эта реплика.

– Что «я»?! Вы готовы к анальным экзекуциям?

По столь же неуточненным мотивам, мужчина стал багроветь. Пришлось подтолкнуть его к отрезвляющей пропасти.

– Так что вы готовы? Начнем?

Как и ожидалось, вместо согласия последовало протяжное «нет».

– А что так?

Мужчина еще немного помялся, а потом сообщил свой секрет:

– Я – физкультурник.

– И что из этого? – спросил я, витая в смутных догадках.

– А еще мне вверены обязанности медицинского сотрудника.

– Вы?

– Да.

Мужчина еще сильнее побагровел.

Но это не имело значения, потому что все элементы многогранной мозаики слились в единый объект.

И я был предельно зол.

– Выходит, вы тут корчите мне рожи из-за боязни, что вскроются ваши аферы с бюджетом? Да мне плевать!

На этот раз от моих слов все побледнели, но мне и впрямь было плевать.

– Давайте смотреть детей и на этом закончим.

Физкультурник, пересилив миграцию окраски на лице, сделал шаг вперед.

– Пойдемте!

– Пойдемте! – ответил я.

Пока мы добирались до детей, Дотц уточнил для протокола:

– А чем из медикаментов вы пользуетесь?

Физкультурник напрягся.

– Ну, в основном у нас йодная сетка..., а еще «Звездочка»....

«Божественно», – подумал я.

– Здравствуйте, дети! – воскликнул липовый медик, ворвавшись в первую попавшуюся учебную комнату, – Отгадайте, кто к нам пришел?

Целая орава пятиклашек смотрела на нас с Дотцем, как на Деда Мороза со Снегуркой, а кто-то даже предположил:

– Это эльфы?

– Нет, дети, – ответил физкультурник, – Это дяденьки врачи.

– У-у-у-у-у....

– Без уколов, – успокоил я детвору.

К вечеру мы закончили с осмотрами и распрощались с директрисой.

– Всего доброго!

– Всего доброго!

Только вот до доброты было еще далеко. Ветер усилился, так что путь до станции дался нам нелегко. Плюс ожидание на станции.

Когда подошла электричка, мы надеялись, что хотя бы в ней нас не будут морозить. Но машинист был другого мнения и объявил по радио:

– Приносим извинения за неудобства. По техническим причинам вагоны не отапливаются. Забившись в угол, я постарался не замерзнуть еще сильнее. Но тут на одной из станций зашла бабуса с коробкой и заорала:

– Кому мороженое? Возможно, я в чем-то и предвзята, но после Вышнего Волочка остались исключительно холодные воспоминания.

К понедельнику я оттаял и смог вернуться к учебе. В расписании стоял очередной занудный цикл. На этот раз – эндокринология. В принципе, очередная наука, ничего особенного. Вот я и не спешил попасть на занятия вовремя. Тем более что на улице было солнечно.

Небо наконец-то очистилось от груза грязно-серых облаков, и лучистое весеннее солнышко игриво припекало пешеходов, все еще одетых в пушистые шубейки.

– Можно? – спросил я, приоткрыв дверь в учебную комнату и увидев, что преподаватель уже на месте.

Тот посмотрел на меня с загадочной подкавыкой в глазах и тоненьким пискливым голосом сообщил мне, словно открывая Америку:

– Вы опоздали.

– Да, – ответил я, одновременно пытаюсь сопоставить массивное телосложение преподавателя и его нетрадиционный голос.

– У вас одна отработка.

«Отлично», – подумал я.

– Садитесь, – добавил преподаватель.

Меня не пришлось просить дважды. Только вот странная ситуация.

Пока шел к своему месту, на душе ютились прескверные ощущения, но, оказавшись в окружении одноклассников, мне сразу полегчало. И винить за такую закавыку стоило незамысловатую фразу:

– Не парься. На отработку оставили всех парней, кроме Николаича.

Я оглянулся на Чистякова. Причина была налицо. Недаром в списке подпольных кличек напротив его фамилии значилось «Прыщелыга».

– Да уж, – очередная мысль превратилась в слова.

Мое недельное отсутствие успело поднакопить новостей, и все пытались мне о чем-то рассказать или расспросить.

Но это совершенно не устраивало препода.

– Болдин!.. Вы что-то хотели сказать?! Наверное, вас распирает изложить основные постулаты эндокринологии?

Во всеобщей болтовне Артем оказался крайним, что его это неслабо опечалило. Поднявшись с места, он попытался выдать хоть что-то, не лишенное смысла:

– Эндокринология – это наука....

– А дальше?

С продолжением было проблематично. Артем, как и все остальные, уже и забыл когда открывал учебник в последний раз. И совсем не потому, что ленился. Просто в наших умах засело убеждение, что время теории давно прошло.

Так ничего и не дождавшись, писклявый голос огласил приговор:

– У вас вторая отработка.

Услышав это, Артем рухнул на стул. То ли от неотвратимости интимных встреч, то ли от долгожданного завершения бессмысленного допроса.

Больше болтать мы не решались и постарались тихо и мирно дождаться окончания занятия.

Преподаватель тоже к нашей радости не стремился к рождественской раздаче отработок, но на прощание не забыл отметить очевидный факт:

– С нетерпением жду вас на отработках.

– Дождешься, – тихо заметил кто-то у меня за спиной.

Но мне было не до этого. Мои финансы не просто распевали романсы, а устраивали целые концерты. И мне хотелось поскорее попасть в административный корпус и получить вознаграждение за мытарства в Вышнем Волочке.

– Добросишь в мед? – спросил я одноклассника с точкой.

Он отбросил в сторону недокуренную сигарету и сказал:

– Для тебя что угодно. Садись!

Мне было в диковину такое неожиданное согласие. Обычно он или кто-то другой начинали ломаться и долго объяснять, что нам не по пути. Но отказываться я тоже не собирался и резво уселся на переднее сиденье. И как это обычно бывает, все было неспроста. Пока что мотор прогревался, мне был адресован вопрос:

– А ты можешь кое с чем помочь?

– Конечно, – отвечал я, одновременно про себя напевая песенку, засевшую в голове с вечера:

Да, я мог бы уйти от людей,
Туда, где нету тварей и нету блядей...

– У меня проблема.

– Проблема? – переспросил я, продолжая мысленно напевать.

– Серьезная. И я слышал, что этот твой «Здоровин» может все решить. Ты не мог бы включить меня в списки подопытных?

У меня в момент отлегло от сердца, а то подобным тоном разговоров обычно начинают выпрашивать денег в долг.

– Все решаемо, – ответил я, наконец-то посмотрев ему в глаза, – Может, поедим?

Штаны одноклассника вмиг переполнились радостью, и он за пять минут домчал меня куда надо. И главное, больше не было вопросов.

– Спасибо, – сказал я, хлопая дверью, и пошел по своим делам.

Пришлось ждать, пока в бухгалтерии закончится обед, потом финансисты долго искали какие-то уведомления, но главное, что все закончилось благополучно. Я вышел из кассы с пачкой новеньких купюр, и от их хруста жизнь моя наполнялась смыслом. Но тут чья-то рука легла мне на плечо.

«Завистливый ворюга», – мелькнуло в голове.

На самом деле, обернувшись, я увидел профессора Петрульдиуса. Сквозь толстые линзы очков он смотрел на меня, а не на мои деньги.

– Профессор....

– Не забываете. Сегодня в пять.

– В пять?

Мне совершенно не был знаком предмет разговора, а вот Петрульдиус явно считал иначе.

– Я же сказал.... Не забывайте.... Ваш друг весомая фигура, но без вас корабль не поплывет.

Не проронив больше ни слова, профессор укывлял прочь, сталкиваясь по пути с очередными знакомыми и вступая с ними в страстную полемику.

«Приплыли», – подумал я.

Тем не менее, я знал, где искать ответы. После долгого ожидания Толик все же удосужился принять телефонный звонок.

– Привет. Ты вернулся?

– Давно.

На фоне его голоса буйствовала какая-то неразбериха, от чего складывалось впечатление, что разговариваешь с далекой галактикой.

– Ты сейчас где? – спросил я.

– В столовой.

– Я сейчас подойду.

На этом разговор временно прервался, и я едва не бегом поспешил в столовую. Совсем немного и мне удалось оказаться там. Мой взгляд мигом исследовал территорию и засек искомый объект.

Толик сидел за одним из столиков в компании какой-то блондиночки и смешил ее умиротворительной беседой. Я ее не сразу признал, но быстро исправился. Это была внучка одного из профессоров.

«Странно», – такие мысли приходят иногда. Но мне было не до посторонних домыслов. Хотелось узнать хотя бы самое основное.

– Можешь нас оставить? – спросил я без лишних церемоний.

Блондиночка сморщила носик, схватила сумочку и, вильнув задом, испарилась.

– В чем дело? – забузил Толик, пытаясь подняться.

Пришлось толкнуть его и вернуть тем самым на место.

– Это ты мне ответь, друг прелестный....

Толик смотрел на меня глазами, полными щенячьей невинности, и казалось, что он и впрямь не при делах.

– Я только что столкнулся с Петрульдиусом, и он говорил о каких-то непонятных вещах. Ничего не всплывает в твой бездонной памяти?..

На этот раз взгляд моего приятеля помрачнел, что свидетельствовало о готовности сдаться.

– Рассказывай, – предложил я, усаживаясь на стул.

Ему понадобилось еще с пару секунд, чтобы набраться смелости, а потом он выложил все как есть:

– Когда ты уехал, меня вызвали в деканат. Я блин перепугался, думал, что случилось, а мне сказали, что я нужен этому профессору. А я знать не знаю его. Спрашиваю: «Зачем?» А никто не знает. Ну, в итоге пришлось появиться у него, а он говорит: «Это ты мутишь лекарства с Чайкенфегелем?» «Да», – говорю. А он: «Хватит заниматься ерундой. Пришла пора серьезных махинаций».

И потом уже все само как-то получилось. Собираясь с мыслями, я сделал паузу, но потом вернулся к диалогу с вопросом:

– Что получилось?

Толик смотрел на меня искоса, по всей видимости, опасаясь моей реакции.

– Ты должен понять....

– Понять что?

Пока что мне было невдомек все происходящее, но чувствовалось, что айсберг глубоко под водой и таит он в себе нечто неприятное.

– Ну, понимаешь, мне надоело быть никем, а тут этот Петрульдиус говорит, что озолотит нас. И речь идет не о каких-то копейках, как с этим нашим «Здоровином». К тому же известность.... Видел, как сразу телки виснут?

В голове роилась стая шмелей, что не помогало думать. А думать следовало.

– Только не говори, что давал обещание....

Однако глаза Толика скрывали совершенно противоположный ответ.

– Никуда не уходи, – сказал я и направился в буфет. Нельзя было раскисать. Иногда полезно не посвящать коллегу в детали, но тогда может выйти такая вот хрень. И что с ней делать – загадка.

– Стакан чая, – попросил я у девушки за прилавком.

– Фруктовый или обычный?

– Обычный.

Вернувшись за стол, я сделал серьезный глоток.

Раздумья не позволяли мне обращать внимание на то, как напиток обжигает горло. Это была меньшая из возможных проблем.

– И что за проект?

– Да я не особо вдавался в детали. Что-то про пол и потолок.

Но этой фразы было достаточно, что сообразить суть вопроса. Да и чем еще мог заниматься профессор Петрульдиус.

– И когда начинаем?

– Уже начали. Но ты все равно главный. И он ждет с тобой встречи сегодня....

– ... в пять, – закончил я за Толика.

А в голове тем временем продолжали роиться шмели.

«Вот и приехали», – мысленно утвердил я.

– Да ты не расстраивайся, – попытался подбодрить меня Толик.

Вот только его неуклюжих попыток мне и не хватало. Без них целый суповой набор.

– Так, где встреча? – поинтересовался я, смирившись с участью.

– В его офисе.

– А это где?

– Там вроде какой-то «Центр экспериментальной медицины». Адрес у меня записан.

В подтверждение Толик протянул мне бумажку с чернильными каракулями. Тупо насмотревшись на совокупность букв, я спросил:

– Ты там был?

– Конечно.

– Тогда поедешь со мной.

«Центр экспериментальной медицины» оказался одной из тех контор, что ранее была жилой квартирой.

Жилище на первом этаже во все времена не пользовалось спросом, но с развитием экономики оно смогло преобразиться в нечто большее – «Салон красоты» или «Продукты». Затраты на это волшебство были каплей в море, падающей в лапы парочки гастробайтеров,

которые в свою очередь хватались за кувалды и прорубали дверной проем в новую жизнь. А далее оставалось только подставить руки для падающей с неба манны.

Несмотря на всю вычурность своего именованья, офис профессора Петрульдиуса имел очень скромный фасад. Здесь не было ни воздушных шариков, ни транспарантов со словами «Мы открылись!». Все было простенько, но со вкусом.

Свежая покраска, окна и двери евростандарта и стрелка на стене «Нажать здесь» – все как я и мечтал. И чтобы не противоречить своим же грезам, я нажал на кнопку звонка.

Короткая мелодия отыграла секунды три, после чего вновь установилась тишина. Прошла минута и никакой реакции. Хотелось повторной попытки, но внутренний голос подсказывал, что нельзя ломиться в офис профессора также как к соседке за солью.

Пришлось ждать. За спиной суетился Толик, словно Санчо Пансо перед боем. Я и так был на него прилично зол, а тут еще его перемины с ноги на ногу. Хорошо, что у него хватало ума не заводить со мной разговор, а то я точно вдарил бы ему в кочан.

– Входите, – раздался загробный голос из небольшого динамика, встроенного в стену, после чего наши уши поразили противный звуковой сигнал.

Ухватившись за приглашение, я торопливо дернул на себя дверную ручку, и мы вошли внутрь. Там нас уже поджидал строгий охранник с металлоискателем.

– Сдайте все металлические и электронные приборы.

После полнейшего досмотра нас провели в соседнюю комнату, которая по существу являлась чем-то вроде ожидательной.

Здесь стояло несколько кресел и огромная плазма, по которой вещался «Дом-2».

– И так всегда? – спросил я Толика.

– Да, – таким был многозначительный ответ.

Еще полчаса мы провели, сидя в креслах и наблюдая за тем, что творилось на экране. По прошествии указанного времени одна из дверей, ведущих из комнаты, отворилась, и на пороге появился Петрульдиус собственной персоной.

– Рад вас приветствовать, господа! – сказал он, слегка заходясь старческим кашлем.

– Здравствуйте! – ответили мы.

– Пойдемте со мной, – такова была следующая фраза профессора.

Пришлось согласиться. Прошагав по узкому коридору и распахнув очередную дверь, наша компания очутилась в полномасштабном зале развлечений. Рассматривая грудастых девиц у шестов, множество развеселых гостей и игровые столы в зале, я задал нескромный вопрос:

– Что это?

– Мое личное казино, – ответил Петрульдиус.

Я еще раз окинул взглядом всю роскошь и многообразие развлечений, на которые был способен внешне невзрачный «Центр экспериментальной медицины» и мой мозг буквально взорвался экстатическим восторгом.

– Вот это да..., – мои эмоции попросту хлынули через край.

– А вы что думали?!

Несмотря на свой почтенный возраст, Петрульдиус в таких обстоятельствах отнюдь не смахивал на аскета, а похотливые мысли, засевшие в его морщинах, так и рвались наружу. Однако в данный момент дела были для него куда важнее.

– Анатолий, – обратился он к моему спутнику, – Не изволите ли вы сыграть в кости? Кредит на ваше имя как всегда готов. А мы с Геннадием тем временем пообщаемся.

Толик утвердительно кивнул и вмиг исчез среди толпы извивающихся в танце тел. И как только это случилось, Петрульдиус освятил наши планы:

– Пойдемте в мой кабинет.

Как оказалось, его кабинет находился в другом конце зала.

– Значит это и есть экспериментальная медицина? – спросил я у профессора, когда мы миновали отдыхающих. Как раз в этот момент мне в глаза бросилась худенькая брюнетка. После выпитого лишка она забралась на стол и, в откровенном желании дополнить шоу, принялась срывать с себя одежду. Первой ласточкой стала кофточка, что мигом улетела в толпу, обнажив белый лифчик. Впрочем, здесь необходима оговорка, учитывая тот факт, что если он и был когда-либо белым, то это являлось запредельно давнишним событием.

– Не совсем, – ответил Петрульдиус, – У нас тут много чего.

Еще немного и мы достигли цели. Профессор провернул ключ в замочной скважине и, открыв дверь, пустил меня в свой кабинет.

– Присаживайтесь, – сказал он, закрывая за собой дверь.

Это был кабинет достойный настоящего профессора. Здесь были и старинные книги, и старинные гобелены. Был даже какой-то доисторический портрет.

– Это мой прадед, – пояснил Петрульдиус, проследив мой взгляд.

В общем, полная коллекция академического снобизма. И вскоре последовало соответствующее предложение:

– Сигару?

– Нет, спасибо.

– Вина?

– Спасибо, нет.

– Тогда перейдем к делу.

«Давно пора», – подумал я.

– Извините, что все началось как-то без вас. Просто я не люблю отказываться от возможности. Надеюсь, вы понимаете?

– Возможно.

– Мой бизнес процветает, но я не хочу останавливаться и потому всегда ищу новые возможности. Чем-то подобным и стала моя глупая научная статья о связи цвета зубов с цветом потолка. Знаете ли, должность профессора иногда обязывает вести научную работу, вот и приходится время от времени выдавать какую-нибудь глупость. Да что говорить, ведь вы сами якобы изобрели этот ваш «Здоровин», а на самом деле все это полная туфта.

– Простите, но... – внутри меня вмиг вспыхнула обида за свое детище.

Только вот профессор именно этого и добивался. Не обращая внимания на мои обрывчатые реплики, он усмехнулся сквозь очки и продолжил:

– Вы можете злиться, но не можете отрицать очевидное. Вы – пленник собственных иллюзий. Ваша мечтательность завела вас черт знает куда, и теперь вы уверены, что спасете весь мир вашим «Здоровином». А в реалиях вам, как и всем на белом свете, просто хочется заработать. Так почему бы не сказать прямо?

– Но....

– Знаю, вы боитесь. Так что отныне я – ваш куратор. И все у нас будет просто замечательно. Деньги будем грести лопатой. Точнее уже гребем. Этот наш проект с зубами и цветом оказался золотой жилой. А суть в чем? Мы ходим по домам и делаем дыры в стенах, полах и потолках с целью взятия проб, которые вы якобы изучаете в нашей лаборатории. Все это финансирует государство. А потом муж моей дочери, который специализируется на ремонте, осуществляет бесплатный ремонт также за счет бюджета. В итоге все в шоколаде.

Я попытался сопоставить в голове механизмы озвученной аферы, и мне стало немного дурно.

– А в чем состоит моя роль?

– Это и главное. Почти не в чем. Нам совершенно не нужно тратить на какие-то сверхсложные анализы. Проще сделать умное лицо и от балды нарисовать циферки. Ну а потом с таким же умным видом представить их общественности. Вы же это можете?

– Могу.

– Вот и отлично.

Профессор поднял трубку внутреннего телефона, набрал «113» и сообщил кому-то:

– Зайдите!

После этого он положил трубку на место, и в полной бессловесности уставился на меня. Когда мне надоело отражать его взгляд, я спросил:

– Мы кого-то ждем?

– Ш-ш-ш, – ответил профессор, приложив указательный палец ко рту.

Через мгновение в дверь постучали.

– Заходи, – потребовал Петрульдиус, и в кабинет вошла девушка.

Я обернулся и попытался дать ей зрительную оценку. Она осталась где-то между семеркой и восьмеркой по десятибалльной шкале. Стройная шатенка с пухленькими щечками, среднего роста... В основном ничего особенного.

– Геннадий, знакомьтесь. Это мой главный менеджер по науке Наталья Фельдман. Отныне она руководит нашими общими делами.

Девушка протянула мне руку, так что пришлось подняться с кресла и провести торжественный ритуал.

– Очень приятно, – сказал я, утопая в ее глазах.

– И мне, – добавила девушка.

Петрульдиус с минуту наблюдал за этой идиллией, а потом вернулся к требовательному подходу:

– Пора за работу. Нечего прохлаждаться.

Не хотелось с ним спорить, к тому же женская компания была намного изысканней. И потому мы спешно покинули кабинет профессора.

– И куда мы теперь? – спросил я, вновь очутившись среди танцующих и веселящихся личностей.

– В твою новую резиденцию.

– В смысле?

– Без смысла, – ответила девушка и потащила меня силком через весь зал.

Не успел я оглянуться, как мы уже были на улице и сели в служебный автомобиль.

– А как же Толик? – спохватился я.

– Оставь его в покое, – сказала Наталья, взяв меня за руку, – Ему еще целую ночь работать.

Ее слишком агрессивное поведение слегка будоражило, но я старался не обращать на это внимание, так как посчитал, что в ее мире это в порядке вещей.

Шофер высадил нас возле новенькой двухэтажки в районе улицы Брагина.

– Это и есть резиденция? – спросил я, изучая табличку «НИИ аналитики».

Девушка не ответила, но вместо этого сказала:

– Пошли!

Происходящее было намного загадочнее и интереснее, чем зависание сутками напролет в лаборатории, но вся эта недосказанность начинала утомлять. С другой стороны в этот раз мне не пришлось подолгу торчать под дверью. Не успела Наталья коснуться звонка, как дверь тут же отворил какой-то «асламбек».

– О, красавиц!..

Девушка не ответила и молча прошла внутрь, а я последовал за ней. Там мы столкнулись еще как минимум с десятком человек. Большинство из них были облачены в медицинские халаты и имели бейджики научных сотрудников.

– Всем привет! – сказала Наталья и подошла к дамочке-секретарю, которая на тот момент что-то пристально выискивала взглядом в мониторе, – Что-нибудь есть для меня?

Та отрицательно мотнула в ответ, и главный менеджер вернулся ко мне.

– Собственно здесь все и происходит, – сказала она, попытавшись убрать сумятицу с моего лица, – Наверху административные кабинеты, а в подвале лаборатория. Есть вопросы?

У меня за душой накопилась масса вопросов, но один беспокоил сильнее других.

– Может, сходим куда-нибудь?

Странно, но при всей своей агрессивности она неожиданно смутилась. Причем настолько, что я уже стал мысленно предвкушать отказ.

Но мне повезло.

– Что вы имеете в виду? – спросила девушка.

Этот вопрос с подкавыкой был чем-то схож с осторожной поступью по минному полю. Да и как можно вести себя иначе менее чем через час после знакомства? Или же все потому, что мы всего лишь дети.

Ведь кем бы мы ни были, кем бы себя не воображали, мы все равно остаемся детьми. И именно эти пугливые и добродушные существа в трудные минуты и секунды отчаяния всем сердцем желают, чтобы их нежно и трепетно прижали к груди. Хотят, чтобы их слушали, понимали, любили. Наверное, это единственное, что нам по-настоящему необходимо. Вот мы и требуем любви к детям, эдакой педофилии.

Так что я не стал думать над пережевыванием слов и просто сказал:

– Сегодня в девять. Встретимся у «Звезды».

Она улыбнулась и перед тем как проститься пояснила:

– Ваш кабинет наверху. Найдете сами?

– Несомненно.

– Тогда до встречи.

– До встречи.

Провожая ее взглядом, я внезапно позабыл про всю чертову науку и все немыслимые аферы, в которые мне удосужилось влезть. Даже когда она исчезла из поля зрения, остаточный след какого-то нового чувства продолжал тлеть в моем сердце. Так было до тех пор, пока к семи часам не прибыл Толик.

Он был больше чем пьян и еле держался на ногах. В помещение его затащили двое охранников в не менее подпитом состоянии. При этом все трое держались в обнимку и бормотали нараспев:

– В греческом зале, в греческом зале....

По правде сказать, я не знал, что делать в таком случае. Но к счастью на помощь пришли люди в белых халатах. Без особых церемоний они разделили дружный тандем, пинками выпроводили охранников на улицу, потом взяли Толика за шкирку, затащили в подсобку и сунули под струю холодной воды.

– Ой... че... ой..., – завопил новоявленный пропойца, но вмиг протрезвел.

И когда его вернули из подсобки, он смотрел на мир другими глазами.

– Что произошло? – спросил Толик, ощущая, как с его слипшихся волос стекает влага, струится по лицу и дальше.

Я мигом отыскал в туалете полотенце и бросил ему. Он благодарно принял подачку и стал утираться. В это время люди в белых халатах стояли у него за спиной.

– Как голова? – как только мой приятель стал менее влажным, появилась возможность осыпать его вопросами.

Толик потер руками виски и с безвольно-отрешенным взглядом посмотрел на меня:

– Хреново.

Впрочем, это было и так очевидно. Я должен был ему помочь, поймав правильную мысль, но меня опередили, и человек в белом халате протянул Толику необходимый стакан

воды и горсть таблеток. Больной без промедления принял лекарства, и попытался было вернуться в состояние безликой отрешенности, но тут же последовал пробуждающий фактор:

– Вы готовы?

Толик с вялой медлительностью оглянулся на человека в белом халате и попытался прояснить свою обескураженность:

– Готов к чему?

Ответ оказался совершенно логичен.

– К работе.

Но эта логика никак не устраивала моего друга.

– К работе?

– Так точно. У нас сегодня по плану....

Не дослушав своих обязанностей, Толик схватился за голову и просопел:

– О, Боже, – после чего поинтересовался, – Можно мне присесть? – и когда человек в белом халате утвердительно кивнул, плюхнулся на ближайший стул.

Вид у него был очень удручающий, но причиной тому являлось не недавнее бурное веселье, которое полностью выветрилось с водными процедурами, а неотвратимость грядущего.

– У меня есть пять минут? – спросил он после недолгих раздумий.

Молчание белохалатчиков означало согласие.

– Тогда принесите мне чаю.

Чай был подан практически сразу. И пока Толик пытался пить зеленовато-коричневую жидкость, я постарался выстроить диалог.

– Значит, хорошо провел время?

Толик посмотрел на меня исподлобья, воспринимая фразу как стеб.

– Как видишь. А ты?

– Ну, немного поболтали с Петрульдиусом, а потом он познакомил меня со своим главным менеджером.

Мозг Толика еще не совсем восстановился после алкоголя, и потому он весьма долго искал нужное в потайных закромах.

– Фельдман что ли?

При упоминании этого имени мое сердце забилося чаще.

– И как она тебе?

Толик сделал последний глоток, поставил чашку, куда пришлось, и высказал нечто необдуманное:

– Да никак.

В ответ на такие слова, по мне пробежалась вспышка гнева.

– Что?! – озадачился Толик, увидев как мое лицо пошло пятнами.

– Ничего.

Но было слишком поздно для конспирации, тем более что мой приятель уже ржал напропалую:

– Да ты гонишь... ты...

– Да пошел ты, – сказал я, озлобившись на его чувственную небрежность.

Мои спасением от дальнейшего позора порицаний стали люди в белых халатах, которые вернулись в условленное время.

– Вы готовы?

– Готов, готов, – сказал Толик и с беззвучным скрипом костей поднялся со стула.

– Геннадий Петрович, ваше присутствие также желательно, – сказали мне.

– Как скажите, – ответил я.

Таким образом, после достижения творческого взаимопонимания мы все скопом направились в подвал, где и располагалось наше детище – подпольная лаборатория.

Спуск освещала одна-единственная тусклая лампочка, одетая в металлический плафон на манер китайского крестьянства. И потому спускаться приходилось осторожно, следя за тем, что творится под ногой. Но как только это действие осталось позади, и мы вошли в огромное помещение, заставленное разнообразной аппаратурой, все смогли вздохнуть с облегчением.

– Добро пожаловать! – возвестил Толик.

Я оглядел предложенное эльдорадо и изумился.

– Для чего все это?

Но Толик вдарил мне по плечу, дабы я вернулся к реальности, и сказал:

– Не парься! Вся эта дребедень собрана здесь исключительно ради показухи.

– То есть? – спросил я, оказавшись в непонятках.

– Вся эта байда исключительно для проверяющих комиссий. Ни ты, ни я, ни кто другой не станет работать с этими абракадабрами. Просто Петрульдиус поскреб по сусекам и насобирали много-много ненужного хлама. Здесь даже есть счетчики радиоактивных изотопов. А они нам нужны, как козе баян.

– Ну а мы тогда зачем?

– Кто-то же должен сортировать изъятые пробы, делать из них суспензии, заливать в пробирки и клеить красивые этикетки. Вот она наука нового поколения, дружище!

Складывалось впечатление, что Толик наконец-то нашел то, что так долго искал. Крупница его счастья таинственно растеклась по этому подвальному помещению, сделав из него практически бога, а может и нечто большее.

И как полагается, где-то под ногами суетились люди в белых халатах:

– Анатолий Валерьевич, первая партия готова к отправке!

– Тогда отправляйте!

Как только прогремел приказ, ярые научные сотрудники схватились за коробки и потащили их на поверхность.

– Что это? – спросил я.

– Уже готовые пробирки с пробами. К утру мы должны подготовить вторую партию.

– И куда их везут?

– В Минздрав и там на каждую пробирку начисляют деньги.

– Изумительно, – прошептал я.

– А ты что думал?!.. Все по высшему разряду.

Когда все коробки были отправлены наверх, обратным ходом стали тащить куски бетона и паркета и сваливать их в углу.

– А вот и новые поступления, – возрадовался Толик, возбужденно потирая ладони.

Со стороны это выглядело просто ужасно и казалось, что кто-то обворовал проклятый старый дом. Но стало еще хуже, когда люди в белых халатах с умным и сосредоточенным видом стали пилить эти пожитки по частям. Лицезреть такое я был не в состоянии. Хорошо, что часы показывали 20:30.

– Мне пора, – сказал я Толику, увлеченному своей непомерной занятостью.

– Пора? – голос его слегка осекся, но он тут же исправился, – Как хочешь. Только не пересыпай.

И дураку было ясно, что Толик попытался меня поддеть. Ведь теперь не я один стоял у руля.

Меня словно пытались ткнуть носом в протухшую истину, от которой дурно пахло зазнайством и самоуверенностью. Так что пришлось немного осадить друга.

– Вообще-то я иду на свидание.

Он усмехнулся, словно пытался убедить себя в шутливости моих слов.

– И с кем же?

– С главным менеджером.

– С Фельдман?

– А есть другие?

Толик попытался переварить мой прощальный десерт, но он попер не в то горло.

– Это глупо, – высказал он после долгих измышлений.

Но я был в корне не согласен.

– От чего же?

Ему срочно нужен был аргумент, и выбор пал на самый неудачный.

– Она не для тебя.

Теперь пришло время для моего смеха.

– И это говорит мне человек, который четыре года безответно ухлестывал за внучкой профессора.

– Но я все же затащил ее в постель, – оправдываясь, заметил Толик.

– Конечно, после того как помахал перед ее носом крупными купюрами.

В риторике я оказался сильнее и Толик сдался.

– Ладно, валяй, – сказал он и махнул рукой, – Завтра созвонимся.

У меня не осталось времени на дополнительные разглагольства и я, бросив краткое «Удачи!» выбежал из «НИИ аналитики».

Очередная удача ниспослала мне своевременную маршрутку, которая довезла меня до цирка, а там я за пять минут добежал до кинотеатра. Наталья была уже на месте. Она стояла в стороне и украдкой поглядывала на Волгу, с чьих просторов дул душистый весенний ветерок.

– Почти не опоздал, – произнес я взхлеб, впопыхах не успев нормализовать дыхание.

– Почти, – отметила Наталья и озарила меня своей волшебной улыбкой.

Тем временем мне пришлось наспех изучить афишу. Самым вменяемым из прочего мне показался очередной ремейк. На этот раз отечественные мастера взялись за классику ужасов и обновили раскадровку фильма «Существо в корзине».

– Пойдем? – спросил я мнения девушки.

Ответом стала какая-то неуловимая мимика в совокупности со словами:

– А мне будет страшно?

– Возможно, – сказал я, стараясь не утверждать чего-то определенного.

– Тогда не знаю....

Однако я не мог до пенсии ожидать конца раздумий.

– Если хочешь, не пойдем.

И тут девушка заявила, словно топнув ногой:

– Нет, пойдем.

Мне понадобилось потратить пять минут времени на покупку билетов, а потом в ожидании сеанса мы зашли в «Арабскую кухню» напротив. Там нам удалось захватить в плен свободный столик и, оставив Наталью за главного, моя охотничья натура отправилась добывать провиант.

– Ты что будешь? – поинтересовался я перед отбытием.

– На твой вкус.

– Будет сделано.

Простояв длинную очередь, я вернулся с целым подносом. Мне показалось, что за это время моя спутница стала еще прекрасней. Мне не очень-то и хотелось набивать желудок едой, скорее хотелось любоваться девушкой напротив.

– Ты смотришь мне в рот.

Внезапно столкнувшись с этим фактом, я покраснел.

– Все в порядке, – рассмеялась она и продолжила кушать.

Когда поднос опустел, мы утерлись салфетками и поспешили на свой сеанс. Голос в динамиках как раз приглашал желающих в зеленый зал.

Как только нам удалось найти свои места и усесться, свет в зале потух, а на экране показалась картинка.

– Началось, – сказала Наталья и вцепилась в мою руку.

Несомненно, я давным-давно смотрел оригинал, но, тем не менее, был категорически удручен новыми веяниями.

Главную роль почему-то играл Боярский, который пол фильма ходил с гитарой и напевал полную бредятину:

Пока-пока-покачивая перьями на шляпе,
Судьбу благодарю за брата на боку....

Но ключевой феерией оказался момент, когда из корзины вылез Цекало и завопил:

– У-У-У-у!

– Мамочки!

На этот раз вопила Наталья, которая с перепугу запрыгнула на меня сверху. Вот так и прошла премьера нового фантастического боевика.

– И как? – спросил я, как только мы оказались за пределами кинотеатра.

Девушка только смущенно улыбнулась, а потом сделала мне нескромное предложение:

– Проводишь меня до дома?

– Конечно.

Она жила недалеко и потому мы пошли пешком, держались за руки и почему-то молчали. А когда оказалось, что наши лбы уперлись в двери подъезда, мне стало очень грустно. Я не хотел уходить, не хотел прощаться, но она уже говорила:

– До свиданья.

Возможно, я рисковал прослыть подонком, но все же сказал:

– Если тебе страшно, могу побыть с тобой.

Возникла пауза раздумий, взглядов глаза в глаза, а потом:

– Уверен?

– Да.

И мы вошли в подъезд.

Не знаю почему, но вышел я из этого подъезда только утром третьего дня, да и то только потому, что Толик взорвал мне мозг своими криками из мобильного. Он позвонил мне десятью минутами ранее и истерически завопил:

– Гена! Караул! На лабораторию напали!

Спросонья я подумал, что подобный экстрим, несомненно, является продолжением сна, но крики не унимались.

– Гена! Караул! На лабораторию напали!

«Топ», – сказал я сам себе и перерезал тормоза», – эта мысль окончательно развеяла сны.

– В чем дело?

По ту сторону были слышны стоны и всхлипы, а между ними полуосмысленные реплики:

– Я пришел как обычно.... А там.... Все мертвы.... Все вдребезги.... Я не знаю....

С горем пополам сообразив, что некто напал на лабораторию и устроил там незабываемый шурум-бурум, я мигом соскочил с постели и постарался навести порядок.

– Успокойся и соберись. Нужно во всем разобраться. Ты Петрульдиусу звонил?

Пауза, потом ответ:

– Звонил первым делом, но он не отвечает и в его офисе никто не берет телефон.

В башке проснулся старый добрый рой шмелей и закружил как никогда прежде. Однако это не стало поводом для паники.

– Давай быстренько в «Монкафе». Я через полчаса подъеду. Тогда и будем разбираться.

Сбросив вызов, я огляделся. Возможно в поисках выхода, а может просто в поисках одежды. Наталья на тот момент нежилась в ванной. У меня не было времени что-то ей разъяснить. Так что я тихо оделся и вышел из квартиры.

На остановке как по заказу тут же подрулила «двойка». Мне это было на руку. Не только потому, что Толик ждал, но и потому что мне самому хотелось во всем разобраться.

– Возьмите, – сказал я водителю, протянул деньги и сел.

Тем временем мысли о лаборатории не отпускали. Чего-то подобного всегда можно ожидать, но почему Петрульдиус не позаботился об этом и почему он не отвечает на звонки? В попытках опровергнуть безответственность профессора, я набрал его номер, но ничего кроме гудков не услышал.

– Что же ты творишь? – думал я.

Пока в мыслях гнездились упрёки, мы подъехали к месту высадки, точнее едва его не проехали.

– Остановите, – крикнул я водиле.

Мои пожелания были услышаны, но, тем не менее, педаль тормоза не сдвинулась с места.

– Давай чуть позже, – ответили мне, – А то тут какое-то столпотворение, менты, скорая....

– Хорошо, – согласился я, не имея других вариантов.

Покинув маршрутку и миновав пару-тройку перекрестков, мне пришлось воочию столкнуться с ранее упомянутым столпотворением. Что-то и впрямь произошло, и сердце инстинктивно ускорилося.

– Разойдитесь, разойдитесь! – требовали от зевак, окруживших «Монкафе».

Даже издалека были видны разбитые окна и потрепанный интерьер. Не нужно было быть гением, чтобы догадаться о произошедшем. И хотя мне искренне хотелось чего-то другого, пробираясь сквозь толпу, я уже приблизительно представлял себе ждущее меня зрелище.

– Отойдите! Не мешайте! – врачи скорой помощи второпях толкали тележку с чьим-то истерзанным телом.

– Толик, – прошептал я, не сразу опознав друга.

И на то были весомые причины. Выглядел он более чем ужасно. Весь в крови, рваных ранах, а череп вообще сплошное месиво.

– Толик! – не обращая внимания на врачей и не осознавая действий, я бросился к нему и попытался встряской привести его в чувства, – Толик!

Врачам это очень не понравилось.

– Гражданин, что вы делаете?! Отвалите! Вы нам мешаете. Человек при смерти.

Но я не слушал и продолжал его трясти:

– Толик! Очнись! Что случилось?

Меня оттащили сотрудники правопорядка.

– Ты что творишь, парниша? – спросил меня усатый ментяра, дыша мне в лицо вчерашней попойкой.

– Он мой друг, – злобно прошипел я в ответ.

– И что? Ты хочешь его убить?

Мой взгляд метнулся к скорой помощи, куда заталкивали носилки, и мне пришлось мысленно согласиться, что я и впрямь переборщил.

– Мы его теряем! – завопил один из врачей, ощупывая пациента фонендоскопом, и задние двери скорой помощи с грохотом закрылись.

Еще немного и рывкнул двигатель, включились мигалки и, звонко затянув «Миу-у-миу!», медицинский автомобиль умчался вдаль. Когда след выхлопа простыл за горизонтом, я все еще смотрел в его сторону, собираясь с мыслями.

Где-то посреди этих раздумий ко мне подошел все тот же усатый ментяра и, схватив за локоть, сказал:

– Нужны ваши показания.

Я оглянулся на него не то со злобой, не то с презрением и сказал:

– Мне некогда, – и вырвав локоть из его рук, пошел свой дорогой.

О чем я при этом думал, догадаться не сложно. Другое дело, что я был в странном состоянии полувменяемости, которое двигало мной в непостижимом направлении. Впрочем, в конце концов я постиг итог этого пути, очнувшись на пороге «Центра экспериментальной медицины».

– Вот мы и на месте, – прошептал я и тут зазвонил телефон.

«Совсем не вовремя», – утверждала мысль, что прожужжала посреди роя шмелей.

Звонила Наталья, а я не знал о чем стоит с ней говорить. Она уж точно не могла решить моих проблем, однако могла прибавить их количества. Вот мне и не хотелось отвечать на звонок, но пальцы почему-то решили за меня.

– Да, – произнес я в мобильник.

– Гена, это Наташа. Ты куда подевался? Что-то случилось?

Хотелось найти ответ, но его нигде не было. Казалось, я сплю и вижу самый ужасный на свете кошмар. И возможно мне стоило лишь чуточку поднапрячься, чтобы вернуться в прекрасную и лучезарную реальность. Но нет, все это не было сном.

– Просто возникли дела, – сказал я таким голосом, словно находился не под дверью офиса Петрульдиуса, а где-то в космосе.

Но Наталью совершенно не интересовала интонация моих ответов. Всего важнее для нее на тот момент было:

– Почему ты оставил меня, не сказав ни слова?

Отговорка соскочила с языка сама собой:

– Ты была в ванной, и я не стал тебя беспокоить.

Почти правда, а может и нечто противоположное.

– Ты вернешься?

– Конечно.

– Я люблю тебя.

– Я тоже.

Телефон замолк, оставив в душе осадок грусти. Тяжелый вздох сопровождал тяжелый взгляд на вход в «Центр экспериментальной медицины».

«Наверное, опять придется ждать», – подумал я и нажал на кнопку.

То, что случилось далее, было более чем неожиданно. Яркая вспышка света, а потом помню только, как стал медленно проваливаться в глубокую темную яму. Время и пространство исчезло. Очнулся я, лежа в клумбе, как раз посреди грядки с лукоподобными цветами.

В голове гудело то ли от воя приближающихся сирен, то ли от землетрясения в мозгах. Не суть важно. Попытавшись подняться, я сбросил с себя входную дверь из пластика. Ее внешняя поверхность спасла мне жизнь, а внутренняя основательно спеклась.

Сирены приближались с каждой секундой.

«Валить бы отсюда», – подсказывал внутренний голос.

Случайный прохожий уставился на меня как на примадонну и попытался выказать учтивость:

– Вы в порядке?

– В полном, – отвечал я, поднимаясь с колен.

Не прошло и минуты, как объявилось еще несколько искателей зрелищ, которые тут же распоясали свои слащавые речи и внесли критические замечания:

– Негодники!.. Натворили бед!..

Когда стало ясно, что все мои кости целы и на месте, я бросил прощальный взгляд на то, что осталось от «Центра» и поспешил скрыться дворами.

– А этот куда? – доносилось в след.

«Куда надо», – думал я.

Мои странствия среди окольных путей длились почти вечность. За это время многие люди шарахались от меня, испуганные моим видом, а я шарахался от них, испуганный их присутствием. Ближе к вечеру я добрался до своей квартиры. Дрожь в руках долгое время не позволяла попасть ключом в замочную скважину. Куда проще оказалось скинуть ботинки и всю остальную, пришедшую в негодность, одежду.

Наспех обмывшись, я нырнул с головой в кровать и отрубился. И мне что-то приснилось. Что-то что действительно было сном...

«Ненавижу зиму! Вот, блин, угораздило родиться в умеренной зоне.

Пробираясь между грязно-серых многоэтажек, я пытался идти как можно быстрее. С одной стороны это позволяло выделять небольшое количество механического тепла, а с другой – попросту успеть не замерзнуть.

– В некоторых районах к вечеру может резко похолодать, – сообщил усатый телеведущий в утреннем выпуске новостей.

При этом вставная челюсть очередного метеобога так комично пыталась выпрыгнуть из его рта, что я с превеликим трудом удержался от истерической смехопатии.

– Можно подумать, сейчас на улице месяц май. Теперь я понимаю, почему вымерли динозавры.

Творящаяся на улице климатическая подстава более чем удручала. Уже почти месяц на улице стоял пятидесятиградусный мороз, и никто не знал когда все это кончиться.

За пять минут прогулки на свежем воздухе я понял, что напрасно не посетил магазины типа «Бикини из солнечного Магадана» или «Иван Денисович меняет профессию».

В своей легонькой одежде я был похож на очередную реинкарнацию Остапа. В Рио, конечно, меня не ждали, а вот черное солнце Эфиопии хотело меня целиком и полностью.

Когда я подходил к остановке, мне почему-то вспомнился вчерашний разговор с женой.

– Дорогой, когда же ты, наконец, приедешь?

Взволнованный голос Анастасии вылил очередное ведро тоски на мое нежное сердце.

– Милая, я никак не могу ускорить процесс. Ты же знаешь, на что способна бюрократия в России.

– Но ты должен был приехать еще позавчера. Они хотя бы объяснили, в чем причина задержки?

– Боюсь, они даже на это не способны.

– Может тебе следует переступить через свои принципы и оказать им финансовую помощь?

– Настюш, я сделал это неделю назад.

– И что?

– Как видишь я до сих пор в Твери, а не в Эфиопии.

– Но мы не можем начать раскопки без тебя. Неужели они не понимают?

– Такое чувство, что остатки их убогих мозгов вымерзли окончательно и бесповоротно.

– Кстати о морозах. Ты там еще не оледенел?

– Не парься. Мои предки жили в Сибири. Да и ждать осталось совсем чуть-чуть.

Вот так и прошел наш разговор. А сегодня мне предстояло в очередной раз посетить специалистов по замутнению мозгов.

– Здравствуйте, господин Чайкенфегель.

Столоначальник встретил меня как всегда радушно, однако это совершенно не сулило решения моих проблем.

– У вас есть для меня новости?

Чиновник спонтанно насупился и сделал вид, что что-то ищет на своем письменном столе.

Через полчаса изощренных поисков он, наконец, воскликнул, – «Ах, да вот же она!» – и схватил бумагу, все это время лежавшую у него под носом.

– Вам разрешается выехать в четверг, – сообщил чиновник, изобразив совершение обряда ознакомления с содержимым документа.

Живущая в моей голове электронно-вычислительная машина по фамилии «мозг» принялась отчаянно перемалывать полученную информацию, жутко скрипя несмазанными деталями.

– Но ведь сегодня понедельник! – раздраженно воскликнул я.

– Мне очень жаль, господин Чайкенфегель, но это максимум моих возможностей.

– Ладно, – ответил я, поумерив свой пыл, – Спасибо и на этом.

Спустя три часа я вышел на улицу, держа в руках папку со всеми документами, которые требовались для непродолжительной иммиграции в Эфиопию.

Вернувшись домой, я долго топтался в прихожей, репетируя показательное выступление аборигенов племени тумба-юмба. Когда же руки и ноги слегка оттаяли, я зашел на кухню с твердым намерением согреть чайник. Но тут я заметил стоящую под окном «Ниву».

Собираясь поутру в «бумажный дом», я видел, как ее хозяин пытался оживить мотор. Машина стояла на том же месте, дверца была распахнута, но движений человеческих существ в ней или рядом не отмечалось.

– Пойду помогу бедолаге, – решил я.

Однако когда я оказался перед машиной, крупнозернистые мурашки забегали по моей спине и я впервые в жизни ужаснулся. На месте водителя сидело то, что когда-то было хозяином авто, а теперь представляло собой посиневший и покрытый инеем труп, который скрюченными пальцами впился в ключи зажигания.

В порыве ужаса и отвращения я собрался бежать прочь, но чудовищный грохот заставил меня обернуться.

– Твою мать, – прошептал я под впечатлением от увиденного.

Сметая у себя на пути здания, столбы электропередач, одиночно стоящие деревья и другие псевдопрепятствия, на меня неслась гигантская ледяная глыба. Бежать было бесполезно, и я понял, что это конец.

Когда она поглотила меня и все прилежащее, я был все еще жив и думал о том, что все могло сложиться иначе...».

После легкого подрагивания мои глаза открылись. Ночь прошла и уже рассвело. Попытка сползти с постели отдалась болью во всем теле, но горячая ванна вернула меня в строй. Отыскав в шкафу чистую одежду, я оделся. После этого сунулся в холодильник. Там было шаром покати, а желудок настойчиво требовал пополнения. Пришлось идти в магазин.

Удивительно, но когда я вышел на улицу, то не увидел того, чего с таким садистским и неистовым нетерпением ожидал. Не было ни беспорядков, ни митингов, ни этнических чисток. Все кругом выглядело совершенно спокойным. Будто ничего не произошло. Словно

то, что случилось, на деле явилось очередной сплетней, которую тут же наглухо позабыли по причине ненужности и истощенности.

Весеннее солнышко пригревало, а люди шли мне навстречу. Веселые, угрюмые, погруженные в ежедневную суету.... И все вокруг было спокойно. Невозмутимо спокойно. Будто всего лишь несколько страждущих были принесены в жертву незримому и всеобъемлющему Богу кроважадного небытия. И, по всей видимости, именно тогда я впервые задумался о том, что Ельцин действительно жив!..

Наполнив в магазине продуктовую корзину, я также прихватил свежую газету со стенда возле кассы.

– Что-нибудь еще? – раздался вопрос.

– Нет, спасибо, – ответил я и расплатился.

На обратном пути мне взбрело в голову развернуть газету, и броский заголовок вмиг ударил мне по глазам, едва не отправив в нокдаун.

«Тверской беспредел продолжается», – значилось во главе всего, а ниже более мелким текстом, – «За прошедшие сутки в городе произошло несколько разбойных нападений на частные объекты.

Среди них оказались всеми любимое «Монкафе» на Салтыкова-Щедрина, «Центр экспериментальной медицины» профессора Петрульдиуса и «НИИ аналитики». Кроме того этой ночью у себя в квартире был убит активист политического движения ОРДА Вячеслав Лавринов. Еще один... Четкая связь между этими преступлениями не прослеживается, однако органами правопорядка разыскивается студент мединститута Геннадий Чайкенфельд по подозрению в соучастии...».

Прервав чтение на полуслове, я бросил утреннюю писанину в ближайшую урну и пошел дальше. Настроение вмиг упало ниже плинтуса. Внутри все кипело и бурлило от нестерпимой злобы на себя и на весь окружающий мир за то, что попал в самый долбанный переплет из возможных. Ближе к подъезду я стал озираясь по сторонам, опасаясь вездесущих прохожих, которые могли случайно прочесть ту же газету. На радость мне поблизости было пусто. Только малые дети бегали среди стальных баррикад, выкрашенных в оранжевый цвет.

В подъездах часто вешают разного рода объявления. Это своего рода традиция. Обычно можно встретить что-то типа «продаю холодильник прошлого века выпуска» или «срочно сдать по рублю на ремонт церкви», но сегодня здесь красовался мой портрет с надписью «Внимание розыск!».

«Поплыли туманы над рекой», – медленно скользнула мысль в моей голове.

С одной стороны было круто ощущать себя чем-то вроде рок-звезды, но с другой уж очень не хотелось оказаться в ментуре. Так что пришлось выбирать что дороже – жизнь или слава. Еще раз оглядевшись по сторонам, я сопоставил ключ от домофона с пазлом, раздался звуковой сигнал и я вошел внутрь. Несколько шагов отделяло меня от лифта, но кто-то спускался. Когда двери лифта открылись, и вероятный сосед по дому вышел мне на встречу, я постарался встать к нему боком, словно внезапно решил проверить почтовый ящик. Но тот почему-то стремился к общению:

– Хорошая погода, не правда ли?

– Угу, – промычал я и осторожно прошмыгнул мимо него.

Двери лифта грозно хлопнули позади, едва не зацепив пакет с покупками.

«Пронесло», – подумал я и нажал на «9».

Шорох движения унял дрожь в коленках. Проблема осталась позади. Во всяком случае, мне так казалось. Когда двери вновь отворились, я сделал осторожный шаг вперед и осмотрелся. Явной угрозы не было. Только двумя-тремя этажами ниже перекладывал мусор уборщик.

«Путь свободен», – салютовал внутренний голос.

Я подошел к двери своей квартиры и с минимальным бряцаньем отпер замок. Еще немного и спокойствие окутало бы меня своим саваном. Как говорится, мой дом – моя крепость. Но каково было мое удивление, когда, войдя в комнату, я обнаружил незваных гостей. В моих любимых креслах сидели двое. Одним из них был Дотц, другого я никогда доселе не встречал. Инстинктивно захотелось дать задний ход, но тут же последовал приказ.

– Спокойно! Ни шагу назад.

Какое-то время комнату заполняла тишина. Я пялился на гостей, гости на меня. Это закончилось, когда Дотц поднялся с кресла, не спеша подошел к окну и, осторожно отодвинув штору, бросил краткий взгляд в окно, после чего повернулся ко мне лицом и сказал:

– Ты себя очень плохо вел.

Я не знал, как реагировать на подобный шмат информации и потому промолчал.

– А мы не любим, когда себя плохо ведут.

«Да что ты говоришь», – мысленно сыронизировал я.

Тем временем Дотц все больше пыжился изобразить своими речами датского принца.

– Ты причинил нам массу неудобств, которые привели к ряду неудобных последствий.

И в этом нет нашей вины. Во всем виноват ты...

– И что из этого? – заявил я, в порыве сарказма.

Незнакомец в кресле явно опешил от моей неслыханной наглости, но Дотц был тертый калач и отделался только злобной ухмылкой.

– Теперь ты работаешь на нас.

– На нас – это на кого?

Ощущение, что меня засасывает все глубже в яму с дерьмом, витало в воздухе будто святой дух. Да, иногда оно исчезало из моей жизни, но всегда возрождалось с новой кучей. И пока я размышлял об этом метафизическом аспекте бытия, ответа так и не последовало.

– Так что? – переспросил я.

Молчание и только молчание. Оно прервалось телефонным дребезжанием в кармане Дотца.

– Да... Да... Да...

Это все, что я уловил из разговора. Зато завязав с болтовней, Дотц не вернулся к молчанию.

– Скоро ты сам все узнаешь, – сказал он и сделал знак рукой своему спутнику, а потом, вновь упершись в меня взглядом, предупредил, – Рыпнишься – тебе же хуже.

С таким душевным настроем меня быстренько вывели из квартиры.

– Может, стоит запереть дверь? – поинтересовался я.

– Закрывай, – ответил Дотц, – Только живее.

Его едва заметное волнение говорило мне, что он вовсе не ферзь в этой партии. Впрочем, и не удивительно. Все эти взрывы и бандитские рейды требовали творческого подхода, на что у Дотца не хватило бы ума.

В подъезде нас ждала наглухо тонированная машина. Меня живенько затолкали на заднее сиденье и тотчас рванули с места. Минут пять я любовался затылками своих похитителей, а потом решил, что стоит расслабиться и просто наслаждаться автомобильной прогулкой. Тем более что за окном вскоре стала пробегать мать-природа в виде лесов, полей и рек.

Спустя три часа или около того в череду законных пейзажей вернулась привычная городская жизнь и я спросил:

– Где мы?

Дотц, крутивший все это время баранку, посмотрел на меня через зеркало заднего вида и с очередной из своих гадких усмешек заявил:

– В Москве.

- В Москве?
- Да.
- Но зачем?
- Время вопросов и ответов еще не пришло.

Мои лицедейские планы никогда не распространялись на столицу. И не потому, что они отражали незыблемую скромность моей натуры. Напротив, я всегда хотел невозможного. Только вот наложить лапу на Москву до сих пор не представлялось шанса.

Ранее для меня она была чем-то заоблачным и неприступным, неким туманным Альбионом вдали. Но теперь я чувствовал порог перемен и знал, что неожиданный день пришел. И хотя мне не было известно, будет ли завтра теплится жизнь в моем теле или нет, я был уверен, что следующие поколения не забудут моего пути к вершине мира.

Как только машина остановилась, мне сказали:

- Выходим.

Было как-то слишком поздно для сопротивления, да и бежать было некуда. К тому же я все же хотел пройти этот путь до конца и слегка погеройствовать. Рука нащупала нужный рычажок, потянула на себя и дверца приоткрылась. Вырвавшись из плена тонированного стекла, я тут же попал под солнечный душ. На мгновение пришлось прищуриться, но так было намного лучше.

- Пошли, – раздался очередной приказ.

Когда зрение немного пришло в себя, я успел рассмотреть вывеску «Рога и копыта». В следующее мгновение мы вошли внутрь. Несколько шагов вернули нас к полумраку, посреди которого нас встретила дамочка с серьгами до плеч.

- Добро пожаловать. Столик?
- Нас ждут, – ответил Дотц в своей мрачной манере.

Дамочка не стала напрягать нас своим неуместным присутствием, и мы без промедления проследовали дальше до тех самых пор, пока не остановились возле одного из столиков.

За ним сидел здоровенный бугай со здоровенным пузом и что-то старательно пережевывал, ковыряя вилкой в тарелке. При нашем появлении он скорчил отвратную рожу и недовольно проямлил:

- Что-то вы долго.
- Виноват, – покорно ответил Дотц.

Как бы раздумывая над вердиктом, бугай сделал глоток красного вина, что плескалось в бокале рядом с ним, и лишь потом благосклонно пожелал:

- Садитесь.
- Вопреки моей уверенности, что вот сейчас все и начнется, ничего не случилось.

Мы уселись, а потом в скупой безмятежности наблюдали, как бугай насыщает свое брюхо. Все выглядело так, будто никто никуда не торопится.

С другой стороны, я точно не спешил умирать.

Пока кто-то смотрел, а кто-то трапезничал, на сцену выскочил мужик с микрофоном и заорал так, что едва не взорвал динамики:

- А сейчас нам споют наши гости из солнечной Грузии!

И как от эффекта волшебных заклинаний из-за кулис появились три товарища с кинжалами, которые стали кудахтать на ломаном русском:

Хах-то летом, на расхсвете захлянул в военгомат
Там моева Георгия забирать хотят в стройхбат....

Ничего ужаснее мне не приходилось ранее ни видеть, ни слышать.

На ум сразу же приходила строчка из песни популярной группы: «На сцене какие-то геи поют про войну...». После такого даже смерть показалась чем-то более милосердным. Наверняка именно поэтому я и не выдержал:

– Кто вы?

Вопрос застал бугая на полуукусе. Когда первый шок прошел, его глазки гневно забежали, а в следующее мгновение ствол уперся мне в нос, так что я воочию смог ощутить холод металла и запах машинного масла.

– Кто я? Это кто ты такой? – истерически завопил бугай и в гневе отбросил вилку, – Кто ты такой, чтобы выкабениваться? А я... я – Сулейман Баскервилич, который здесь всех строит и нагибает по любому поводу. Понятно? И отныне ты будешь открывать рот только, если я захочу, будешь делать то, что я скажу. Понял?

«Ну как тут не понять, если тебе в нос тычут стволом», – думал я, одновременно каверкая старую шутку:

– Бэримор, кто это у нас постоянно рычит на болоте?

– Не волнуйтесь, сэр, это собака Баскервилич».

Было весьма забавно смотреть на эту жирную морду, которая возымела наглость считать себя пупом земли. А еще забавнее было вызывать в нем все новые и новые приступы гнева.

– Не слышу ответа.

– И не услышишь, – отвечал я.

Баскервилич явно не привык к такой строптивости.

Однако пиля меня взглядом, он усек главное, что дальнейшей словесной перепалкой ему не научить меня смирению, а падать мордой в грязь перед подчиненными ему не хотелось.

– Думаю, пришло время принять лекарство.

Скорее всего, это было чем-то вроде кодовой фразы.

Или может Баскервилича просто потянуло на патетику. В любом случае в следующие мгновение меня вытащили из-за стола без капли деликатности.

– Будет сделано, – отрапортовал Дотц, и меня потащили дальше.

По пути нам случилось вновь столкнуться с «мадам ака сережки до плеч».

– Ой-ай! – вскрикнула она и вновь исчезла из виду.

Видимо дамочка была новенькой и еще не привыкла к бандитским разборкам. Я тоже не привык, но моего мнения никто не спрашивал.

Когда процессия перевалила через порог, для пущей эффектности мне поддали пендаля, так что я, сделав четверть сальто в воздухе, приземлился на мостовую. Было неприятно, больно и унижительно.

Пытаясь очухаться после падения и подняться, я увидел как к Дотцу и его напарнику, которые стояли на крыльце и посмеивались над своей гениальной выходкой, подошел какой-то парень.

У меня не было ни сил, не вдохновения его рассматривать. Просто обычный чувак приличного вида с небольшой бородкой на лице. Он бросил взгляд на меня, потом на моих мучителей и обратился к ним со словами:

– Закурить не найдется?

«Нет», – подумал я, – «Тебе не судьба за меня заступиться. Куда важнее надышаться дымом».

Раздумья отвлекли меня от реальности. И тут произошло нечто весьма странное.

– Хлоп!.. Хлоп!..

Пока Дотц с напарником рыскали по карманам, тот парень, что стрелял сигарету, расстрелял их в упор и теперь смотрел на меня, сжимая дымящийся ствол в своей руке.

– Никуда не уходи, – сказал он и скрылся в «Рогах и копытах».

Через минуту я услышал еще один выстрел, а потом парень с пистолетом вернулся. Порыскав в карманах у Дотца, он отыскал ключи от машины, а после подошел ко мне и протянул руку.

– Давид.

– Геннадий, – ответил я, с недоверием пожимая руку.

– Садись в машину.

Мне не хотелось становиться жертвой повторного похищения, и в тоже время я не собирался оставаться на месте тройного убийства. Видя мои колебания, Давид взял меня за руку и, глядя в глаза, сказал:

– Все будет хорошо. Я – друг.

И мне почему-то захотелось ему поверить. Потирая ушибленные места, я вернулся на заднее сиденье, Давид сел за руль. Через секунду мы были в движении, а когда оказались достаточно далеко, я спросил:

– Кто ты?

Ответ оказался неплохим сюрпризом.

– Я знал твоего отца.

Тема отцовства в моей биографии одна из самых болезненных.

И дело совсем не в личностных качествах моего папаши. Да и откуда мне знать, был ли он плохим или хорошим, если я вообще не знал его.

И все потому, что этот гад куда-то исчез почти сразу после моего рождения, оставив тем самым своего сынка на попечение психопатической мамы.

Впрочем, неудивительно, что он от нее сбежал, ведь я сделал тоже самое.

– Что за бред? – недоверие всегда лучший способ защиты.

Но Давид не был настроен сражаться в играх разума.

– Давай решим это позже, – сказал он.

И я, понимая, что кроме него нет других желающих решать мои проблемы, не стал строить из себя принцессу. Да и так ли было важно, знал ли кто-то моего отца или нет? Я уж точно его не знал. И по внутренним ощущениям потерял не так уж и много.

Исколесив несколько улочек, Давид припарковал тачку в какой-то глухомани, а потом, выходя из машины, пояснил:

– Дальше пойдем пешком.

Я беспрекословно поддался его требованиям, тем более что другие варианты действий не падали с неба. Мы шли долго и нудно. Временами приходилось пробираться дворами или пролазить сквозь дыры в стальных заборах.

Но в какой-то мере это было даже забавно. Походило на эдаких суровых шпионов из старых фильмов, которые хитроумно заматали следы своих преступлений. В конце концов наш долгий пеший путь прервался напротив вывески «Отель «Катрина».

– Нам сюда, – сказал Давид.

Мы перешли улицу и на входе столкнулись с охранником, который, как и полагается в нормальных заведениях, был при белой рубашке и галстуке.

– Здравствуйте, Давид Натанович! – радостно завопил охранник при виде моего нового друга и его губы разверзлись в широченной улыбке.

– Я вас категорически приветствую, – дал свой ответ Давид, – Дайте я пожму вашу мужественную руку.

Наблюдая на заднем плане всю эту неожиданную фееричность братания с обычным охранником, я был легонько сбит с толку. Но вскоре очередь дошла и до меня.

– А это мой молодой коллега Геннадий Петрович, – сказал Давид, обращая внимание собеседника на меня, – Отец русской демократии!

Мне протянули руку, и я скромно ее пожал.

– Андрей.

– Геннадий.

– Очень приятно.

– Мне тоже.

По сравнению с Давидом я был более чем скромнен по части приветствий. Но вскоре и ему пришлось исчерпать свой багаж броских фраз.

– Всего доброго, – сказал он и на пару со мной двинулся дальше.

Только вот охранник не собирался заканчивать беседу.

– Давид Натанович..., – робко окрикнул он собеседника.

Обернувшись, Давид вопросительно посмотрел на охранника.

– Я хотел узнать по поводу моего вопроса..., – раздался запинаящийся голос.

– Уже, – многозначительно ответил Давид, и мы продолжили наше проникновение в гостиницу.

В холле нас встретило весьма впечатляющее убранство. Все вокруг блесло своей новизной и декоративностью. А главное, не нужно было ждать целый день администратора. Он был всегда на месте. И более того, вместо одного было целых три. Причем каждая из девушек, игравших роль администратора, была краше предыдущей.

При появлении Давида вечерняя сонливость мгновенно исчезла с их лиц, и они как-то нервно заерзали на своих сидячих местах.

– Рады вас видеть, Давид Натанович.

От этих сладких слов, слетающих с разукрашенных помадой женских губ, Давид остановился, словно упершись в невидимую преграду, и, изобразив на лице гримасу внезапного изумления, страстно прошептал:

– Не поверите, но вы еще прекрасней, чем вчера.

Девушки уже видимо привыкли к такому экстравагантному поведению своего постояльца и потому шаловливо отмахнулись:

– Да бросьте....

– Нет возьмите....

Административные работницы раскраснелись и, хихикая между собой, протянули ключ. Давид забрал предложенное, но на этом не остановился.

– Кстати, познакомьтесь с государем....

Имелся в виду я, и девушки наконец-то додумались обратить на меня внимание.

– Прошу любить и жаловать отца родного, Геннадия Петровича. И ему тоже нужен ключик. А главное, он всегда готов меня заменить.

После нескольких похотливых взглядов мне все же выдали ключ.

– Пойдемте, Геннадий Петрович, – сказал Давид, – Оставим девушек с мечтами о нас. И мы ушли.

У лифта нас встретил лифтер, который, как и ранее встретившийся охранник, отчаянно долго выплясывал перед нами чечетку.

От таких непрерывных разговоров ни о чем мне стало казаться, что мы никогда не попадем в номер. Однако приходилось терпеть.

– Приятного вечера, – сказал лифтер, отправив нас на седьмой этаж.

– И вам того же, – ответил я, облегченно вздохнув.

– Не прощаемся, – добавил Давид.

Когда лифт доставил нас на нужный этаж, нам оставалось сделать несколько шагов, чтобы найти комнаты 705 и 706.

– Сначала к тебе, – сказал Давид, намекая, что пришло мое время воспользоваться ключом.

После двух полных оборотов ключа дверь отворилась, и то, что я увидел, пришлось мне по вкусу. Да и разве могло быть иначе в номере со всеми удобствами. Большая мягкая кровать, телевизор, холодильник, адекватная ванная комната...

Пока я все это рассматривал, зазвонил внутренний телефон. Мой взгляд, брошенный на Давида, спрашивал, нужно ли мне брать трубку.

– Конечно, бери, – отвечал Давид, – Это же твой номер.

Осторожной поступью я подошел к телефону и поднял трубку.

– Слушаю.

Раздался смешок, а потом на меня посыпались расспросы:

– Это обслуживание номеров. Вы всем довольны? Что-нибудь хотите заказать в номер? Вы будите ужинать в номере или в ресторане? Вам заказать девочку на ночь?

Такое обилие вопросов своей внезапностью буквально оглушило мою детскую лабильную психику, и я попросту растерялся.

Пришлось вмешаться Давиду. Он забрал у меня телефонную трубку, после чего коротко и ясно заявил звонившему:

– Мы вам перезвоним.

Решив мои проблемы с телефоном, он спросил:

– Осмотрелся?

– Да.

– Тогда пошли ко мне.

Заперев дверь моего номера, мы плавно переместились в апартаменты Давида. Там было все то же самое, только некоторые коррективы и творческий беспорядок убеждали очевидцев, что тут живут не первый день.

– Милости просим, – сказал хозяин, заботливо указывая на кресло, – Чаю?

– Можно, – ответил я.

Давид сделал короткий звонок. Через минуту нам доставили горячий чайничек и все прочие причиндалы. Еще немного и мы остались вдвоем.

– Угощайтесь, – просигнализировал Давид, усмотрев мою этичную сдержанность.

Отлив душистого кипятка себе в чашку, я добавил сахар и размешал. Потом дождался, пока Давид сделает то же самое, и лишь тогда сделал глоток.

Мой новый друг не заставил себя ждать и также отпил из своей чашки.

– Прекрасно, – сказал он, – Не правда ли?

– Безусловно, – ответил я.

Тем временем Давид достал из большой деревянной коробки пакет с надписью «Табак», трубку и некоторые другие вещи, без которых трудно сопоставить первое и второе.

– Будишь? – спросил он у меня.

– Нет, спасибо. Я не курю.

Тогда Давид единолично забил трубку, раскурил ее и, сделав несколько тяжек, возвестил очевидное:

– Нам нужно поговорить.

Если честно, я не знал радоваться или нет такому счастью, но в любом случае я хотел наконец-то разобраться в происходящем.

– И что ты готов мне рассказать?

Давид сделал еще пару тяжек, а потом выдал едкое замечание:

– Не нужно злиться.

Я усмехнулся.

– А кто злится?

– Ты. И все потому, что считаешь, что твой отец тебя бросил.

– А разве это не так?

– Нет.

– Да ну... И что же, по-твоему, случилось на самом деле?

Еще тяжка и трубка потухла. Давид отложил ее в сторону и, глядя мне в глаза, рассказал нечто странное.

– Ты когда-нибудь слышал про бетлицкую мафию?

Я не был виноват, что он сам давал поводы для насмешек.

– А если серьезно? – спросил Давид.

– Мне казалось, это всего лишь шуточная байка.

– И зря. На самом деле еще до твоего рождения это была самая мощная организация подпольного бизнеса.

– И что же с ней стряслось?

– Как и все империи, в один прекрасный светлый день она рухнула.

Виной тому стала перестройка. На смену старой схеме пришла новая.

Так началась война за место под солнцем.

Давид прекрасно слагал, но я мало интересовался историей и уж точно не собирался слушать повесть временных лет.

– А я-то тут причем?

– Многие годы твой отец был главой бетлицкой мафии, а когда все стало сыпаться, ему пришлось исчезнуть, дабы защитить семью.

– Как благородно. И где же он был все это время и где он сейчас?

Ответа я не услышал до тех пор, пока Давид не раскурил трубку по-новой.

– Он похоронен в глухой деревушке в Канаде. Но перед смертью твой отец просил меня присмотреть за тобой.

Очередная усмешка.

Я становился слишком банальным.

Или может виной тому была накопившаяся за многие годы злость.

– Зачем?

– А разве не ясно?

– Нет.

– Ты сын своего отца.

И хотя тебе не так уж и много лет, ты успел ввязаться в такие кучи дерьма, что любой мог бы тебе позавидовать.

Вернувшись к курению табака, Давид на время оставил меня наедине со своими мыслями.

Но они своей навязчивостью не позволяли мне молчать.

– Я не виноват, что все так вышло?

– А кто виноват? – спросил Давид, вновь отложив трубку.

У меня не было ответа.

– То-то и оно. Но думаю, ты готов двигаться дальше. Ступай к себе, закажи еды в номер и хорошенько выспись. Завтра нас ждут великие дела.

– Дела?

– Об этом завтра.

Наутро меня разбудил настойчивый стук в дверь. С заспанными глазами и с проклятиями в душе я в одних трусах проследовал на стук и отпер замок. За дверью стоял Давид во всеоружии.

– Какого черта? – возмутился я.

– Нам пора.

Такой простой ответ поставил меня в тупик. Протирая руками глаза, я спросил:

– А сколько время?

– Семь утра.

– И что мы собираемся делать в такую рань?

– Устраивать тебя на работу.

Я не стал спорить и принялся собираться в путь.

– Живее, живее..., – повторялось каждые пять-семь секунд моих сборов.

Терпеть такое издевательство непосильно было даже мне, так что я по возможности ускорился.

– Готов, – сказал я, как только ноги оказались в ботинках.

Давид осмотрел меня со всех сторон, хлопнул в ладоши и вымолвил:

– Думаю, пойдет.

«Думаешь?» – одновременно с этой мыслью сократилась лобная мышца, выказав тем самым свое недовольство и бешенство.

Но времени на эмоции не хватало.

– Живее, живее..., – в очередной раз поторопил Давид, – Нас уже ждут.

После этого он почти вытолкнул меня из номера и заставил запереть дверь. Когда приказ был исполнен, раздался его победоносный вздох, а дальше еще одна гениальная фраза:

– А теперь пошли.

Спустившись на лифте на первый этаж, мы всенепременно столкнулись с уже знакомым лифтером и не забыли раскланяться друг перед другом. Далее, проследовав мимо ресепшена с вечно хихикающими и краснеющими девушками, Давид старательно выдал нараспев строчки, полные романтики и иных соплей:

– Без вас весь день мой потрачен насмарку, мои прекрасные нимфы...

И дабы точно следовать установленному статусу девушки тотчас покраснелись и поделились друг с другом смешками. Впрочем, они также не забыли отрапортовать дежурную фразу:

– Удачного дня, Давид Натанович!

А затем вспомнили и про меня.

– Удачного дня, Геннадий Петрович!

После таких слов я подумал, что возможно удача передумает и вновь повернется ко мне лицом. Но слишком долго об этом думать мне не пришлось.

Миновав стеклянные двери, нам не удалось спокойно пройти мимо охранника. Давид, как и в случае с лифтером, минут десять обсуждал тайны бытия, потом сказал коронное:

– Уже, – и двинулся дальше.

Я наивно предполагал, что неподалеку нас будет ждать машина, но это так и осталось глупой надеждой. Мы шли и шли, и интуиция стала подсказывать, что нам вовсе не обломится пересечь на четырехколесный самокат.

– Только не говори, что у нас опять пешая прогулка, – обратился я к предводителю.

– А у тебя с этим проблемы? – спросил Давид.

– Нет.

– Тогда шагай и не скули. Тут недалеко.

Как оказалось понятие «недалеко» крайне растяжимо.

И все же прогулки рано или поздно заканчиваются.

– И где мы? – спросил я, рассматривая невзрачное здание, перед которым мы остановились.

– Следственный изолятор.

Если до этого мне и было что-то непонятно, то это показалось невзрачной песчинкой на фоне внезапно возникших обстоятельств.

– Ты псих? – вырвалось из меня в отсутствии других слов.

Меж тем Давид был безмятежен и непоколебим.

- Ты сказал, что собираешься устроить меня на работу....
- Сказал.
- Тогда что мы делаем здесь?
- Устраиваем тебя на работу.
- В тюрьму?
- Именно.

В таких случаях обычно говорят, что либо лыжи не едут, либо с головой совсем плохо.

Однако нервы сдавали исключительно у меня, а вот Давид был вполне рассудителен и сосредоточен.

- Нужно подождать пять минут, а потом мы сможем пройти через проходную.
- Переполох в моей башке усиливался, и от того с языка срывались глупости.
- Зачем?

В этот момент Давид видимо решил, что пора раскрыть карты, иначе дальше будет совсем сложно что-либо предпринять.

Оторвав взгляд от тюрьмы, и повернувшись ко мне лицом, он сказал то, что понравилось мне еще меньше, чем его молчание:

– Там за этими стенами скрывается человек, являющийся причиной твоих бед. Это по его приказу разнесли липовую лабораторию и взорвали притон Петрульдиуса, это из-за него твой приятель Толик оказался в больнице, это он захотел смерти Лавринова и многих других, это из-за него ты скрываешься от закона....

Давид говорил еще долго. Я его слушал и местами даже понимал, однако одно оставалось для меня загадкой:

- Но чего ты хочешь от меня?
- Ты должен остановить это здесь и сейчас.
- Остановить что?
- Стук его сердца.

Хотелось поскорее сойти с ума, только бы не слышать чужого безумия. Я огляделся по сторонам и попытался понять, какого лешего мне надо в этой жизни. Этот секрет всегда таился в далеких уголках Вселенной, но одно я знал точно. Это никак не было связано с чьим-либо убийством.

- Иди к черту, – сказал я и сделал шаг в сторону.

Мне вслед раздался спокойный и самоуверенный голос Давида:

– Ты можешь уйти и никто не в праве тебя остановить. Но подумай обо все тех людях, что стали его жертвами, и подумай о тех, кто может ими стать, если здесь и сейчас ты струсишь.

Я сделал еще один шаг и остановился.

- И нельзя никак иначе? – последовал мой вопрос.
- А ты считаешь, я об этом не думал?

Мое молчание стало венцом моих размышлений и терзаний.

- Нужно торопиться. Сейчас или никогда.

Но для меня принять такое решение было непросто. Ведь я же был всего лишь студентом, лабораторной крысой, которая время от времени пыталась подзаработать. И не ради какого-то там безграничного богатства, а просто чтобы выжить.

- Так что?

Последний червь сомнений был раздавлен тяжестью воспоминаний последних дней.

- Хорошо. Скажи, что от меня требуется? – спросил я, обернувшись.

Наши глаза встретились в новой череде испытующих взглядов.

- Ты уверен? Потом будет поздно что-либо менять.
- Уверен, – ответил я.

– Тогда нас ждут.

Несколько метров отделяли нас от входа в следственный изолятор. Нам удалось преодолеть их в мгновение ока. Как только обычную дверь осталась позади, мы оказались в крохотном предбаннике. Сбоку можно было обнаружить укрытое массивной решеткой маленькое оконце, из-за которого кто-то выглядывал.

– Вы к кому? – спросил голос, едва слышный по вине множества преград.

– К Гватемалу Таркелаедовичу, – ответил Давид и просунул в оконце паспорта.

Я не стал спрашивать, откуда у него паспорт с моей фотографией и именем какого-то Вальдемара. Это было неуместно, да и был ли смысл. Пока я обсуждал этот вопрос сам с собой, а Давид созерцал неровности побелки стены, наши документы долго и пристально изучались, просматривались под всеми видами светового излучения и оценивались по голограммам. Когда исследователи перепробовали все методы проб и ошибок, то принялись вносить записи в бесчисленное количество журналов и тетрадей. Спустя полчаса мы все еще стояли у оконца и ждали.

– Возьмите, – сказал голос, и чья-то рука протянула нам документы на вход и паспорта.

Пропуска представляли собой мятые бумажки небольшого размера, на которых было через копирку накалякано нечто.

– И что дальше? – спросил я.

– Не стоит переживать, – ответил Давид.

Раздался звуковой сигнал и мой тюремный проводник дернул за ручку огромной стальной двери. Так мы оказались в следующем помещении, представлявшем собой что-то наподобие промежуточной станции. Оно было ограничено стальной дверью, что пропустила нас внутрь после долгих бюрократических проволочек, и стальной решеткой впереди. Как только дверь позади нас захлопнулась, последовал новый сигнал и решетчатая створка распахнулась.

– По одному! – предупредил мужик в спецовке.

Первым прошел Давид, вежливо захлопнув за собой створку. И пока он представлял зрителям пропуск и сдавал на хранение телефон, мне приходилось скучать, стоя за решеткой. На радость мне этот пропускной пункт не строчил многотомных отчетов, и вскоре мне посчастливилось стать следующим. Ну а напоследок нас обоих пропустили сквозь металлоискатель. Правда, зачем непонятно. Про звеневшие металлом ключи никто не спросил, и мы пошли дальше.

– Нам на второй этаж, – предупредил Давид.

Несколько прыжков по ступенькам доставили нас в сумрачный коридор.

После малого количества секунд борьбы с беспамятством Давид указал направо и добавил:

– Нам туда.

Нырнув в еще большую темень, он постучал в одну из дверей.

– Войдите, – коротко и ясно послышалось в ответ.

Давид повернулся на миг ко мне лицом (его все равно не было видно из-за непроглядной темноты коридора) и сказал:

– Жди здесь, – и вошел в кабинет.

Так я остался в одиночестве и в темноте. Но ненадолго. Спустя какое-то время дверь приоткрылась, и из щели высунулся Давид.

– Заходи.

Как и требовалось, я последовал на поводу его желаний и оказался внутри просторного помещения. На другом его конце за огромным столом восседал человек в погонах. В количестве звезд мне не было интереса разбираться, но по его суровому виду я предположил в нем генерала.

– А вот и он, – сказал Давид, презентуя мою персону.

Генерал сморщился, словно увидел перед собой жабу, почесался, сунулся в одну из лежавших подле папок и протянул мне лист бумаги.

– Возьмите.

Я не стал противиться и послушно принял врученную грамоту. Хвататься за чтение в тот же миг было бы верхом неприличия, но краем глаза я выцепил слово «разрешение».

– Удачи, – сказал генерал, давая понять, что аудиенция закончена.

– Всего наилучшего, Гватемал Таркелаедович, – благодарственно высказывался Давид, одновременно выталкивая меня в коридор.

Не успели мы выйти к свету, как меня потащили в новую темень.

Давид постучался в очередной кабинет, но на этот раз не ждал ответа и не заставлял меня ждать с моря погоды. Без лишних церемоний мы вошли в крохотную лачугу, где за столами сидели двое в форме.

– Он ваш, – объявил Давид.

По всей видимости, он имел в виду меня. Один из двоих, тот, что постарше и с большей щетиной на лице, вынул из ящика стола большую печать и ворчливо потребовал от меня:

– Разрешение....

Я протянул ему выданный генералом лист бумаги. Его щетинистая морда долго перечитывала содержимое, потом шлепнула по бумаге печатью и схватилась за телефон.

– Забирайте, – сказал он кому-то, а повесив трубку, выдал ценное указание и нам тоже, – Ждите в коридоре.

Стоять в темноте было довольно стремно, поэтому мы вернулись на лестничную площадку, где можно было хотя бы видеть друг друга.

– Какого черта? – спросил я, предварительно убедившись в отсутствии свидетелей.

Очень странно, но Давид ответил почти сразу:

– Скоро за тобой придут и отведут туда, где ты сможешь осуществить задуманное.

– И куда же?

– Кабинет дантиста.

Да, Давид определенно имел врожденный дар удивлять. И хотя я был знаком с ним всего ничего, мне уже становилось дурно.

– В смысле? – спросил я, находясь в полной прострации.

И ему пришлось объясниться.

– У нашего приговоренного внезапно заболел зуб, и он потребовал лечения. А в мире не так много безумцев, которые мечтаю попасть в тюрьму просто так ради забавы.

Но известный адвокат Коган позаботился о решении этой проблемы и нашел некоего Вальдемара Пупкина, который согласился помочь больному человеку.

– И кто этот Коган?

– Вообще-то это я.

«Вот это новости», – сообщил мне мой мозг.

– То есть ты его адвокат?

– Технически да.

– И хочешь его убить?

– Идеальное прикрытие.

Я призадумался о своей роли во всей этой эпопее, что не снилась даже индийским танцорам диско, и мне отчаянно захотелось выкинуть этот сценарий в топку.

– Но я ни фига не смыслю в стоматологии....

– Тем лучше, – сказал Давид и тут появился конвой.

Два истукана в беретах на манер французских художников и с дубинками на поясе сначала прошли мимо нас, потом вернулись, присмотрелись к нам, а потом спросили:

– Кто из вас дантист?

– Он, – выдал меня мой вроде бы друг, не дав шанса на побег.

– Идемте.

Пришлось идти. А ведь меня предупреждали, что потом будет слишком поздно что-либо менять. С другой стороны я понятия не имел, что буду делать дальше. Мне сказали, что нужно убить какого-то мафиози ради мира во всем мире и все. А как, чем – разбирайся сам. Возможно, клещами. Глупо, но тоже вариант.

После долгих странствий по подвалам и подземным переходам меня завели в хорошо освещенную коморку. Несомненно, это и был стоматологический кабинет. Свидетельством моей правоты явились кресло с бормашиной и предложение:

– Располагайтесь.

До нашего прибытия кабинет не был пуст. В углу сидел какой-то белобрысый тип в тюремной робе.

– Это ваш санитар, – пояснил один из конвоиров, – Он из отдыхающих, но на воле работал в больнице и потому знает что к чему.

– Хорошо, – сказал я, все еще изучая убранство кабинета.

Конвоиры минуты три стояли в дверях, наблюдая за мной, а затем породили вопрос:

– Можно вести?

– Ведите, – ответил я.

А сам подумал: «Раньше начнем, раньше кончим».

Когда зеленые гоблины исчезли из виду, мне захотелось провести знакомство с санитаром.

– Ген..., – хотел было сказать я, протягивая руку, но вовремя опомнился, – Вальдемар Анисович.

– Дмитрий Викторович, – скромно отметил санитар.

На большее нам не хватило времени. Конвоиры слишком быстро вернулись и привели с собой пациента.

– Ждите в коридоре, – потребовал я от них, а потом обратился к жертве зубной боли, – Садитесь в кресло.

Причина моих бед не была страшна на вид.

Скорее, это был обычный мужчина средних лет, среднего роста и телосложения, с короткой стрижкой и прорастающими залысинами. Таких вы можете каждый день встречать на улице и не думать о чем-то страшном.

– А больно будет? – спросил он.

«И это гад спрашивает тебя о боли?!» – рассмеялся мой внутренний голос над невообразимым парадоксом.

– Нет, – ответил я, откровенно солгав, и тут же задал свой вопрос, – Как ваше имя?

– Сабин Михаил.

– За что вы здесь? – неутомонно продолжал я, желая знать своего врага.

От этого вопроса его передернуло.

– Разве это важно?

– Нет. Просто интересно.

– Все из-за того, что я не умею прощать.

– И только?

– Печально, но факт. Когда-то давно я работал на человека по имени Лавринов, который был мне как отец. Но однажды он предал меня, отдав на растерзание шакалам. С тех пор вся моя жизнь сплошная жажда мести.

– Действительно печально, – заметил я.

И в этой фразе не было лжи и притворства. Быть может, Лавринов и кое-кто еще и впрямь заслуживали смерти.

Однако это не оправдывало всего остального. Я подошел к стерильному столу в поисках клещей, но нашел нечто получше.

Это было похоже на хорошо заточенную отвертку, а называлось элеватором.

– Придется немного потерпеть, – предупредил я, подбираясь к больному.

– Как скажите, доктор, – ответил Сабин.

Мои губы сжались, скрывая лезущую наружу улыбку.

«Короче, Склифосовский!» – это была хорошая мысль, и я со всей дури засадил элеватор ему в левый глаз. Струйка крови брызнула мне в лицо, и пациент забился в конвульсиях.

– А-а-а-а!!! – заорал ошалевший санитар.

Призванные криком конвоиры вбежали в кабинет и уставились на истекающий кровью труп.

– Он дернулся, – сказал я, утираясь рукавом, – Это случайность.

Возможно, в каком-то другом, более правильном мире мне не пришлось бы размышлять о своей дальнейшей судьбе. Вездесущий закон сделал бы это за меня.

Однако я жил тем, что было. И к вечеру меня отпустили, долго кланяясь и извиняясь передо мной со словами:

– Спасибо большое. Простите за неудобства.

Странно, а ведь я убил человека. Но странный патологоанатом сделал не менее странное заключение – «сердечный приступ». Видимо он сильно-пресильно утомился и не заметил элеватор в глазнице.

На выходе меня ждал Давид. Не сказав не слова, он указал на припаркованный рядом автомобиль. Все в том же безмолвии мы забрались внутрь, и шофер в какой-то дурацкой клетчатой кепке нажал на газ. Машина тихонько отъехала от тюремного здания, проскочила проулок, и только тогда Давид торжественно развалился в салоне и сказал мне:

– Молодец.

Тем временем шофер притормозил на красный свет и заодно спросил хозяина:

– Куда ехать, шеф?

Ослепленный успехом, Давид никак не мог определиться с планами.

– Наверное, в бар?! Хотя нет, нужно заехать в офис. Есть еще одно дельце.

– Дельце? – переспросил я, – Может, на сегодня хватит?

Но Давид был неумолим и, дружественно схватив меня рукой за шею, сказал:

– Не откладывай на завтра то, что можно сделать прямо сейчас.

Ехали мы недолго и остановились напротив солидного здания из красного кирпича. У входа висела большая коричневато-мраморная табличка с гротескной надписью «Адвокатская контора «Коган и все-все-все».

«Оригинально», – подумал я.

Выходя из машины, Давид посмотрел на ручные часы, а потом обратился к шоферу:

– Ставь машину в гараж. Дальше мы сами.

Шофер кивнул в ответ, поправил свою клетчатую кепку и, сев обратно за руль, медленно въехал в ворота, что располагались сбоку от офиса. Там он вступил в диалог с человеком, имевшим на спине желтую вышивку «охрана». Дальнейшие события прошли мимо меня, так как Давид потащил меня в офис.

В дверях, как и полагается, стоял очередной охранник. Однако на этот раз никто ни перед кем не раскланивался. Наоборот, при нашем появлении он вмиг напрягся и застыл с выражением скульптуры греческого героя. Давид прошел мимо него, не проронив не слова и словно не замечая его присутствия. Миновав двери, мы попали в зал ожидания, в стороне от которого находился ресепшен. В столь поздний час диваны пустовали, но плазмен-

ные панели все равно показывали цветастые картинки, и приглушенно играла классическая музыка.

– Что-нибудь есть для меня? – спросил Давид, бойко прошагав на ресепшен.

Девушка, в глазах которой отражался трепет, осторожно протянула ему стопку конвертов.

– Спасибо, – коротко ответил он и поманил меня за собой.

Завернув за угол, мы оказались на пороге огромного зала с огромным количеством рабочих столов.

На тот момент в помещении находилось человек двадцать. Все они нещадно сустились, стучали по клавиатуре, отвечали на разрывающиеся от звонков телефоны, копались в бескрайних кипах бумаг.

«Наверное, это и есть Апокалипсис», – мысленно показалось мне.

Но как только один из них увидел нас, все тотчас смолкло.

– Хочу познакомить вас с моим близким другом Геннадием Петровичем Чайкенфегелем, – сказал Давид, как только это случилось, – Отныне он мой новый первый помощник.

В ответ раздался единый возглас:

– Добро пожаловать!

Только прозвучало это как-то натянуто, будто отряд зомби затащил строевую.

– А что случилось со старым? – спросил я, когда Давид повел меня дальше.

– Неважно, – ответил он.

Следующей остановкой стал мой кабинет.

– Нравится?

– Еще бы. Но чем я буду заниматься? Я же не юрист?

– Со временем станешь и всему научишься.

– А как же медицина?

– Об этом придется забыть.

Я еще раз глянул в зубы дареному коню и решил, что все не так уж плохо.

«Махнулись не глядя», – и пошли дальше.

Моя экскурсия по офису «Адвокатской конторы «Коган и все-все-все» закончилась в кабинете директора. Однако не успели мы присесть, как раздался звонок коммутатора:

– Давид Натанович, она пришла.

– Проводите ее ко мне.

Почти сразу раздался стук в дверь, и в кабинет вошла молодая особа. На вид ей было лет двадцать шесть или около того. И хотя она не была в моем вкусе, любой из мужчин мог бы назвать ее красивой. Четвертый размер груди и длинная коса пепельных волос, кончик которой болтался на уровне ягодич, были вполне добротными аргументами в пользу одного. Единственное, что смазывало хорошее впечатление, так это грустные глаза и припухшие веки, ставшие уликой множества выплаканных слез.

– Добрый вечер. Присаживайтесь, – вежливо встретил гостью Давид.

– Добрый вечер, – ответила девушка, погружаясь в кожаное кресло.

В ее голосе чувствовалось горечь обид, но, совершив визит к адвокату, люди ждут действий, а не сопливого сочувствия.

– Так чем мы можем помочь?

Девушка посмотрела на меня, потом на Давида, потом опять на меня. С секунду она колебалась, боясь обнаружить все то, что накопилось у нее в душе, но все же решилась:

– Я хочу вернуть свои деньги.

– А поподробнее....

– Я одна воспитываю ребенка и, чтобы содержать себя и его, мне приходилось целыми днями вкалывать в косметическом салоне. Все было хорошо, пока однажды хозяин салона

не решил поставить над нами управляющего. Так и появилась эта Наталья Валентиновна. Мы сначала не поняли что за управляющий, которому нет и двадцати, к тому же рожа так и просит кирпича. А потом уборщица рассказала нам, что хозяин пялит ее по ночам. Тут мы все и поняли. Плюнули на нее и стали дальше работать. Но этой суке, как оказалось, нейдет.

Видит она, что я хоть и старше ее, но в тыщу раз красивее, и что хозяин время от времени строит мне глазки, вот и взбеленилась. Стала козни строить за моей спиной. А вчера вызывает меня к себе и говорит: «Вы уволены». А я: «За что?». Так эта тварь стала ржать мне в лицо, а когда наржалась, сказала: «Поделом тебе. А про зарплату, что задолжали за полгода, вообще забудь и не помни».

Вышла я вся в слезах, позвонила подружке, а та посоветовала обратиться к вам....

Договорить девушка не смогла. Слезы так и хлынули из глаз рекой. Любой нормальный человек бросился бы ее утешать, но только не Давид. Он подождал, пока девушка успокоится, после чего сказал:

– Оставьте в кассе задаток и будьте здесь завтра в это же время.

Клиентка вытерла последнюю слезу платочком и скромно прошептала:

– Спасибо.

Когда дверь за ней негромко щелкнула замком, я спросил:

– Домой?

– Нет, – ответил Давид.

Я посмотрел на него глазами обессилившего многостаночника, но прежде чем мне захотелось возмутиться словесно, последовало объяснение:

– Самое время совместить приятное с полезным.

Детали этого интригующего предприятия проявились позже. Мы вышли из офиса, оставив позади окаменевшего взглядом охранника, и пошли вдоль по улице.

Было уже довольно темно, но метров через триста света стало предостаточно. Играла музыка, и куча народу сутилась под вывеской «Приходская благодать отца Федора».

Подобравшись ближе, нам пришлось протискиваться среди чумазных и небритых обормотцев, которые с криками «Хлеба!», «Соли!», «Свободы!» и «Зрелищ!» пытались прорваться внутрь мимо суровых омоновцев. Но каждый раз все заканчивалось одинаково – ударом дубинки по башке или серией ударов по горбу. При виде нас омоновцы повели себя иначе. Они сразу же вежливо расступились, спрятав кулаки за спиной и почти кланяясь на китайский манер, а один даже открыл для нас дверь и учтиво пригласил войти:

– Милости просим.

Давид не отдал ни грамма внимания на этот спектакль, словно видел его многие тысячи раз.

– Пойдем, – сказал он мне, и мы вошли.

Внутри все выглядело намного приличней и куда более культурно. Высокие потолки, с которых свисали гигантские люстры, стены с гигантскими портретами неизвестных мне святых, паркет, украшенный стразами, гости в роскошных нарядах и с бокалами в руках....

При виде их мне стало стыдно за себя, и в тоже время стало понятно, почему бомжей держат подальше. Не успели мы сделать шаг, как в ноги нам бросился мажордом.

– Батюшка Давид Натанович, рады, что вы наконец-то пришли. Отец Федор ждет вас с превеликим покорством и смирением.

Из уст слуги еще долго вылетали льстивые слова преклонения, но главное, что, в конце концов, мы двинулись дальше. Мажордом провел нас мимо гостей, многие из которых одаривали Давида знаками внимания, да и меня заодно с ним. Среди них были как мужчины, так и женщины. Одним он отвечал, других игнорировал.

Я ожидал, что нас заведут в какой-нибудь огромный банкетный зал, где на столах окажутся бесчисленные количества удивительных на вкус угощений. Но вместо этого мы спустились в подвал.

Спертый влажный воздух ударил в ноздри и невольно заставил поморщиться. Во рту сразу же ощутился противный металлический привкус. Хотелось вернуться, но мне следовало идти туда, куда меня вели.

Темные коридоры, по которым мы пробирались, местами освещали одинокие лампы, свисающие вниз на облезлой проводке.

Местами по углам кто-то копошился. А иногда приходилось ступать особо осторожно, дабы не угодить в притаившуюся в тени лужу.

Итогом наших подпольных странствий стала старая потрескавшаяся деревянная дверь.

– Всего наилучшего, – воодушевленно промямлил мажордом и поспешил убраться прочь.

Как только след его простыл, Давид нажал на черную кнопку звонка. За дверью еле слышно заиграла песенка про капитана. И тотчас дверь отворилась и позвала нас внутрь.

На этот раз нас никто не встречал: ни охранник, ни дворецкий, ни кто-то еще.

Дверь открывалась автоматически. Я понял это, увидев встроенный в нее механизм, что торчал сбоку. Это было вполне целесообразно, так как люди, сидевшие в этом скромном подвальчике за круглым столом, были слишком заняты, чтобы тратить время на кого-то еще.

– Приветствуем вас, Давид Натанович, – сказал при виде нас бородатый мужчина в рясе, бросая на стол даму бубей.

– И мы вас, отец Федор, – сдержанно ответил Давид.

Теперь я знал из-за кого творился весь этот сыр-бор на входе. Но особого впечатления на меня не произвел этот мужик в рясе.

Слишком банален он был и скорее соответствовал именно этому подвалу, в котором просиживал время за выпивкой и игрой в карты, а не восхитительному убранству этажом выше.

Как только мы переступили порог, дверь за нами стала медленно закрываться в сопровождении скрежета несмазанных механизмов.

– Просим к столу, – сказал кто-то.

Мы сели на два пустующих стула и стали ждать. Я оглядел всех тех, кто присутствовал в кругу стола помимо нас, но не нашел ничего впечатляющего. Сплошь угрюмые рожи смотрели исподлобья то на нас, то друг на друга, рыгали, извергая тошнотворную смесь шпротов с перегаром, догонялись очередным стаканом, безвольно кидали в кучу карты и фишки, ругались матом...

И королем среди этих обалдуев был батюшка, отец Федор.

– Так что? – спросил Давид, когда пауза затянулась.

Отец Федор бросил на стол еще одну карту, сделал серьезный глоток из стакана, после чего вздохнул и пояснил:

– Скоро.

Еще минута ожидания и вновь заиграла незатейливая мелодия:

Капитан, капитан, похмелитесь,
Ведь бутылка – это флаг корабля....

Батюшка достал из кармана дистанционный пульт и указательным пальцем нажал на большую красную кнопку. Сразу после этого дверь отворилась, и в помещение вошел высокий улыбчивый парень с мешком средних размеров.

– Готово, – сказал он.

– Молодец, Захар, – похвалил его отец Федор, – Отдай нашему гостю.

Парень все с той же глупой улыбкой, какой, скорее всего, обладал один из героев Гюго, подошел к Давиду и протянул ему мешок.

– Возьмите, – сорвалось с его улыбчивых губ.

В противовес ему мой друг был более чем серьезен.

Оставив в стороне ненужные слова, он взял мешок из рук дающего, положил рядом с собой на стол и, бросив взгляд на отца Федора, стал ждать.

– Свободен, – раздался приказ духовного наставника, после чего парень метнулся за дверь, дабы не быть ненужным свидетелем.

Закрытая дверь вернула в подвальное общество доверительность отношений. Но диалог возник не сразу.

Давид похлопал рукой по полученному мешку, постучал костяшками пальцев по столу, взглянул в большие и честные глаза батюшки, оценил шансы каждого за игровым столом и только тогда стал изливать наружу свои странные сомнения:

– Я почему-то рассчитывал на большее....

Если до этого отец Федор и был взволнован нашим прибытием, то очень ловко скрывал это мнимым весельем и полупустым стаканом.

Однако теперь, когда его гость выказал недовольство, он стал бледней известки.

– Плохая неделя. Курс акций упал, – дрожащим голосом пробормотал батюшка.

Губы Давида искривились в безумной издевке.

– Ты думаешь, это должно меня как-то тронуть?

Белеть дальше было некуда, но усилиться в дрожи отец Федор сумел:

– Н-нет!

– Тогда как мы это решим?

Отец Федор поискал по сторонам Бога, который должен был послать ответ, но не нашел. Потом вспомнил, что сам же его и придумал, упрекнул себя за забывчивость, но так и не нашел ответ.

– Так что?! – Давид говорил без эмоций, но весьма настойчиво.

– А кто ты такой?!

Такой вопрос вполне заслуженно можно назвать неожиданным.

Давид перевел взгляд с отца Федора на какую-то пропитую харю, усмехнулся, почесал за ухом, но вопреки моим ожиданиям ничего не ответил.

– Что зассал?! – завопила пропитая харя, ударив стаканом о стол.

Но и на этом перебравший игрок не успокоился.

Покачиваясь из стороны в сторону, он встал с места и принялся показательно заворачивать рукава.

– Сейчас я выбью из тебя дурь....

– Да! Да! Давай! – задорно поддержали его другие собутельники, и только батюшка дрожал с еще большей силой.

Как оказалось, его страх имел под собой довольно прочный фундамент, который зиждился на более раннем плачевном опыте.

Не успел я оглянуться, как все уже разрешилось, а задавака хрипел, хватаясь за нож, торчавший из его горла.

– Надеюсь, впредь ты будешь лучше выбирать друзей, – обратился Давид к отцу Федору, поднимаясь из-за стола, – И завтра я жду вторую половину.

У батюшки не было сил перебороть страх и выказать свое понимание. Впрочем, этого и не требовалось. Отныне все в этом подвале знали, чем заканчивается неправильное поведение. Пока дверь открывалась, Давид постарался подсластить пилюлю:

– Всем приятного вечера. Надеюсь, что это небольшое недоразумение никак не повлияет на проповедь.

Мы обязательно там будем.

Покинув подвальное общество, мы снова оказались в темных коридорах подземелья, но задерживаться в них нам было не с руки.

Без мажордома, конечно, найти путь наверх было гораздо сложнее, и время от времени, упираясь в тупик, приходилось возвращаться обратно, но все хорошо, что хорошо кончается.

– Теперь нас ждет проповедь, – сказал Давид, хватая бокал с подноса проходившего мимо официанта.

– Проповедь?

– Именно, друг мой.

При упоминании слова «проповедь» в голове рисовались картины учительских нравочений или сцен из кино, где люди постоянно кличут «аллилуйя».

Ничто из этого не могло привлечь меня своею зрелищностью, и потому я при-скорбно-упадническим голосом обратился к Давиду:

– А нельзя без этого?

– Нет. Бизнес есть бизнес.

Дабы не выдать негативных эмоций, мне пришлось промолчать. Но Давид и без слов прекрасно знал, насколько я измотан. И потому ему захотелось поднять мне настроение, для чего он тут же остановил очередного официанта.

– Выпить моему другу!

Официант расположил передо мной поднос с выпивкой так, чтобы я смог выбрать. Когда бокал оказался в моей руке, Давид продолжил:

– За нас! За нашу дружбу! За наше будущее!

– За нас! – поддержал я.

Не успела выпивка попасть на язык, как всеобщее веселье прервал пронзительный гудок. Такой обычно встречается в театре или на заводе, и мне сразу стало ясно, что это ни что иное как призыв к сбору.

– Пора, – сказал Давид, прощаясь с бокалом.

Остальные гости, опередив нас, уже пробирались сквозь предложенный проход. Но не сказать, что кто-то торопился. Все двигались спокойным, сдержанным шагом, постепенно заполняя большой зрительный зал. Как только все разошлись по местам, кто-то наверху приглушил свет, и заиграла музыка. Ее звуки очень напоминали Вивальди, однако то и дело их динамиков вырывался компьютерный бум-бум-бум.

Эта аранжировка мучила слух не менее десяти минут, а потом на сцену выскочил уже знакомый мне отец Федор. Он долго кланялся под грохот аплодисментов, едва не потеряв свой священный колпак, одетый специально для этого торжественного случая, а потом натужным голосом завопил, опрокинув голову назад:

– Дети мои, помолимся за грехи наши! Как раз в этот момент, словно кара небесная, из динамиков вырвался особо противный семпл, отчего не скривило и не скрючило только глухих.

– Помолимся!

И снова тот же звук и те же ощущения. К счастью представление не ограничивалось пытками слуха.

– Сегодня мы поговорим о лжи! «Не лгите!» – говорит нам Бог, но разве вы его слушаете?

– Нет!!! – посыпались ответы из зала.

– Но почему же?! Разве мы не должны внимать слову Божьему?!

– Должны!!!

– Так в чем же дело?!

– Мы грешны!!!

– И кто из вас самый отъявленный лжец?!

Кто-то в зале поднял руку, и это заставило отца Федора устроить на сцене невообразимую пляску.

На секунду мне даже показалось, что подвальные события нанесли непоправимый урон его рассудку.

Но вскоре он вновь подал голос:

– Иди же ко мне и поведай всем свою ложь!

В ответ на призыв на сцену стал забираться какой-то гоблин в зеленом свитере.

– Как тебя зовут, о, противнейший из лгунов? – спросил отец Федор, когда закулисная женщина снабдила добровольца микрофоном.

– Саша.

Доброволец был реальным гоблином с настоящим гоблинским носом. Для пущей схожести он все время кривлялся, а при ходьбе ковылял.

Плюс ко всему это чудо в перьях лыбилося хуже последнего идиота. Но именно таких придурков отец Федор искал в зрительном зале, чтобы потом сделать гвоздем своего шоу.

Итак, герой сцены был на месте. Оставалось добавить красок.

Для большего нагнетания готической атмосферы батюшка старался изобразить потусторонний голос:

– И что же ты сделал?

– Лгал и обманывал.

– Ты расскажешь нам какую-нибудь историю?

– Ну, недавно я побывал дома после пятнадцати лет отсутствия.

– И как?

– Мой брат Гарик очень обрадовался моему возвращению.

«Здравствуй, братишка», – сказал он, обнимая меня, – «Сколько лет мы не виделись?... Подумать только...».

Внезапный прилив чувств слегка вывел его из душевного равновесия, так что по его лицу струями стекали слезы радости.

«Ну что ты стоишь в дверях? Проходи в дом», – продолжал стенать Гарик, но постепенно начинал приходить в себя после внезапного всплеска эмоций, – «Женя, иди сюда скорее!»

На зов ополоумевшего предка явилась девчонка тринадцати лет.

«В чем дело, пап?» – спросила она, увидев отца в слезах и со счастливой улыбкой на лице.

«Это твой дядя Саша. Он вернулся».

«Дядя?» – дочь Гарика в силу странных особенностей психики не всегда могла своевременно понять, куда дует ветер, отчего временами немного тупила, – «Но он же умер?»

Гарик немного смутился, но не обиделся на дочь. Однако теперь у него не находилось слов, чтобы продолжить разговор с прежним вдохновением. Женя почувствовала, что сморозила глупость. Ее лицо покрылось признаками стыда, а в воздухе повисла неуместная пауза.

«А может нам стоит выпить чаю?» – сказал я и потащил своих посеревших сородичей в гостиную, совершенно не уделяя внимания их хозяйским правам.

Когда чайник был выпит, а торт съеден, Евгения спросила:

«Так что же случилось пятнадцать лет назад?»

«С древностью лет эта история забыта...», – печально прошептал Гарик.

«А моя морда так и не разбита», – закончил я.

За прошедшие пятнадцать лет мой жизненный настрой ничуть не изменился, а ненаигранный оптимизм, как и прежде, был по-своему заразен. Рядом с ним хотелось забыть обо всех проблемах повседневной смуты.

«Да кому нужны ваши тайны? Эх, вы, взрослые...».

Критическое замечание со стороны дочери заставила Гарика улыбнуться. Я поймал взглядом улыбку брата и с определенным кокетством заявил племяннице:

«Рассказать несложно, но вряд ли история тебе понравится».

«Но я хочу знать».

«Тогда слушай», – сказал Гарик и по-отечески сделал из прически дочери шурум-бурум, – «В то время мы вместе с матерью жили в деревне.

Это был конец прошлого века, когда любого прохожего терзал экономический кризис. Я учился в институте, а Саша только что перешел в десятый класс. То самое лето я намеривался посвятить культурному отдыху в компании с девушками и самогоном местного разлива, однако моим мечтам не суждено было сбыться.

«Игорек», – сказала матушка за ужином на следующий день после моего приезда, – «Не хочешь подколымить?»

Естественно, желание работать отсутствовало напрочь, но выбор не являлся моей прерогативой.

«В смысле?» – спросил я.

«Приходил Хачик. Его бригада разбирает ферму и ему нужен стропальщик».

«Больше похоже, что ему нужна промывка мозгов», – злобно съязвил я.

«Так что мне ему сказать?» – матушка посмотрела на меня взглядом вурдалака, что означало негативное отношение к неудобным ответам.

«Скажи, что я готов к труду и обороне».

В итоге вместо девчонок пришлось обхаживать подъемный кран, созданный какими-то чудиками из Иваново. Работать приходилось в разгар солнцепека, истекая потом и жадно глотая воду из припасенной бутылки во время пятиминутных перерывов. Конечно, поначалу было трудно: мышцы ныли, поясница трещала, а ультрафиолет превратил меня в папуаса.

Однако я не унывал и через неделю полностью адаптировался к новому виду трудовой деятельности. Но через этот же временной интервал среди руин колхозной фермы появился Хачик, который наконец-то преодолел состояние нестояния.

«Ты уволен», – сказал он без объяснений, – «Приходи вечером за расчетом».

«Не очень-то и хотелось», – подумал я, но все равно было обидно.

«Не ходи к нему», – сказала матушка, когда я сообщил ей «приятную» весть, – «Ничего другого от погани ждать не приходится. Пусть подавится, козел безрогий. Оставь ему на баранки».

Конечно, на причитающиеся мне деньги можно было затариться баранками на год вперед, однако спорить с матушкой не имело смысла. Дня через три Хачик заявился сам, шелестя купюрами. Безусловно, хотелось взять деньги, но таким поступком можно было лишиться себя месячного содержания.

Так что, несмотря на всю мою нелюбовь ко всякого рода конфликтам, пришлось послать Хачика на все четыре стороны. После этого я смог спокойно заниматься культурными мероприятиями, навсегда позабыв Хачитуряна.

Однако он не позволил о себе забыть. Спустя две недели Хачик угнал у одного из фермеров гусеничный дизель и принялся сшибать столбы по всей деревне. Прибывшая на место происшествия скорая психиатрическая помощь спешно определила «шизофрению» и отправила в места не столь отдаленные. По словам очевидцев, Хачик все время выкрикивал угрозы каким-то «серым стропальщикам», которые преследовали его днем и ночью. Тем же вечером он повесился в своей палате.

Несомненно, происшествием заинтересовался угрозыск и, к удивлению оперов, выяснилось, что «серыми стропальщиками» являлись местные безработные, которые, прочитав развешенные по деревне объявления об экстренном наборе в ряды тружеников стропления, ломились в жилище к Хачитурияну.

Объявления появлялись на столбах со скоростью роста грибов, новоявленные стропальщики текли рекой к дому Хачика, а у него терпения становилось все меньше и меньше.

Вот он и решил покончить с объявлениями радикальным способом. Менты каким-то образом прознали, что это дело рук Саши, вот и пришлось спрятать его далеко и надолго.

«Какой ужас», – прошептала Женя.

«Именно», – добавил я, – «Но некоторые утверждают, что Хачитуриян жив».

Отец Федор на секунду застыл, очарованный повествованием, но тут же опомнился.

– Спасибо. Это был Саша – обманщик и лжец!..

Пока отец Федор разглагольствовал, из-за кулис появились два омовца, которые увели добровольца за сцену.

– ... А мы, дети мои, помолимся!

Еще полчаса батюшка выдавал на сцене танцевальные финты под убийственный музон, а потом свет совсем погас и люди стали наощупь пробираться к выходу. Там они смогли продолжить веселье, ну а нас ждала своя дорога.

– Это и была проповедь? – спросил я, вдыхая ночной аромат апреля.

– Да, – сказал Давид, осматривая темные переулки, – А разве тебе не понравилось?

Мой взгляд старательно высматривал улыбку на его лице, но ее там не было. Тогда пришлось просто признаться.

– Нет.

– Тоже хорошо, – отметил Давид, наконец-то улыбнулся, похлопал меня по плечу, и мы пешком отправились до гостиницы.

Позднее, уже стоя у дверей наших номеров и проворачивая ключ в замочной скважине, он сказал мне то, чего я ждал весь этот долбаный вечер:

– Это был тяжелый день, но ты справился. Ты – молодец. Так что теперь спи до обеда. Клиентка появится только после пяти.

– Спасибо, – прошептал я и последовал его совету, нырнув в кровать.

Сон был долгим и здоровым. А мне как раз было категорически необходимо восстановиться после всех моих злоключений.

Но все хорошее рано или поздно кончается. Вот и пришлось открывать глаза. Полусонным взглядом я посмотрел на часы. Обед давно прошел, и было около трех.

«Ну и ладно», – подумал я, потянулся и откинул одеяло.

Очень не хотелось вставать. Да и куда проще было просто валяться и наслаждаться неспешным тиканьем будильника в безмятежности всего остального.

Но за такое разгильдяйство Давид вряд ли бы погладил по головке.

Вот и пришлось ступать босыми ногами на пол и тащиться до туалета.

На обратном пути я заметил конверт, сунутый под дверь.

«Возможно, ты выиграл миллион», – подколот внутренний голос.

Но в записке писалось совсем не о том:

«В холле вас ожидает милиция».

«Милиция!..» – гулко отозвалось в башке, и паника плеснула через край чаши самообладания.

«Милиция! Милиция! Милиция!», – повторял я лично для себя, как бы пытаюсь уверовать в реальности происходящего. Бросившись к окну в поисках выхода, мне пришлось понять, что спрыгнуть с седьмого этажа не так легко как кажется, если только ты не человек-паук.

«Что делать? Где найти выход?» – вопросов было слишком много, а вот с ответами сложился крайний дефицит.

Стены, пол и все остальное были буквально испещрены моим взглядом в поисках решения. Я даже зачем-то заглянул в помойное ведро, но все впустую.

«Давид!» – хорошая мысль, если ее адресант где-то поблизости.

Но его телефон не отвечал, а стук в дверь в полуголом виде не принес даже малейших результатов. А это все-таки была последняя надежда.

«Может сдаться?» – очередная дурость залезла мне в голову, но, еще немного пораскинув мозгами, мне пришлось согласиться, что это лучшее из возможного.

Унимая дрожь в конечностях, я кое-как натянул на себя одежду, распахнул карманы, вынул самое необходимое и вышел из номера. Запирать дверь не стал, решив, что это излишне.

Путь по коридору и ожидание лифта тянулись медленнее, чем когда-либо, но мне хватило терпения и силы воли, чтобы не дать деру и не забиться серой мышью под батареей.

Внизу меня приветствовал лифтер:

– Доброго дня, Геннадий Петрович!

Он улыбался мне во все тридцать два и по виду был действительно счастлив от моего присутствия в его жизни. Раньше никто ко мне так не относился и я, по правде сказать, пока не знал, что с этим делать.

– И вам того же, – ответил я и пошел дальше.

Девушки на ресепшне встретили меня с не меньшим уважением и трепетом, чем ранее это сделал лифтер. Но мне требовалось от них другое.

– Мне оставили записку....

– Да-да-да, – закивали мне в ответ, – Они ждут там.

Пальцем мне указали на троих, что сидели на стульях у входа.

Двое из них были в милицмейской форме, а третий выглядел гражданским. Присмотревшись, увидел оживление на ресепшне, один из них (конечно же, милиционер) встал с места и направился ко мне. Остальные чуть погодя последовали за ним.

Я смотрел на их приближение, словно в замедленной съемке, и страшно потел, как не знаю кто.

Казалось, вот-вот прозвучит зарезервированная киношниками фраза:

– Руки за спину!

Но вместо этого вежливый тон сообщил:

– Нам нужна ваша помощь!

В тот миг мне показалось, что я в который раз становлюсь жертвой собственных фантазий, так что было вполне уместно попросить повторить для особо одаренных.

– Что вы сказали?

– У нас сложная ситуация и срочно нужна ваша помощь.

– Моя?..

Последний вопрос был риторическим и был скорее адресован себе самому, чем милиционерам.

А все потому, что я смотрел на них и не понимал. Чего тут непонятного? – спросите вы.

В том то и дело, что ничего. Я и помощь милиции – как-то не укладывалось ни в голове, ни где-то еще.

Пока мои извилины мысленно рассуждали над вероятностями возможностей, на первый план вышел гражданский со своим трезвым взглядом на вещи.

– Простите, что говорю это, но у нас нет времени на ступор. Люди в опасности.

Это мигом привело меня в чувства, вернуло трезвость ума, но все же не избавило от тенденции задавать глупые и неуместные вопросы:

– А вы кто?

На радость всем гражданский не стал скандалить из-за того, что его не признали по запаху.

– Я – журналист Сергей Балябин. Достаточно?

– Вполне, – ответил я.

– Тогда идемте.

Журналист видимо полагал, что я тут же метнусь вслед за ним, но этого не случилось. И он был слегка взбешен, когда обернувшись увидел меня на прежнем месте.

– В чем дело? – спросил Балябин.

Его лицо выражало непреклонную истину, что большинство опрошенных на улице посчитали меня кретином. А мне было плевать. Слишком часто за последнее время я влипал в неприятности. К тому же поблизости не было Давида.

– Сначала объяснитесь, – потребовал я.

Но в ответ мне снова кинули какую-то банально обглоданную кость.

– Нет времени.

Что ж, мне тоже пришлось опуститься до банальности.

– Значит, придется его найти.

Теперь журналист смотрел на меня со злобой. Но тут в разговор вернулись очнувшиеся от словесного бессилия милиционеры.

– Геннадий Петрович....

А я был крут, коль даже милиция знала мое имя и отчество.

– ... на углу террорист-смертник угрожает себя взорвать. Сначала он потребовал явки журналиста, и Сергей Гаврилович любезно согласился нам помочь. А теперь террорист требует адвоката Когана.

– Но я не Коган.

Мое уместное замечание заставило милиционера устремиться в водоворот мимических гримас и облизывания губ. Наверное, это помогало ему сочинять нелепые ответы.

– Мы не смогли связаться с Давидом Натановичем, но возможно террорист удовлетворится вами, как первым помощником....

– Возможно? – я не истерил, но был на грани, – А что если он решит отыгаться на мне?

Ответа от милиции не последовало. Как только возникает проблема, они тут же умывают руки. А вот журналист не дрейфил:

– Решайте сами, но помните, там человек и ему нужна наша помощь.

Я посмотрел ему в глаза, и мне внезапно захотелось сделать что-то хорошее.

– А почему бы и нет, – сорвалось с моих губ.

– Вот и хорошо, – сказал Балябин.

На этот раз я последовал за ним. Мы вышли из гостиницы и свернули за угол. Там посреди детской игровой площадки стоял человек. Ни детишек, ни кого-то еще поблизости не было. Правда, иногда из-за дуба, стоящего в стороне, выглядывало перепуганное лицо в фуражке.

– А где оцепление? – спросил я у милиции.

– Нет средств, – ответили мне, – Сказали справляться своими силами.

Такое положение дел поставило меня в тупик.

– И как вы это представляете?

– Ну, мы попросили людей не подходить близко. Типа снимается ролик для телепередачи «Самые безумные каскадеры».

– А что делать нам?

– Заставьте его сдать.

Мои беседы с представителями закона нисколько не интересовали журналиста, и он уже шагнул по направлению к цели. Пришлось догонять его вприпрыжку.

- А кто он такой? – спросил я по ходу.
- Еще один псих. Говорит, его зовут Дмитрий «Фьюче» Дубровский.
- «Фьюче»? Какой идиот мог придумать такой псевдоним?
- Тот, что теперь хочет себя подорвать.

Через несколько шагов надрывный голос остановил нас:

- Стойте!

И мы не сделали лишнего движения, испуганные одним только писком сумасшедшего.

- Я просил Когана. А это не Коган.
- Дмитрий..., – попытался было объяснить Балябин.

Но тот прервал его взрывом гневных фраз:

- Я же сказал!.. Фьюче!.. Меня зовут Фьюче!..
- Хорошо, Фьюче, – продолжил спокойным тоном журналист, – Мы не смогли найти

Когана, но здесь его первый помощник.

И снова взрыв эмоций.

- Я же сказал, что мне нужен Коган!

От его писка у меня взрывался мозг. Да и ждать взрыва я как-то не собирался.

- А в чем дело? – спросил я.

– Ни в чем! – продолжал вопить этот злобный выродок с броским погонялом, которое он выдумал на досуге, – Вали отсюда, приспешник мирового правительства.

«Тяжелый случай», – подумал я и сделал шаг вперед.

- Стоять!

Но я не слушал и шел дальше шаг за шагом.

- Я сейчас взорву себя!

– Взрывай! – мой ответ был полон наглого цинизма, – Но знай, что я могу тебе помочь.

– Помочь? – для убедительности террорист стал угрожать нажатой красной кнопкой на импровизированном пульте, – Все вы так говорите. А потом тебя убивают или сажают в психушку. Я туда больше не вернусь!

- А как иначе? Бомбы-то у тебя нет.

На долю секунды лицо Фьюче проявило растерянность, а потом оно вновь выставило врагу напоказ злобный взгляд.

- Есть.

Но было уже поздно.

- Сдавайся, – сказал я, усмехнувшись, – И тебя вылечат.

Однако псих не собирался сдаваться.

– Нет! Нет! Нет!.. – в порыве отчаяния он даже стал нажимать все прочие кнопки на пульте.

Но взрыва не произошло. Видимо парень и сам себя убедил в существовании бомбы. Пока он суетился в приступе непонимания собственного безумия, а я наблюдал за этой комедией, подоспел Балябин и ударом в челюсть повалил его на землю.

– Нет! Нет! – мямлил Фьюче, впинаясь ногтями в перегной, – Они придут за мной. Они знают про документы. Вы не понимаете....

- Все мы понимаем, – пояснил Балябин, хватая психа за шкварник.

- Постой! – сказал я журналисту, повинаясь какому-то потаенному инстинкту.

Балябин посмотрел на меня тем же взглядом, каким я ранее был удостоен в гостинице, в котором смешалось непонимание, раздражение и злоба.

- Чего еще?

- А может он говорит правду?

Еще один взгляд в мою сторону.

- Да у него крыша набекрень....

Я посмотрел в сторону милиции. Ее воины наконец-то перебороли слабость в штанах и медленно приближались. Потом я посмотрел на Фьюче, который сплевывал кровь из разбитой губы на траву.

– Что за документы?

Он взглянул на меня с презрением.

– А какая вам разница? Или вы работаете на них??

– Я работаю на себя.

– Это вы так считаете.

Фьюче еще раз сплюнул, а потом вмешался Балябин.

– Хватит баек. Надоели бредни, – и стал заламывать ему руки.

Однако псих разговорился не на шутку.

– Но, получая правду в конвертах, ты не считал ее бредом сумасшедшего....

– Что?!

В порыве некоего смятения Балябин выпустил пленника из рук и тот, не удержавшись на ногах, вновь рухнул на землю.

– Этого не может быть, – прошептал он.

– Еще как может, – теперь была очередь Фьюче смеяться.

И получалось, что только я оставался в кругу непосвященных.

– Что происходит?

Журналист оставил где-то далеко свое самодовольство и злобу. В тот момент он выглядел более чем потеряннным и не менее обескураженным. И в глазах его поселился страх. Точнее это была безбрежная боязнь признать правду.

Вместо него на мой вопрос ответил Фьюче:

– Я посылал ему некоторые материалы. И он знает, что я не вру.

– Не врешь о чем?

– О том, что всем управляет мировое тайное правительство, которое уверено, что Ельцин жив....

– Ельцин?

– Да. Знаешь, некоторые считают, Элвиса живым, другие пишут на стенах «Цой жив!», а эти посчитали, что подобного отношения достоин и Ельцин. Почему бы и нет – решили они. Так что теперь они готовятся к его возвращению, превращая цивилизации в единый и неделимый конгломерат. И когда все будет готово, Ельцин якобы должен вернуться, как Карлсон, который живет на крыше....

– Но это полный бред....

– Решать тебе. Но посмотри на журналиста... Он знает правду...

В желании перебороть собственный моральный паралич Балябин попытался было что-то ответить своему психованному информатору, но не успел. Подбежавшие милиционеры взялись за бесплатный массаж для Фьюче. Но перед тем как одна из дубинок лишила подпольщика сознания, он успел прокричать:

– Найдите документы! Они в Бутово... дом 21....

Когда Дубровского отправили в кутузку, мы с журналистом исчерпали свою миссию. Милиционеры сказали нам «спасибо» и укатили праздновать успешное взятие Бастилии.

– И что теперь? – спросил меня Балябин, пробегая глазами по запустевшему месту происшествия.

– Ничего, – ответил я.

– А как же документы?

У меня в запасе не нашлось ничего, кроме честного смешка.

– Мировое правительство? Да ты гонишь!

Однако Балябина почему-то не вовремя заклинило.

– Я видел некоторые материалы, и они выглядят вполне правдоподобно.

– И то, что Ельцин жив?

– Мне лично удалось побывать в нескольких тайных часовнях, где поклоняются идолам Ельцина как Будде.

Пришлось призадуматься. Очередная фигня засасывала меня против моей воли, но самое странное, внутренний стержень не давал мне отказаться.

– Черт с тобой. Поехали.

Через час нам удалось обнаружить старое обветшавшее здание. Пройдя под аркой, мы наткнулись на стальную дверь с висячим замком. На ней без художественного изыска было намалевано «Тайный союз меча и орала». Ключа у нас не было, но помог стальной прут валявшийся неподалеку. Вставив его в замок, мы навалились, что было сил. Замок выдержал, а петля – нет. Она отлетела в сторону, едва не оторвав мне ухо. Войдя внутрь, я нащупал выключатель и тайную коморку осветил электрический свет. Убранство состояло из письменного стола, нескольких шкафов с книгами и большого портрета Ленина на стене. Особого ума не понадобилось, чтобы обнаружить за картиной сейф.

Но тут как назло зазвонил мой мобильник. Это был ранее искомый мной Давид.

– Ты где?

– Решил подышать свежим воздухом.

– Приезжай в темпе ритма. Клиентка уже на месте.

– Хорошо.

Закончив телефонный разговор, я обратился к Балябину, который пыжился совладать с секретами сейфового замка:

– Мне нужно ехать. Ты сможешь один здесь разобраться?

– Без проблем.

– Тогда увидимся позже.

Обратный путь потребовал тот же час, а то и больше. Задыхаясь, я вбежал в офис, но дальше нескольких шагов пройти не сумел. Два товарища в строгих костюмах и с серьезными намереньями на лицах вручили мне набедренную повязку из пальмовых листьев и копье.

– Одевайтесь!

Юмор был непонятен, но пришлось повиноваться. Вообще я все же надеялся на уединение, но и в этом было отказано. И что хуже всего, откуда ни возьмись появились полубнаженные девушки, которые мигом стащили с меня одежду и стали растирать мое тело смесью пальмового масла и сажи.

К концу процедуры я выглядел чумазее трубочиста. Теперь оставалось только надеть на себя гирлянду из листьев и схватиться за копье. Лишь тогда меня впустили в зал, где уже творилось светопреставление.

– А вот и ты! – воскликнул Давид, приветствуя меня.

Все присутствовавшие были подобно мне разодеты в аборигенов. Кстати, клиентка тоже. А в центре зала располагался огромный торт с надписью лиловым кремом «Наталью Валентинову на хуй!!!»

– Теперь, когда все племя в сборе, можно приступить к церемонии, – продолжал Давид.

– И в чем она заключается?

– Нужно в ритуальном танце забросать торт копьями.

– Зачем?

– Это древняя традиция. На заре цивилизации воины перед охотой убивали символическое изображение добычи.

– Но это торт.

– Так точно.

– Выглядит глупо.

– Возможно. Но за эту глупость нам неплохо платят.

На самом деле все получилось довольно прикольно.

А главное, когда торт был символически убит, веселье не закончилось. Наоборот, оно вспыхнуло с новой силой. Были танцы, выпивка и прочее. Где-то между делом Давид схватился за гитару и наспех набросал мотивчик:

А я сижу и рыбу ловлю...
Подошел ко мне Генка,
Сказал: «Здоров, дружок!
Ты дашь мне на бутылку кусок».
А мы сбежали с Бухенвальда,
А кто-то третий с Австралии сбежал.
А Генка сказал, а Генка сказал:
«Здравствуйте, люди!
Я – ваш новый председатель-пропойца».

Под конец эксперимента некоторых выносили добрые самаритяне. Выглядело более чем забавно. Но в таких случаях главное вовремя остановиться.

– Я в туалет, – сказал мне Давид, – А ты проводи клиентку.

– Будет сделано.

Исключив из своих планов вежливое ожидание полного осушения стакана неразбавленного абсента, я взял клиентку под ручку и сопроводил на свежий воздух.

– Вы такой милый, – сказала она мне, игриво подмигивая, – Надеюсь, мы еще встретимся.

– Обязательно, – отвечал я, закрывая за ней дверь такси.

Но выпивка давала о себе знать, так что девушка занялась посылками воздушных поцелуев из-за стекла. Хорошо, что шофер додумался своевременно отъехать.

Вернувшись в офис, я столкнулся с Давидом. Он был как-то странно встревожен, а его рука сжимала телефон.

– Ты знаком с некой Наташей Фельдман?

«Конечно, да», – сказал внутренний голос, а сердце екнуло.

Не дождавшись ответа, Давид просто протянул телефон.

– Алло, – сказал я, приложив трубку к уху.

– Нам нужны документы, – сообщил голос.

* * *

– Так о чем речь?

После продолжительной паузы вопрос был озвучен во второй раз. На этот раз с большей настойчивостью и даже с некоторым раздражением.

За время моих размышлений Давид успел надыбать каких-то беляшей, а также взять в плен симпатичную девчонку. Его возвращение подтолкнуло меня к мысли, что было бы неплохо сдвинуть дело с мертвой точки. К тому же, сажая девчонку себе на колени, он бросил на меня требовательный взгляд. И это было долгожданной искрой, что подтолкнула меня к действию.

– Так что? – в который раз спросил незнакомец.

И я ответил.

– Балябин мертв.... Вы ведь этого хотели? Так почему бы вам не оставить ее в покое?

Незнакомец расплылся в хитрющей ухмылке. А Давид тем временем сосался с девчонкой, не замечая проблем внешнего мира.

– Боюсь, что этого мало...

* * *

В предпраздничный день в офисе адвоката немногочисленно. Да я и не был расположен тонуть в рабочей атмосфере. На столе передо мной лежал конверт с небольшим посланием. «Ельцин жив!!!» – коротко и немногословно. Когда-нибудь это должно было случиться. Мне было горько от осознания собственного поражения, однако утешительным призом было знание, что никто и никогда не причинит вреда Наташе. Наверное, о такой сделке мечтает каждый.

Раздался звонок коммутатора.

– Геннадий Петрович, вам звонок по третьей линии.

С неохотой я поднял трубку.

– Слушаю.

В ответ раздался очередной надоедливый голос:

– Геннадий Петрович, это Вера Кагromanова.

– Я вас слушаю.

– У меня к вам вопрос. Можно?

– ...

– Не стоите ли вы где-нибудь на ДПНД?... Нет?..

– Нет.

– Серьезно? Как вам это удалось? По-моему вы первый претендент.

– После вас.

– А?..

– После вас.

– Ха-ха-ха... Годится... Ну, это один-один... Я тоже очень вас..., нет, не люблю, но я вам очень-очень... м-м-м... ну я не знаю..., а другого слова не могу я подобрать, хотя, в общем... А... а скажите... Я вот позвонила вам... знаете что... с какой целью? Угадайте... Можете?

– Нет.

– Почему? Вы же все умеете. Ну... может я мечтаю там это..., чтобы меня затрахали по полной... Ой, я не знаю, у вас там другой это... термин... я не запомнила... Но это не входит в мой бытовой лексикон... Я пыталась... мне это очень-очень нравится..., скажем так... Вы вряд ли такое от кого-нибудь услышите. Просто... просто Геннадий Петрович... я понимаю как вы сейчас все это... да... диспергируете в своем сознании, а потом выбросите это что-то вот..., а это вот она меня достала, а я ее... я ее вы...бну по полной программе!.. Хочу с вами очень сейчас поговорить... Вы меня слышите?..

– Да-да. Я слушаю.

– Помогите мне.

– Чем?

– Сочувствием. Вы такой сердобольный, вы такой замечательный, вы же такой интеллигентный, красивый, высокий, голубоглазый..., а всех того... ну такой интеллигент... а-а-а... чего вашему этому Когану... я не знаю, как его там... Давиду... уф-ф... не помню, да мне это и неважно... а ему это во сне не снилось..., вы же это понимаете. А вот я... А можно задавать вам вопросы?

– Конечно.

— Ах, глупый вы, глупый человек. Вы понимаете отлично, что вы выше-выше их всех... много-много. Вы знаете, я все это пережила. К сожалению это не достает..., я не знаю... ни счастья, ни удачи..., ну, я не знаю чего... Вам смешно?.. Мне это вовсе не смешно... Вам, наверное, приходилось встречаться со многими людьми... А вам приходилось... ну, я не знаю... сталкиваться с достойными людьми, которые бы вас понимали... Вы же общались?.. Случалось ли вам встречаться с людьми, с которыми потом... потом хотелось общаться?.. ну или что-то от них поиметь?.. Ну не общаться... ну на какое-то время... было такое? Это вопрос.

— Было.

— А?..

— Было.

— Так и что?..

— Что?

— И чем это кончилось?

— ...

— Это был вопрос.

— Ну, это не кончилось.

— А... А они вам какой-то дивиденд приносят или как?

Или вы просто на них работаете до бесконечности?..

Как на этого... фу... почему-то я его очень невзлюбила... У меня интуитивное неприятие к людям.

Вы считаете, что я неправа?

— Не знаю.

— Ах, да что ж мне с вами делать... не хотите вы со мной откровенно говорить... да?.. не хотите совсем...

— Ну, смотря, что вы хотите услышать...

— Я не заказываю разговоры, я задаю вопросы...

— Я отвечаю.

— Нет, вы отвечаете исключительно тем, что я якобы я хочу услышать. А я хочу услышать не то, что я лично хочу... Это, я не знаю, игра какая-то... ну если бы я сама себе задавала вопросы, а потом отвечала себе на них сама вот то, что я хочу... Мне не надо бы вам и звонить вовсе. Я просто хочу узнать, что вы-то можете ответить.

Сам от себя.

И поэтому я готова задать вам ряд очень-очень открытых вопросов. Можно?.. Нет?..

— Задавайте.

— Но мне нужно, чтобы вы ответили на них искренне. Вы так уже не умеете, вы давно уже так не умеете. Вы знаете почему? Я вам объясню.

Потому что вы зажаты. Вам трудно пришлось... Да... Ну а как всякому еврею, кому легко в нашей стране?.. А потом еще и вторая ситуация. Дело все в том, что это, наверное, в Израиле или где-нибудь в другой стране, там, где свободней люди себя чувствуют. Там люди поддерживают друг друга: евреи поддерживают евреев, армяне армян, а у нас в стране никто никого не поддерживает. А тем более никто не поддерживает евреев и евреек. Это я знаю..., уж это я знаю. И не надо мне бухтеть про то, как вам помог этот ваш то ли Коган, то ли Каган...

Ну ладно. Дело то не в этом, дело в... просто мы так и так все понимаем... Просто мне хочется дать вам понять, что вы не один в этой ситуации, что есть другие люди. А есть другие люди, которые все это понимают, которые вот...

Вы не один. Вы совсем-совсем... и вас многие люди любят. Я хочу, чтобы вы это поняли. Мне тяжело для себя понимать, что я веду себя так безобразно, потому что я не

должна была звонить... Ну как же такое... ну я и вам звоню, и что-то у вас еще спрашиваю. Мне перед собой очень стыдно. Я потом себя когда-нибудь прощу. Но я хотела сказать вам что-то хорошее. Вот и все. Вы хотите, что бы я вам еще позвонила?

– Я как-нибудь без этого проживу.

– Что?! Ах, так... Тогда я не буду больше звонить!

– Я это уже слышал... Но вы все равно продолжаете звонить...

– Какое же у вас самомнение....боже мой...

– Не больше, чем у вас.

– Да перестаньте! Я не могу даже представить, сколько женщин вас оставило... Бог ты мой... Вы такой недееспособный мужик в моем представлении. Мне вас жалко. За вами не ходят девки толпой. Не гладят вас, не молятся на вас. Да... не сложилось...

– Это очередная волна вашей фантазии.

– Что? Нет, это не фантазия, это ваша действительность.

Вы сами это знаете. Вы столько все время мне хамите и хамите, до бесконечности... Я понимаю, вы кем-то обижены, вы чем-то обижены. Я пыталась найти... Но я же вижу, я же чувствую, что вы такой замечательный, такой талантливый человек... И вы столько раз обижали меня, обижали, сами того не понимая, обижали, потому что вы дурак самовлюбленный.

Вас до сих пор никто не оценил, поэтому вы так себя ведете: вызывающе, хамски... А я вам руку дружескую подала, но вы даже этого не поняли.

Вы меня отпихнули. Вам трудно по жизни, но дальше, если вы будете себя так вести, станет совсем невозможно. Ну, да ладно... Быть может, когда-нибудь вы в своих мемуарах вспомните, что я поняла в вас самое главное – что вы человек...

День 1. Гастробайтер по требованию

1

– Ау-у-ух!!! – Артем зевнул громко и протяжно, словно некий царствующий лев из яростной пестроцветной саванны, который имел при себе богатую и лохматую шевелюру и который внезапно разинул свою широченную пасть, чтобы во весь голос заявить о своих незыблемых правах на нечто конкретное, но не упоминаемое.

Правда жизнь на деле была куда прозаичней.

В ней не было места ярким метафорам, но было место обыденным рефлексам, при помощи которых Артем, несомненно, пытался выплеснуть из себя всю основательно накопившуюся за бурные трехдневные выходные усталость.

И надо сказать, что эта вышеозвученная усталость и впрямь была огромна, потому как едва Артем в последний раз снял грязно-оранжевую униформу, случилось так, что его не при каких условиях не переставали преследовать всяческие поводы придаться многогранному пороку и прочему безудержному веселью.

«Так-то оно так», – мелькнула мысль.

А приступ безудержной зевоты к тому времени уже длился три или четыре секунды. Только вот никакого вреда в этом не было.

Широко открытый рот и по-собачьи высунутый язык растягивали не только близлежащие мышцы, но и давали посылы к началу миниатюрной гимнастики всем остальным частям одеревеневшего тела.

– Вот так! – гаркнув, произнес Артем вслух, едва ощутил приятную боль в сомкнутых лопатках, от которой утренняя сонливость стала понемногу отступать.

Однако и при отсутствии сравнимого с жаждой желания незамедлительно уснуть самым что ни на есть мертвецким образом, в сознании Артема было мало посылов к тому, чтобы иметь какое-либо явственное желание работать этим ранним утром, тем самым, когда на чистом безоблачном небе все еще светили ярко переливающиеся звезды, и луна испытующе взирала по сторонам всеми своими пятнами и взгорьями.

«И все же нужно работать...».

Застрявшая в голове безысходность отнюдь не являлась чем-то сверхъестественным. Она была еще одной реалией все той же по большей части скучной и однообразной жизни, к которой Артем даже и не пытался приспособиться. Он просто жил наугад, наивно предполагая, что ему и дальше будет продолжать везти в самых абсурдных и безвыходных обстоятельствах неизбежности.

«И мы будем работать...».

Зубы сомкнулись, язык залез обратно в рот – короче с зеванием наконец-то было покончено. Оставалось лишь немного поерзать на неудобном металлическом сидении и посмотреть прямо перед собой.

«Вот так...».

«Именно так и никак иначе».

Всем этим мог бы и закончиться закономерный и неустанно повторяющийся ритуал рождения очередной рабочей смены, если бы можно было обойтись без маленькой немаловажной детали, без которой никак нельзя было обойтись.

Почему? Скорее всего, потому, что в ней содержалась некая изюминка индивидуальности, позволяющая воспринимать Артема ни как рядового водителя трамвая, ни как вин-

тик в системе безропотных механизмов, а как нечто живое, дышащие и имеющие свои собственные чувства и заморочки.

– Вот блин горелый! – с изрядным негодованием ругнулся Артем, едва его взгляд уперся во внутреннюю поверхность лобового стекла.

На ней он без усилий смог разглядеть мельчайшие капельки слюны, переливающиеся в тусклом свете маломощных лампочек подобно дорогостоящему перламутру. Только вот эдакое зрелище отнюдь не заставило его испытать гордость, оно заставило его испытать вполне болезненное и изрядно стойкое чувство стыдливости за самого себя.

«Я не виноват», – в который раз в своей достаточно протяженной жизни Артем пытался привить себе небольшую толику упертой самодовольности.

И как обычно ничего не вышло из этой безнадёжной затеи. А потому, несмотря на все прилагаемые усилия и осуществляемые старания, совершенно обычный парень, обыденно и попеременно работающий на оранжево-зеленом поскрипывающем трамвае за номером два, так же как и прежде испытывал все тот же навязчивый дискомфорт, то и дело вылезающий в огромный скользкий мир откуда-то из подберья.

Вина, неудобство, разочарование и неуверенность в себе – все это совершенно точно вмещалось в одном простом ощущении стыдливости.

Однако кроме всего вышеперечисленного всегда был еще один немаловажный компонент. Без него никогда бы ничего не получилось, без него все давным-давно заглохло бы на корню. А с ним все росло и ширилось, с ним вероломное чувство стыдливости с едким шипением прожигало все имеющиеся внутренности насквозь. Но кто же он? О, этим самым немаловажным компонентом были многочисленные воспоминания обычного человека Артема о том, как незадолго до существующей в настоящем секунды и во многие разы прежде он по каким-то не определяющимся причинам не смог удержать при себе свою собственную слюну. И так уж получалось раз за разом в многочисленном прошлом, что все самые лучшие и благородные позывы всегда заканчивались обильными непреднамеренными брызгами ротовой жидкости.

И раз за разом эти самые брызги, словно незванные пришельцы из глубоко неизведанного космоса, приземлялись на лицах очень даже привлекательных девушек, с которыми Артем пытался познакомиться, очень перспективных работодателей, к которым Артем чудом попал на собеседование, и очень случайных прохожих, от которых Артем успешно и закономерно зарабатывал очередной удар под дых...

«Ну и черт с ним!» – мысленно решил Артем, когда ему наконец-то надоело прокручивать в голове одни и те же мучительные воспоминания, что, безусловно, жалили его детскую лабильную психику похлеще самого гигантского полчища пчел, ос и шмелей.

И тогда он старательно протер рукавом синей клетчатой рубашки испачканное лобовое стекло, внимательно убедился в его чистоте, вздохнул без особых усилий, посмотрел по сторонам, и только после этого все-таки оживил электрический двигатель своего экипажа.

– Р-р-р..., – тихо проурчал мотор, а затем перешел на еле слышный шепот.

Артем внимательно оглядел стрелки и кнопки на приборной панели – вроде как все было в полном порядке, что в свою очередь подразумевало, что трамвай полностью готов к работе.

«Можно ехать», – убедил себя малоопытный водитель общественного транспорта.

Без самоубеждения ему никак нельзя было обойтись в столь ранний час, потому как близлежащие здания, кусты и деревья все еще были окутаны непроглядной тьмой, а на чистом безоблачном небе до сих пор не переставали светить ярко переливающиеся звезды, да и блюдцевидная луна по-прежнему назойливо бахвалилась своим до крайности испещренным ландшафтом. Все это явственно означало, что ночь до сих пор не окончена. Конечно, Артем мог выстрогать из себя экзальтированного эстета, для которого ночной мир был бы

вроде как аутентично прекрасен, однако света звезд и луны было крайне недостаточно, чтобы распугать всех призраков, притаившихся в темени бессознательной фантазии совершенно обычного человека. Здесь нужно было нечто большее. И к счастью это имелось в наличии.

– Сейчас все будет, – прошептал Артем и сдвинул нужный рубильник.

Желтоватые вспышки фонарей родились молниеносно и почти тотчас отвоевали законно отведенное им пространство.

«Отлично», – радовался Артем.

Теперь ему не нужно было заикливаться на сомнительно обозначенном присутствии каких-либо потусторонних существ. Внезапно вырванная из тьмы заполированная металлическая поверхность рельс была куда реальнее, чем все остальное – зримое и незримое. И эта самая поверхность позволяла полноценно осознать, куда в этом большом и странном мире стоит катиться, а куда определенно не стоит.

– Поехали, – в очередной раз решил малоопытный водитель трамвая.

Правда, одного решения было маловато. Нужно было еще покрутить некоторые рычаги, предварительно ухватившись за них руками, нужно было решить вопрос с тормозами. Но с этим не возникло сложностей. Детали, мелочи и прочее никак не могли помешать движению вперед. А потому немного погодя трамвай все же сдвинулся с места. Чуть-чуть поскрипывая, изрядно дребезжа, но все же сдвинулся, не остановился и продолжил скользить по заданной петляющей металлической траектории, не забывая сглаживать заведомо острые углы, не забывая о крайне важном сцеплении и необходимости наращивать скорость, не забывая о том, что мир кое-как, но все же вертится.

– Доброе утро! И снова настало время для нашего утреннего шоу!..

Это произнес бодрый жизнерадостный голос из маленького радиоприемника, который Артем собственноручно пристроил в водительской кабине трамвая за номером два. Хотя, если уж и быть терминологически точным, то Артему следовало именоваться отнюдь не водителем, а машинистом, потому как он почти что управлял поездом. Однако подобный перенос чрезмерной мудрености совсем не нравился тому, кто в столь ранний и темный час пытался осторожно преодолеть петлевидную загогулину рельс позади конечной станции...

– И вот у нас уже есть звонок!.. Алло!.. Говорите!.. Здравствуйте!..

Артем осторожно зевнул от умиления тем фактом, что кому-то в этот безумный час категорически не спиться. Да он тоже не спал, но у него хотя бы был для этого непрекращаемо веский довод. Им была никогда и никуда не исчезающая обильная потребность в приятно похрустывающих денежных госзнаках, которые по заведенной традиции всегда выдавали по окончании каждого месяца.

– Так кто же нам дозвонился?!.. Как вас зовут?!.. Назовитесь...

«Наверное, очередной идиот», – подумал Артем мимоходом.

А сам тем временем уже практически заставил трамвай преодолеть буферную зону, ту самую, что неизменно существовала в пространстве между концом пути и его началом.

– Света...

Персонажа, дозвонившегося до студии радиоэфира, было еле слышно. На заднем плане было слишком много посторонних голосов, чересчур громкой музыки и крайне экспрессивного веселья. Но имя было названо, и его характер позволял как ведущим, так слушателям понять, что в бессмысленную утреннюю беседу только что влилась некая особа женского рода.

– Доброе утро, Света!..

– Доброе утро, Света!..

– Доброе утро, мои дорогие очень любимые ведущие!.. Я очень-очень рада вас слышать!.. Все круто!.. У-у-у-у!..

Артем практически не слышал ни слов, ни тембра голосов, ни множества притянуто наигранных эмоциональных вкраплений. У него были дела поважнее, которыми он действительно стремился заняться, а вся эта белиберда из радиоприемника была лишь звуковым фоном, позволяющим не заснуть на рабочем месте и не заработать себе преогромную охапку неприятностей.

«Ну, точно».

Да и вообще водитель трамвая за номером два терпеть не мог эту самую радиопередачу, что прямо сейчас блуждала по коротким радиоволнам. И он с безумной радостью хотел бы переключить канал, да только в столь ранний час на всех прочих частотах существовал лишь белый шум, а значит оставалось только смириться и запрятать неизбежно назревающий гнев куда-нибудь поглубже.

– Остановка «Бульвар Балабанова». Следующая остановка «Улица Клима Самгина».

На этот раз слова донеслись не из радиоэфира, на этот раз их произнес голос из динамиков, едва рельсовая петля осталась позади колес последнего вагона и металлические гармошкоподобные двери распахнулись. И в этих словах было куда больше пользы, чем во всей прочей болтовне, хотя бы потому, что не было в них всей той вычурной слащавости, которая в самой полной и самой невозможной мере присутствовала в деструктивных диалогах ухохатывающегося словоблудия.

И в этом была своя прелесть. И поэтому тремя секундами погодя, когда гармошкоподобные створки с прежним грохотом сошлись в исходное положение и тем самым закрыли все выходы в каждом из вагонов трамвая, Артем очень сильно возрадовался тому, что ему было благоволено дозволено снова нажать нужную кнопку и таким образом снова породить на свет очень важный голос из динамиков, а также его очень важные слова:

– Следующая остановка «Улица Клима Самгина».

Однако после фонетического свершения пятого слова голос из динамиков снова затих, так что не совсем выпавшемуся водителю пришлось довольствоваться только лишь слуховым созерцанием неутомимого дребезжания трамвая, продолжающего свой неизменный путь скольжения по отполированному металлу рельсовой дороги, да все того же ненавистного утреннего радиошоу, заставляющего любого вменяемого покойника не раз и не два перевернуться в гробу.

– Так что вы нам расскажите, Света?!..

– О, очень-очень многое!..

Как видно шоу могло продолжаться, несмотря на чью-то откровенную нелюбовь к его существованию. Так уж была устроена жизнь, и вполне обычный водитель трамвая ничего не мог с этим поделать.

«Коза!» – подумал Артем.

А слова тем временем уже текли очень бурной рекой:

– Во-первых, вы ребята: Кирилл, Зайк и Пайк!.. Вы очень клевые!.. Вы безумно клевые!.. Вы клевей всех клевых!..

Девушка буквально захлебывалась от приступов визгливого самолюбования, а кое-кому другому приходилось брезгливо корчиться от подступающей к горлу тошноты.

«Зайк и Пайк? Seriously? Это что имена клоунов?» – на мгновение крайне иронично задумался Артем, пока следил за дорогой и выруливал с улицы на улицу.

После такого он мог бы совершенно свободно перестать удивляться чему-то еще.

И все же выбор был невелик, так что приходилось продолжать слушать то, как какая-то взбалмошная девица верещит в свой украшенный стразами телефон очередные глупости:

– И я тоже клевая!.. И мне очень-очень клево!

– Мы безумно рады за вас Света!

– Спасибо!

И весьма сомнительные ведущие, и внезапно дозвонившаяся до них сумасбродка могли бы еще долго рассыпаться во взаимных комплементах, да только первым нужно было оправдывать свои баснословные гонорары, что собственно никак не смогло произойти без обнажения пикантных подробностей в радиоэфире.

– Ну а сейчас по нашей давней традиции пришло время для нашей специальной рубрики «ЛОБОВАЯ АТАКА»!..

Такое громкое заявление сделал вроде как Кирилл.

Артем не был уверен стопроцентно, потому как для него было важнее не переехать тяжелыми коваными колесами кого-нибудь по самой нелепой случайности (бездомную кошку или прилегшего отдохнуть бомжа), а не запоминать имена людей, которые ему были более чем противны.

«О, Боже, как же сильно меня тошнит от них!..», – думал Артем, нажимая в очередной раз на кнопку и в очередной раз порождая самый вразумительный голос, спокойно и размеренно сообщающий куда более важные вещи:

– Шестая горбольница. Следующая остановка – площадь Терешковой.

Только вот гармошкоподобные двери снова резко захлопнулись, тяжелые вагоны снова медленно стартовали и с экстравагантной дрожью заскользили по металлическому полотну. Ну а вместо спокойствия, умеренности и рассудительности невыносимо громко разразилась вычурная рекламная заставка, замиксованная из всякого рода грохочущих и бурлящих звуков, в конце которой некто изрядно шепелявый прохрипел:

– ЛОБОВАЯ АТАКА!..

– Гады вы ползучие, – как бы в ответ негромко пробормотал водитель трамвая.

Хотя возможно эти слова были адресованы нескольким муравьям, непонятно откуда взявшимся на приборной панели, и никак не относились к тем, кто после громогласной рекламной заставки принялся нести в эфир еще большую чушь:

– Да, да, да, да!!!.. Это ваша любимая ЛОБОВАЯ АТАКА! И мы как обычно с вами!..

Или же нет?! Наверное, Артем и сам не знал, не понимал, что именно происходит вокруг и как именно ко всему этому относится его душа, что об этом думает его сердце и довольно ли его худощавое тело той зыбкой и злачной средой, в которую его поместили по какой-то нелепой случайности или же по излишне громоздкой прозорливости. Ему редко приходилось думать о большой и страшной Вселенной, таящей в себе голос самого безумного разума, что некими странными желаниями неизменно и испокон веков управляет чужими судьбами, морями и планетами. Конечно, он знал, что слишком многие именуют все это предельно коротко – БОГ. Но сам Артем вряд ли мог убедить себя, что во что-то верит. И атеизм тут был совершенно не причем...

– Да, да, да, да!!!.. ЛОБОВАЯ АТАКА!..

«Вся моя жизнь – это бесконечная лобовая атака», – так думал водитель трамвая, старательно заставляя свой экипаж повернуть налево.

А что там было???

Очередные многоэтажные дома, скудная растительность в виде нескольких хиленьких деревьев с сухими сучьями на месте ветвистых крон, да кое-как припаркованные машины... Ничего нового, ничего сверхъестественного, ничего из того, что смогло бы хоть кого-нибудь заставить задуматься о существующем вокруг...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.